

Краснодарский университет МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции

(20 октября 2025 г.)

Краснодар
2026

УДК 34
ББК 67
А 43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

Н. Ш. Козаев, доктор юридических наук, профессор (председатель);
Д. В. Бабанина, кандидат юридических наук (заместитель председателя);
Р. Х. Беркелиева (ответственный секретарь),
А. О. Малофей, А. Д. Котенев, С. Т. Ханчаев, Л. Г. Лифанова,
О. В. Еремченко, Е. А. Батагова

А 43 Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: региональные аспекты: материалы Всерос. научно-практич. конф. (20 окт. 2025 г.) / редкол.: Н. Ш. Козаев, Д. В. Бабанина, Р. Х. Беркелиева и др. – Электрон. дан. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2026 г. – Текст: электронный

ISBN

Содержатся материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: региональные аспекты», состоявшейся в Ставропольском филиале Краснодарского университета МВД России 20 октября 2025 г.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 34
ББК 67

ISBN

© Краснодарский университет
МВД России, 2026

Содержание

Агафонов Н.А. Тактико-правовые особенности применения специальных средств сотрудниками полиции в контексте региональных особенностей	6
Арзыбаева А.А. Трансформация морально-этических принципов гражданского права в эпоху искусственного интеллекта	13
Бойко К.В. Территориальные структуры федеральных государственных органов в механизме обеспечения безопасности государства (на примере Республики Крым)	20
Бондарев С.П. Проблемные вопросы квалификации ятрогенных преступлений	27
Бондарева И.О. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел о ятрогенных преступлениях	31
Гапонюк К.В. Цифровые платформы как драйвер социально-экономической трансформации: эволюция договорных парадигм	33
Говорун А.Ю. Физическая, огневая и тактико-специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел: современные методы и актуальные вызовы	40
Гонтарь С.Н. Объективность расследования уголовных дел как обязательное условие уголовно-процессуальной деятельности	45
Гончаров А.В., Исакова А. Ю. Актуальные вопросы производства почерковедческих экспертиз копий документов при установлении факта монтажа исследуемых подписей	49
Гуралев В.М. Проблемные вопросы, возникающие при обучении болевым приемам сотрудников МВД женского пола	53
Деньмухамедов Д.А. Проблемные аспекты предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, связанных с использованием чужих энергоресурсов с целью майнинга криптовалюты	57
Досакаев А.Б. Противодействие незаконной миграции как основополагающий фактор обеспечения национальной безопасности государства с использованием цифровых финансовых активов	62
Жигалова Г.Г. Особенности назначения и производства экспертиз, связанных с причинением вреда здоровью	65
Игнатова Т.Ю. Региональная правовая система как институт правоприменительной деятельности	69
Каменданова М.С. Расследование контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 2001 УК РФ): некоторые проблемные аспекты обстоятельств, подлежащих установлению	72
Коротаева М.А. Лучевая диагностика и особенности оценки исследования в рамках судебной медицинской экспертизы, с позиции доказательства	76

Костюк А.С. Содержание принципа добросовестности в исполнительном производстве	81
Лифанова Л.Г. Проблемы реализации прав граждан на этапе доследственной проверки	87
Малофей О.П., Малофей А.О., Липчанский Д.С. Анализ моделей распределения ошибок в цифровых каналах связи, используемых в системах видеомониторинга правоохранительных органов	92
Малофей О.П., Малофей А.О., Сластенов А.С. Рекомендации по использованию искусственного интеллекта в системах видеомониторинга для нужд правоохранительных органов	98
Масалов А.Г. Конституционные основы деятельности полиции по обеспечению прав человека и гражданина: региональный аспект	103
Миронова Е.Н. Этические проблемы в современных реалиях	108
Михайлова Е.В. Факторы детерминации преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (региональный аспект)	112
Насыбуллина Р.Р. Теоретико-правовые и прикладные региональные проблемы противодействия правонарушениям: от предупреждения к расследованию	117
Науров Д.М. Модернизация профессиональной физической подготовки в региональных силовых структурах: технологический и методический аспекты	124
Подколзин К.Е. Особенности доказывания вины в преступлениях, связанных с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции: проблемы и перспективы судебной практики	127
Ромашова М.В. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: региональные аспекты	131
Рясов А.А. К вопросу об изъятии электронных носителей информации при производстве следственных действий	136
Седых Т.В. Защита прав личности в уголовном судопроизводстве: важные аспекты	140
Сериков Р.В. Финансовые отношения в содержании объекта неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ).....	141
Соболева А. Е. Категория целесообразности в уголовном судопроизводстве: понятие и сущность.....	149
Сотникова Ю.Н. Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях частного обвинения.....	153
Таран А.В. Интеллектуальные системы поддержки принятия решений следователями на стадии возбуждения уголовного дела.....	157
Трусов А. И. Особенности применения нового основания прекращения уголовного преследования.....	160
Уваров И. А. Пенитенциарное насилие как социальная проблема	162
Цындра В. Н. Характеристика основных этапов доставления сотрудниками полиции граждан, нарушающих порядок проведения публичных мероприятий	167

Челпанова М. М. Взаимодействие органов внутренних дел и учреждений образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних	172
Черников С. В О субъектах признания доказательства недопустимым.....	180
Чехлатая О. А. Криминалистические методы выявления и фиксации цифровых следов экстремизма в молодежной среде	185
Шелпаков Р. О. Актуальные проблемы обработки персональных данных	191
Юшкевич А. А., Арутюнов А. А., Малофей А. О. Алгоритм устранения сложных задержек, возникающих при стрельбе из автомата Калашникова	199
Юшкевич А. А., Параскевич П.С., Ким С.А. Комплексные стрелковые упражнения из пистолета как средство повышения мотивации и поддержания интереса обучающихся к огневой подготовке	203

Агафонов Николай Александрович,
доцент кафедры административного, финансового
и информационного права
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент

Тактико-правовые особенности применения специальных средств сотрудниками полиции в контексте региональных особенностей

Как известно, российская стратегия борьбы с преступностью включает в себя широкий спектр мер. В первую очередь, это создание соответствующей правовой базы, которую составляют Конституция РФ, Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 года № 3-ФЗ «О полиции», уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное законодательство, а также международно-правовые нормы и акты, регулирующие деятельность правоохранительных органов. В эту базу входят также акты Президента, Правительства и других федеральных органов исполнительной власти, координирующие действия по предупреждению преступлений и наказанию виновных в их совершении.

Важными в указанной стратегии являются экономические меры – такие, как перекрытие экономических потоков, питающих террористические группировки, налаженные схемы отмыwania «грязных» денег и т.д.

Но основными все же остаются силовые меры: оперативно-разыскная деятельность и расследование преступлений. Они включают борьбу с насильственной, организованной и коррупционной преступностью, а также с терроризмом, экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков. В ходе этой борьбы сотрудники спецслужб и правоохранительных органов применяют широкий спектр вооружения и специальных средств.

Следует отметить, что такая стратегия в целом достигает поставленных целей: так, в 2024 году число зарегистрированных преступлений сократилось до 1911 тысяч, число преступлений против личности сократилось на 7,7%, число преступлений против собственности – на 8,4% [1]. Эта положительная динамика требует от сотрудников правоохранительных органов высокой самоотдачи, тактико-правовой подготовки и уровня владения вооружением и специальными средствами, от чего нередко зависит жизнь и здоровье служителей закона.

Однако статистические данные, содержащиеся в открытых источниках, показывают значительное число случаев гибели и ранений сотрудников органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей. В 2018 г. при

исполнении служебных обязанностей погибли 45 сотрудников МВД и более 1300 пострадали, за 2019 год – 59 погибших сотрудников и 3500 сотрудников, получивших ранение, в 2020 году при исполнении служебного долга погибли 26 сотрудников органов внутренних дел [2, с. 7]. И зачастую среди причин их гибели фигурирует тот факт, что они не смогли в полной мере противостоять преступникам именно из-за недостаточного уровня тактико-правовой подготовки в области применения специальных средств.

Именно с этим обстоятельством связан интерес к изучению обозначенной проблемы в научно-юридических источниках.

Их анализ источников показывает, что, несмотря на важную роль тактико-правовой основы применения специальных средств, она все еще недостаточно проработана как на теоретическом, так и на практическом уровне. Многие исследователи это связывают с отсутствием консенсуса в понимании самой дефиниции «специальные средства». Между тем в юридической литературе одним из самых надежных способов, предохраняющих от недоразумений в исследовании, является точное определение. Несмотря на то, что роль определений немаловажна, их анализ встречается не так часто, как бы хотелось и как этого требуют интересы науки и практики.

Общеизвестно, что для построения дефиниции необходимо определить понятие через род и видовое отличие. И здесь возникает вопрос: как, соблюдая правила логики, соединить в одном понятии объекты, механизмы, технические устройства и даже живые организмы?

Ряд авторов предлагает как родовой признак считать наличие принудительного воздействия при использовании устройства, вещества, предмета или служебного животного. Например, А.В. Куянова и О.Ю. Филиппов под специальными средствами понимают «состоящие на вооружении полиции и применяемые ею в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, технические средства, вещества и служебных животных, назначением которых является оказание принудительного физического воздействия на человека, без нанесения существенного ущерба его здоровью, а также для физического воздействия на объекты материального мира и окружающей среды» [3, с. 311].

Другие авторы делают акцент на принадлежности и предлагают считать специальными средствами совокупность применяемых полицией устройств и приспособлений [4, с. 7] или технических средств вообще [5, с. 16].

Третьи во главу угла ставят наличие правоохранительных целей, а именно – «пресечение противоправных действий в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью и обеспечивающих лишение лиц, против которых они применяются, способности осуществлять активные действия» [6, с. 7].

В той или иной мере данные авторские определения обладают некоторыми недостатками и критикуются учеными и специалистами. И одним из существенных недостатков называется отсутствие указания на отраслевую принадлежность специальных средств.

Другие же предлагаемые дефиниции уязвимы в том, что оперируют неопределенными параметрами оказываемого воздействия на правонарушителя. В частности, В.И. Ковшевацкий и С.П. Стащенко указывают на то, что специальные средства предназначены для воздействия на человека без нанесения ущерба его здоровью. «Гематома, оставленная на предплечье в результате законного применения палки специальной, – пишут они, – уже свидетельствует о причинении телесных повреждений, а соответственно, нанесении ущерба для здоровья. Видимо, речь нужно вести о существенном ущербе для здоровья либо причинении смерти» [7, с. 201].

Следует подчеркнуть, что научное осмысление понятия «специальные средства» отстает от их стремительного совершенствования: на вооружение полиции поступают все новые и новые образцы спецсредств. В последнее время и у нас в стране, и за рубежом активно внедряются беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА). За последние годы число нарушений закона с использованием БПЛА выросло почти вдвое. И что самое тревожное, их стали активно использовать в ходе террористических актов. Поэтому идет масштабная работа по поиску средств противодействия таким явлениям. С их помощью можно отслеживать действия террористов, вести длительную съемку за ними, точно определить свой дальнейший план действий и план по нейтрализации террористических актов [8, с. 14–16].

Еще одно перспективное направление в создании спецсредств антитеррористической направленности – устройства на основе лазерной технологии, которые действуют по принципу летучих мышей: излучают импульсы, а затем, получив их отражение, выявляют наличие газовых паров и примесей и их местоположение. Также активно внедряются в арсенал спецсредств акустические пушки с возможностью применения акустического (или сонарного) воздействия на правонарушителей и т.п. Все это заставляет пересматривать как правовые нюансы применения таких спецсредств, так и их соответствие предлагаемым определениям спецсредства как научной дефиниции.

Нет единодушия в понимании дефиниции «специальные средства» и со стороны законодателя. И хотя впервые термин «специальные средства» стал использоваться с 1978 г., их применение жестко регламентировалось инструкциями, а незаконное использование влекло за собой серьезную ответственность, но содержание этой дефиниции так и не было раскрыто.

В этой связи в данной работе мы будем опираться на понятие, данное в комментарии к Федеральному закону Российской Федерации от 07.02.2011 года № 3-ФЗ «О полиции», где специальные средства определены как «состоящие на вооружении полиции технические изделия (устройства, предметы, вещества) и служебные животные, основным назначением которых является оказание прямого принудительного физического воздействия на человека или какие-либо материальные объекты» [9].

Остановимся более детально на тактико-правовых особенностях применения сотрудниками полиции данных специальных средств. При этом обратим внимание на то, что условия, пределы и порядок применения этих специальных средств устанавливаются для разных видов правоохранительных органов в разных правовых актах.

В Федеральном законе «О полиции» в части 1 ст. 18 указано, что сотрудник полиции в целях выполнения возложенных на него обязанностей «независимо от занимаемой должности, местонахождения и времени имеет право применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Федеральным законом» [9]. Кроме того, частями 3 и 9 ст. 18 закреплено положение, в соответствии с которым сотрудник полиции в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства. Он не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами и Федеральным законом «О полиции».

Порядок применения специальных средств регулируется на федеральном уровне ст. 21 ФЗ «О полиции», где четко прописаны основания, условия и виды таких средств, которые могут использоваться сотрудниками. Сам перечень специальных средств, а также огнестрельного оружия утверждается Правительством РФ, что делает его единым для всех подразделений полиции в стране.

Таким образом, порядок применения специальных средств полиции меняться не может, поскольку он устанавливается исключительно федеральным законодательством. Однако на региональном уровне, как показывает анализ правоприменительной практики, могут регулироваться некоторые тактико-правовые аспекты применения специальных средств, так как, пресекая

преступления и иные общественно опасные деяния, в разных регионах сотрудники полиции действуют в очень разных ситуациях и обстоятельствах.

Среди них можно указать на следующие аспекты.

1. Криминогенная обстановка. В регионах с высокой криминогенной обстановкой или частыми массовыми беспорядками специфика применения спецсредств полиции заключается в повышенной вероятности столкновения с активным сопротивлением, вооруженными преступниками и массовыми беспорядками. Это влечет за собой акцент на средствах индивидуальной бронезащиты: боевых защитных комплектах, бронежилетах, бронешлемах, бронещитах и т.д.

На федеральном уровне определено, что сотрудник полиции не реже одного раза год обязан проходить специальную подготовку, а также проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. А на региональном уровне уже определяется наполнение содержания такой специальной подготовки, учитывая специфику региона – отработку строевых и боевых стоек и боевых порядков с бронещитами, атакующих ударов палками специальными, характерных для противодействия массовым беспорядкам. Такая подготовка проходит как индивидуально, в тире и спортивном зале, так и в ходе учений.

2. Рельеф местности. Применение спецсредств зависит от типа рельефа.

В регионах с преимущественно равнинной местностью требуется использование средств, обеспечивающих высокую скорость и дальность. Это открытое пространство, где затруднена скрытность и маскировка. Поэтому применяются средства, обеспечивающие дальнейшее и быстрое поражение целей (например, БПЛА, дроны-камикадзе). Важны средства для быстрой смены позиций и обеспечения высокого темпа наступления.

Особенности горных регионов – наличие высот, ущелий, скал; затрудненное передвижение и связь. Здесь используются средства, позволяющие действовать на разных высотах, например, специальные газовые средства (аэрозольные распылители, ручные гранаты раздражающего (слезоточивого) действия, патроны и боеприпасы слезоточивого действия). Важно учитывать, что применение спецсредств в горах может быть осложнено особенностями рельефа, плохой видимостью, ограниченной мобильностью сотрудников. Поэтому выбор и применение спецсредств должны быть адаптированы к конкретной горной местности и ситуации.

В регионах с холмистой местностью (с лощинами, балками, оврагами) эффективны спецсредства для снижения воздействия поражающих факторов, адаптированные для скрытного передвижения и маскировки.

3. Климатические условия. Региональные особенности также связаны с климатическими условиями.

В частности, применение спецсредств полицией на Крайнем Севере имеет особые ограничения, связанные с экстремальными погодными условиями, которые запрещают использовать водометы при температуре ниже нуля градусов и требуют осторожности в условиях ограниченной видимости и горной местности. Кроме того, при сильном морозе может снижаться эффективность газовых средств и химических компонентов в спецсредствах.

Наоборот, при высоких температурах может снижаться эффективность охлаждающих элементов или увеличиваться испаряемость активных веществ в газовых средствах, что уменьшает их воздействие на человека. Особенно аккуратно необходимо обращаться со средствами защиты охраняемых объектов, блокирования движения групп граждан, совершающих противоправные действия.

Территории с увеличенной влажностью могут снижать эффективность светозвуковых и световых спецсредств, а также затруднять применение газовых средств из-за рассеивания частиц. Так же, как и дождь, снег и туман могут влиять на эффективность световых и звуковых средств, а также на прицельное применение других спецсредств. Преобладающие сильные ветра могут рассеивать газовые средства, снижая их концентрацию в зоне действия.

Все сказанное говорит о том, что перед применением спецсредств необходимо учитывать климатические условия и выбирать спецсредства, которые им соответствуют. Различные погодные условия могут потребовать использования дополнительных средств или корректировки тактики применения спецсредств.

4. Внутренние нормативные акты. Внутри региональных управлений полиции могут существовать дополнительные инструкции, методические указания и порядки применения спецсредств, которые уточняют порядок применения спецсредств на региональном уровне, но не противоречат федеральному законодательству. Кроме того, применяются общие для всей России правила, касающиеся запрета ударов по голове и сердцу, а также ограничений в отношении транспорта и скопления людей.

Подводя итог сказанному, еще раз подчеркнем: в списке угроз национальной безопасности государства преступность занимает одно из первых мест. Чтобы эффективно противостоять этой угрозе, необходимо активно развивать приоритетные направления создания современных мощных специальных средств, позволяющих побеждать преступность в любом ее проявлении.

Литература

1. Щербакова, Е. М. Преступность в России, 2024 год // Демоскоп Weekly. – 2025. – № 1075-1076. – URL: <https://demoscope.ru/weekly/2025/01075/barom01.php> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Иванов, Д. В., Гимазова, Ю. В. Эффективность законодательства об организации огневой и физической подготовки полицейских в Российской Федерации // Управление. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 5–15.
3. Куянова, А. В., Филиппов, О. Ю. Понятие и назначение специальных средств правоохранительных органов по законодательству стран ближнего зарубежья // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 12(240). – С. 311–314.
4. Войтенко, В. А. Правовые и организационно-тактические основы применения специальных средств: учеб. пособие. – Москва: ВНИИ МВД России, 1995. – 96 с.
5. Ященко, А. С. Борьба с терроризмом в современной России // Вестник науки. – 2025. – № 6(89). – С. 1245-1249.
6. Войтенко, В. А., Данилов, И. П., Миронов, С. С. Правовые и организационно-тактические основы применения специальных средств: учеб. пособие. – Москва: ВНИИ МВД России, 1995. – 47 с.
7. Ковшевацкий, В. И., Стащенко, С. П. Некоторые правовые аспекты применения специальных средств сотрудниками полиции // Вестник московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 166–174.
8. Лосминская, М. В. Вооружение и специальные средства полиции за рубежом : научно-техн. информационный сборник // ФКУ НПО «СТиС» МВД России. – 2022. – № 4. – С. 11-16.
9. О полиции: Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 10.10.2025).

Арзыбаева Айпэри Абасалиевна,
аспирант 1 курса
Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Трансформация морально-этических принципов гражданского права в эпоху искусственного интеллекта

Российское государство уделяет достаточное внимание вопросам использования искусственного интеллекта, в том числе и морально-этической стороне. В процессе формирования системы нормативно-правовой основы, регламентирующей соответствующие общественные отношения, приняты такие документы, как Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) [1], распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» [2] и большое количество других документов.

В научной среде происходит дискуссия касательно определения сущности такого понятия, как искусственный интеллект. Часто говорят о технологии, которая обеспечивает автоматизацию интеллектуального человеческого труда. К.С. Головин указывает, что искусственный интеллект может быть определен, исходя из его характеристик, как система, способная выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта, такие как распознавание, принятие решений, творчество, обучение, развитие и общение [3, с. 266]. При этом важно отметить, что существует большое количество технологий, которые позволяют автоматизировать определенные задачи человеческого интеллекта. Не обязательно использовать именно модель искусственного интеллекта, часть работы может быть выполнена с помощью традиционных алгоритмов. Например, чат-боты для общения существовали и 20 лет тому назад, хотя качество их работы сильно уступало чатам, которые основаны на больших языковых моделях. Также существует ряд примеров программного обеспечения, которое поддерживает принятие решений.

Таким образом, автоматизация человеческого интеллекта является важным элементом, но не единственным признаком искусственного интеллекта. Это также и подход, который архитектурно существенно отличается от традиционных алгоритмических решений. Вместо ветвления и предусмотрения различных сценариев формирования ответов в зависимости от значения переменной в конкретном алгоритме речь идет об активизации совокупности

весов и коэффициентов для проведения сложного расчета конечного результата, который в дальнейшем трансформируется в конкретный ответ.

Источник рисков нарушения морально-этических принципов связан с таким понятием, как «черный ящик». В зарубежной научной литературе предлагается понимание систем, внутренних процессов и алгоритмов, которые остаются непонятными как для самих разработчиков, так и для пользователей [4, с. 10].

Неочевидность процесса принятия решений нарушает важные принципы гражданского права. Возникает морально-правовая дилемма касательно ответственности искусственного интеллекта, самого разработчика или владельца соответствующего программного продукта. Неочевидным является моральный статус искусственного интеллекта, а именно как квазисубъекта права или как всего лишь инструмента в руках ответственного лица.

К.С. Головин, который посвятил свое внимание научной проблеме взаимосвязи права и искусственного интеллекта, предлагает дополнить Гражданский кодекс Российской Федерации статьей 1261.1 «Искусственный интеллект», в которой целесообразно определить, что:

Статья 1261.1 ГК РФ «Искусственный интеллект»

1. Каждый пользователь имеет право на объяснение решения, принятого с использованием системы искусственного интеллекта, если это решение затрагивает его права и свободы. Такое объяснение должно включать в себя информацию о данных, использованных для принятия решения, и логику алгоритма. [5, с. 293].

Кроме этого, автор предлагает закрепить механизм сертификации тех систем искусственного интеллекта, которые применяются для принятия решений, затрагивающих права и свободы граждан. Отмечается необходимость документирования всех значимых факторов, которые повлияли на принятое решение, а также отмечена важность регистрации существенных операционных параметров.

Говоря о таком подходе, прежде всего следует обратить внимание, что часто искусственный интеллект работает без определенного алгоритма. В этом состоит его отличие от традиционного подхода, в рамках которого разработчик составляет определенную программу, выполняемую поэтапно, где каждый последующий шаг зависит от предыдущего. Современные системы искусственного интеллекта чаще всего основываются на совокупности весов и коэффициентов, расчет которых предоставляет ответ мгновенно и с задействованием всех элементов ядра системы. Поэтому считаем, что статья, предложенная К.С. Головиным, не может быть имплементирована в практику гражданского оборота.

В целом следует отметить, что с точки зрения морально-этических принципов такой подход формирует определенную иллюзию объяснимости. Современные модели, например, глубокие нейронные сети, формируют несколько уровней, на каждом из которых происходит активация определенных весов и коэффициентов, так называемых нейронов. Связи между ними, во-первых, являются крайне многообразными, а во-вторых, труднообъяснимыми, часто не интерпретируемыми человеком. Поэтому документирование всей совокупности факторов, которые повлияли на конечное решение, а также того процесса, который привел к полученному результату, никак не поможет объяснить гражданину, почему его права и свободы были ограничены.

Также в текущей ситуации прослеживается конфликт с традиционными принципами права, проблема субъектности. В основе лежит концепция воли и вины, однако она неприменима в случае с технологиями искусственного интеллекта.

Сертификация, которая предлагается автором в качестве одного из пунктов статьи 1261.1 «Искусственный интеллект», создает проблему «этического театра», по аналогии с таким понятием, как «театр безопасности», когда предпринимаются активные меры для демонстрации деятельности по обеспечению безопасности с целью снижения уровня тревожности пассажиров в аэропортах, посетителей кинозалов после террористических атак и так далее, но при этом сами по себе меры не являются рациональными и максимизирующими критерий безопасности. Так и в этом случае формальная сертификация создает видимость соответствия результатов и самой системы искусственного интеллекта этическим требованиям, но при этом фактического решения моральных проблем не происходит.

Также такой подход создает неравенство доступа, когда требование объяснимости может быть бессмысленным для граждан без технического образования, что формирует новую, дополнительную форму социального неравенства.

Считаем, что в таких случаях целесообразно придерживаться принципа предосторожности, а именно запретить применение искусственного интеллекта в случаях, когда подобный подход является недопустимым с точки зрения этических соображений. Например, это характерно для принятия решений государственными органами. Конечно, в интересах общества необходимо максимизировать все резервы повышения эффективности функционирования этой группы субъектов, в том числе автоматизировать человеческий труд на тех участках, которые являются относительно простыми с точки зрения оценки полученного результата. Однако, если речь идет о сложной ситуации с точки

зрения морально-этических дилемм, то конечное решение должно оставаться за человеком, опытным специалистом на должности в государственном органе.

Таким образом, вместо технократического подхода целесообразно следовать более человекоцентричному, в том числе:

- принимать к сведению презумпцию человеческого решения в критически важных ситуациях и критических сферах деятельности;
- обязательно проводить этический аудит вследствие внедрения искусственного интеллекта;
- предоставлять гражданам право на отказ от принятия автоматизированного решения в случае, если таковое затрагивает их права и свободы.

Считаем, что такой подход лучше соответствует современным вызовам. В будущем, после накопления определенного эмпирического опыта использования систем искусственного интеллекта в работе предприятий, государственных органов, систематизировав проблемные ситуации, информацию касательно рисков и социального, экономического и прочего потенциала, которые такие технологии обеспечивают, можно будет переходить к следующему этапу реформирования законодательства, в том числе более радикально меняя морально-этические принципы, заложенные в гражданском праве, с учетом возможностей искусственного интеллекта. На текущем же этапе такое поведение считаем неразумным из-за невозможности спрогнозировать всю совокупность негативных последствий, которые искусственный интеллект способен спровоцировать в сфере гражданского права.

Еще одним аспектом, который частично касается гражданского права, является использование юристами искусственного интеллекта. Так, в зарубежных средствах массовой информации отмечается, что некоторые адвокаты были оштрафованы в связи с использованием больших языковых моделей (как частного случая искусственного интеллекта) из-за того, что последние выдумывали прецеденты [6; 7]. В этом контексте прослеживаются такие гражданско-правовые аспекты, как некачественное оказание услуг клиенту, что противоречит договору об оказании юридических услуг. Также возникает деликтная ответственность, то есть возмещение вреда, причиненного клиенту из-за некачественной юридической помощи. Таким образом, соответствующий пример касается и гражданского права.

В российской юридической практике такая ситуация не отмечалась на текущий момент, однако риск ее остается высоким. Поэтому целесообразно действовать заблаговременно. Морально-этическая сторона вопроса состоит в том, что, обращаясь к юристу, клиент ожидает профессионального предоставления соответствующих услуг, защиту его прав. Однако в случае

использования систем, которые выдумывают факты, галлюцинируют, придумывают статистику, прецеденты, нет сомнения, что суд будет игнорировать изложенные сведения, что приведет к ослаблению позиции клиента.

В этом контексте целесообразно предложить следующие шаги, которые позволят защитить соответствующие общественные интересы. Прежде всего, целесообразно внести изменения в Кодекс профессиональной этики адвоката и прочие документы, регламентирующие работу, взаимодействие с клиентом, а именно определить особенности применения инструментов искусственного интеллекта в работе такого специалиста. Следует обязать юриста проверять всю информацию, которая была получена благодаря системам искусственного интеллекта, включая ссылки на законодательство, судебную практику и фактические обстоятельства.

Кроме этого, следует ввести обязанность информировать клиента об использовании технологий искусственного интеллекта при оказании юридических услуг конкретным специалистом или организацией. Добиться такого изменения можно путем дополнения типовых договоров об оказании юридической помощи специальным разделом о методах работы и используемых технологиях.

Что же касается механизмов контроля качества, то возможна сертификация систем искусственного интеллекта для юридической сферы. Например, такая система может содержать в себе как алгоритмическую часть, так и искусственный интеллект, тем самым обеспечивая использование положительных сторон новых технологий, но при этом сохраняя определенную контрольную функцию, которая обеспечит отслеживание качества ответов.

На текущий момент предполагается, что решение на основе искусственного интеллекта существенно автоматизирует выполнение различных ежедневных задач человека, в том числе и тех, которые связаны с вступлением в договорные отношения. Например, предполагается, что ИИ-агент будет просматривать большое количество сайтов для нахождения наиболее дешевого авиабилета, отеля, после чего непосредственно осуществлять приобретение соответствующих услуг. Таким образом, возникает вопрос отсутствия человеческого фактора при заключении контракта со стороны потребителя. Нельзя однозначно ответить касательно применения или игнорирования такой категории, как добросовестность. Фактически происходит оплата услуг получения доступа к ИИ-агенту, который выполняет определенные задачи на основе собственной модели, представляющей собой коммерческую тайну, поэтому сам по себе процесс принятия того или иного решения, участие в гражданских правоотношениях оказывается непрозрачным.

Кроме упомянутой темы, часть дискуссий в научной среде касается использования искусственного интеллекта для предсказания решений судей. На текущий момент большинство соответствующих моделей демонстрирует низкую эффективность из-за ограниченности доступа к соответствующим данным [8, с. 115].

На текущий момент технология находится на стадии, не позволяющей доверять принятию судьями значимых решений, основываясь на технологии искусственного интеллекта, но при этом он может выполнять функцию важного аналитического ассистента, в том числе обеспечивать классификацию, поиск проблемных мест, выделение наиболее важных обстоятельств. В этом контексте высказывается судья Верховного Суда Российской Федерации Олег Зателепин, поддерживающий соответствующий сценарий [9].

При этом важно, чтобы все существенные факты, которые повлияли на решение, были повторно проверены судьей для обеспечения доверия со стороны всех участников процесса. Должен соблюдаться принцип автономии, в рамках которого подразумевается, что искусственный интеллект должен поддерживать право человека на самостоятельный выбор, помогать в принятии решения, но не подменять собою человеческую волю [10, с. 27].

Подводя итог, отметим, что внедрение систем искусственного интеллекта в гражданско-правовые отношения порождает проблему «черного ящика», при которой невозможность объяснения логики принятия решений нарушает базовые принципы прозрачности и ответственности, особенно когда автоматизированные решения затрагивают права и свободы граждан. Предлагаемый человекоцентричный подход предполагает закрепление презумпции человеческого решения в критически важных сферах, обязательное проведение этического аудита при внедрении ИИ-систем и предоставление гражданам права отказа от автоматизированных решений. Целесообразно накопить эмпирический опыт использования искусственного интеллекта в различных областях гражданского оборота, минимизируя риски нарушения прав граждан и сохраняя баланс между технологическим прогрессом и традиционными морально-этическими принципами права.

В последующих исследованиях целесообразно обратить внимание на такие вопросы, как:

- морально-этические аспекты в гражданском обороте в части защиты авторских прав;
- конкретные случаи и сценарии использования искусственного интеллекта при принятии решений, влияющих на права и свободы граждан;

– нахождение баланса между положительным эффектом от применения технологий искусственного интеллекта и необходимостью соблюдения морально-этических принципов.

Литература

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184 (дата обращения: 29.10.2025).

2. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/7f2affb15ff9b9d6f75a9aa566d1b0646b3d2e94/ (дата обращения: 29.10.2025).

3. Головин, К. С. Предложения по реформированию гражданско-правовой охраны искусственного интеллекта как единого объекта интеллектуальной собственности / К. С. Головин // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – Т. 7. – № 2 (26). – С. 263–274.

4. Pasquale F. A. The Black Box Society: The Secret Algorithms that Control Money and Information. Book Gallery, 2015, vol. 96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalcommons.law.umaryland.edu/books/96> (дата обращения: 29.10.2025).

5. Головин, К. С. Необходимость правового регулирования «черного ящика» искусственного интеллекта / К. С. Головин // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30. – №3. – С. 290–297.

6. AI ‘hallucinations’ in court papers spell trouble for lawyers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/technology/artificial-intelligence/ai-hallucinations-court-papers-spell-trouble-lawyers-2025-02-18/> (дата обращения: 29.10.2025).

7. Lawyers fined for filing bogus case law created by ChatGPT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/chatgpt-judge-fines-lawyers-who-used-ai/> (дата обращения: 29.10.2025).

8. Казун, А. П. Может ли искусственный интеллект прогнозировать решения суда? Систематический обзор международных исследований / А. П.

Казун // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № 5 (183). – С. 100–122.

9. Бурнов, В. ВС: ИИ может помочь снизить число ошибок при назначении наказания // РАПСИ. 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rapsinews.ru/judicial_mm/20240701/310059533.html (дата обращения: 29.10.2025).

10. Баксанский, О. Е., Сорокина, С. Г. Этика искусственного интеллекта: сбалансированный подход к развитию и применению / О. Е. Баксанский, С. Г. Сорокина // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 1(129). – С. 23-33.

Бойко Константин Владимирович,
федеральный инспектор по Республике Крым,
аппарат полномочного представителя
Президента Российской Федерации
в Южном федеральном округе

**Территориальные структуры федеральных государственных органов
в механизме обеспечения безопасности государства
(на примере Республики Крым)**

Процесс интеграции в правовую систему Российской Федерации уникального по своим историческим, природным, географическим и иным характеристикам региона – Республики Крым – осуществляется на протяжении более десяти лет. Одним из критериев его эффективности является уровень безопасности в разных сферах жизнедеятельности общества – экономической, продовольственной, социальной, информационной и других, обеспечиваемый при помощи инструментов государственно-территориального управления. В свете того, что устойчивость каждого отдельно взятого региона является необходимым условием обеспечения безопасности всей страны, вопросы региональной безопасности выходят за рамки локального уровня, органично вписываясь в единый механизм обеспечения безопасности государства.

Отправной точкой для понимания роли территориальных структур федеральных государственных органов (далее – территориальные органы безопасности, территориальные органы) в исследуемом механизме является определение того, какой смысл вкладывается нами в категорию «безопасность государства». Вопрос не имеет однозначного ответа на уровне действующего законодательства, является дискуссионным в науке административного права. В частности, в Основном законе страны используются термины «безопасность» как один из предметов исключительного ведения Российской Федерации (ст. 71);

и «безопасность государства», обеспечение которой является одной из ключевых обязанностей Президента, озвучиваемых им во время принесения присяги при вступлении в должность (ст. 82) [1].

В расширенном формате понятия раскрываются в нормах федерального законодательства [2; 3; 4] и стратегических документах – в зависимости от сферы их применения, характера угроз, предотвращению которых они посвящены, объектов защиты, а также от целей и задач, на решение которых направлены положения, содержащиеся в указанных актах правотворчества. Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации вводит термин «национальная безопасность», суть которого раскрывается через определение состояния защищенности от внешних и внутренних угроз национальных интересов страны, под которыми понимаются объективно значимые потребности в безопасности и устойчивом развитии, находящиеся на трех связанных между собой уровнях: личности, общества и государства [5]. В Доктрине информационной безопасности [6] термин приобретает узкую направленность, сфокусированность на соответствующей сфере правоприменения. Информационная безопасность также рассматривается, исходя из трех уровней защищенности, угрозы идентифицируются как информационные. Военная доктрина Российской Федерации [7] делает акцент на военной безопасности, предполагающей предотвращение военной угрозы, характеризующейся ее отсутствием либо способностью ей противостоять.

Представленные в правовом поле подходы позволяют нам сделать вывод о многогранности понятия безопасности государства, чем определяется широкий спектр его освещения в научной литературе [8; 9; 10]. Сужая его содержание до предмета настоящего исследования, отметим, что мы опираемся на концепцию, предлагаемую законодателем, основу которой составляют следующие характеристики: безопасность государства – это состояние защищенности его национальных интересов, что означает нормативное закрепление термина не как процессуального аспекта какого-то вида деятельности, а как длящегося во времени результата, к которому стремится государство в процессе принятия и исполнения управленческих решений; безопасность государства может быть охарактеризована как один из видов национальной безопасности, что позволяет применять по отношению к ней, следуя от общего к частному, нормативные подходы к определению сущности и содержания национальной безопасности; характеристика форм проявления состояния защищенности сводится к реализации конституционных прав и свобод граждан, достойному качеству и уровню их жизни, гражданскому миру и согласию в стране, охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическому развитию; меры по обеспечению безопасности

государства нацелены на предотвращение большого разнообразия внешних и внутренних угроз, к категории ключевых из которых могут быть отнесены угрозы национальной, информационной и военной безопасности.

Обеспечение безопасности государства осуществляется при помощи организационных, правовых, социально-экономических и иных мер, реализуемых в форме конкретных видов деятельности, установленных законодательством [2]. В совокупности они укладываются в систему, составляющую нормативную основу самостоятельного механизма. Не вступая в полемику относительно определения механизма, присоединимся к системному подходу, раскрывающему его через призму взаимосвязанных, влияющих на содержание друг друга элементов, состав которых до настоящего времени остается предметом дискуссии [11, с. 95; 12, с. 13; 13, с. 18-19], формирующих порядок той или иной деятельности, влекущей правовые последствия [14, с. 131]. Территориальные структуры федеральных государственных органов в механизме обеспечения безопасности государства выступают в роли субъектов, ответственных за выполнение широкого спектра функций, в числе которых: реализация государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности при помощи находящихся в их распоряжении инструментов; осуществление взаимодействия между федеральными и региональными органами власти; координация деятельности по обеспечению безопасности в пределах их компетенции; реализация конкретных мер, направленных на обеспечение безопасности личности, общества и государства.

При этом статус рассматриваемых субъектов характеризуется определенной спецификой, суть которой сводится к следующему. В контексте реализации вертикали власти субъектный состав механизма обеспечения безопасности имеет сложную структуру, определяемую федеративным устройством государства. Верхний уровень представлен Президентом РФ, формируемым и возглавляемым им Советом Безопасности, Правительством, федеральными органами государственной власти. На уровне субъекта федерации располагаются территориальные органы безопасности и органы исполнительной власти региона, каждый из которых осуществляет реализацию возложенных на него полномочий. Отдельную категорию субъектов составляют органы местного самоуправления, иные лица, привлекаемые к проведению мероприятий, направленных на обеспечение безопасности. Таким образом, территориальные органы являются ключевым инструментом федерального присутствия в субъекте федерации, вступая при этом в непосредственное взаимодействие с региональными органами исполнительной власти. Территориальные органы действуют от имени и в интересах представляемых ими органов федеральной власти, поддерживая тем самым устойчивость системы обеспечения

безопасности государства в корреляции с интеграцией в нее региональной специфики.

На сегодняшний день административный аппарат Республики Крым представляет собой разветвленную структуру, в которую включены территориальные подразделения практически всех федеральных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями в сфере безопасности. На них ложится особая нагрузка ввиду стратегической значимости региона, его географического, приграничного расположения, незавершенной интеграции законодательства в российскую правовую среду. Анализ норм права, регламентирующих процесс исполнения возлагаемых на территориальные органы функций, позволяет нам выявить ряд допущенных в них пробелов и неточностей, исключающих эффективность их применения на практике.

В числе ключевых функций рассматриваемых территориальных органов нами отмечена реализация государственной политики в сфере безопасности. Она осуществляется посредством следующих форм деятельности: нормотворческой, предполагающей участие в законодательном процессе путем подготовки предложений по разработке проектов нормативных правовых актов федерального и регионального уровня; организационно-распорядительной, в основе которой лежат планирование, проведение оперативных и иных мероприятий в зависимости от специфики государственного органа, координация действий в различных ситуациях; контрольно-надзорной, заключающейся в проверке исполнения требований законодательства в различных сферах; информационно-аналитической, сводящейся к мониторингу, аккумулированию и анализу данных о внутренних и внешних угрозах; профилактической, направленной на работу с населением, организациями; межведомственного взаимодействия.

При этом обращает на себя внимание отсутствие как в федеральном, так и в региональном законодательстве положений, определяющих порядок, объем и формат непосредственного взаимодействия территориальных органов и исполнительных органов Республики Крым как самостоятельного субъекта. В частности, в п. 3 ст. 4 Федерального закона «О безопасности» [2] устанавливается, что государственная политика в области обеспечения безопасности «реализуется» федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ на основе Стратегии национальной безопасности [5]. Стратегия, в свою очередь, являясь базовым документом стратегического планирования, определяет перечень задач в рамках стратегических национальных приоритетов и рамочно определяет пути их решения, в числе которых разработка, корректировка и исполнение документов стратегического планирования, программ и проектов в области обеспечения

национальной безопасности. Соответственно документу ее уровня, Стратегия не содержит каких-либо указаний на распределение компетенций и варианты взаимодействия между федеральными и региональными органами исполнительной власти.

В ст. 11 Федерального закона «О безопасности» отмечается, что федеральные органы исполнительной власти «выполняют задачи» в области обеспечения безопасности; в ст. 12 указанного нормативного правового акта закрепляется, что органы государственной власти субъектов РФ «обеспечивают исполнение законодательства» в рассматриваемой сфере. Формальное толкование подхода законодателя, выраженного в применяемом им терминологическом аппарате, позволяет сделать вывод о том, что формулировка обязанностей федеральных и региональных органов власти не предполагает нацеленности на достижение одного, общего результата – состояния защищенности национальных интересов страны. Обращает на себя внимание смысловой разрыв в определении полномочий исполнительных органов разных уровней: деятельность вышестоящих органов подчинена выполнению задач, определенных на стратегическом уровне, нижестоящие органы, в свою очередь, не выходят за рамки функционального исполнения нормативных предписаний.

Отсутствие четкой позиции законодателя относительно координации взаимодействия между федеральными и региональными органами власти по вопросам обеспечения безопасности государства прослеживается и в законодательстве Республики Крым. П. 11 ст. 64 Конституции РК [15], п. 12 ст. 10 Закона РК «Об исполнительных органах РК» [16] в числе полномочий главы РК определяют «организацию взаимодействия» исполнительных органов РК с федеральными органами и их территориальными подразделениями. Подп. 2, 3 ст. 83 Конституции РК, подп. 2,3 ст. 14 Закона РК «Об исполнительных органах РК» устанавливают обязанность Совета министров РК «участвовать» в проведении единой государственной политики в сфере безопасности; «осуществлять меры» по противодействию терроризму, экстремизму, борьбе с преступностью. Документы, регламентирующие деятельность профильных министерств, однако, не содержат положений, позволяющих составить ясное представление об их роли как фактических исполнителей в проведении политики безопасности, а также о механизме координации, объемах и порядке распределения полномочий между ними и территориальными структурами федеральных государственных органов.

К примеру, положение о министерстве юстиции РК [17] в п. 1.3 определяет, что министерство осуществляет свою деятельность «во взаимодействии» с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти. Далее по тексту документа раскрываются полномочия министерства,

включающие смысл, вкладываемый в это понятие законодателем. Так, министерство организует в установленном порядке мероприятия (совещания, семинары) и принимает участие в мероприятиях, проводимых федеральными органами и их территориальными органами (подп. 69, п. 3.1); запрашивает и получает информацию, материалы и документы (подп. 78 п. 3.1); участвует в реализации мер, а также государственных программ РК в области профилактики терроризма (подп. 82 п. 3.1); принимает участие в реализации мероприятий по гражданской обороне (подп. 85 п. 3.1). В положениях о министерстве транспорта РК [18] (п. 1.4), о министерстве труда и социальной защиты РК [19] (п. 21) устанавливается, что их деятельность (полномочия) осуществляются во «взаимодействии» с федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами. Редакции норм, составляющих содержание положений, не позволяют определить, в какой степени в осуществлении каждого из перечисленных полномочий задействованы министерства и территориальные органы, насколько они включены в процесс обеспечения безопасности государства как одного из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Изложенное позволяет нам сделать вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства на федеральном и региональном уровнях. В частности, в ст. 12 ФЗ «О безопасности» нам видится уместным отметить, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации, обеспечивая исполнение законодательства, содействуют федеральным органам исполнительной власти в выполнении ими задач в области обеспечения безопасности. Предлагаемая формулировка может быть внесена в текст статьи в качестве второго абзаца. Региональное законодательство нуждается в более тщательной доработке путем внесения в него нормативных конструкций, направленных на совершенствование законодательного подхода к координации межведомственного взаимодействия с целью повышения эффективности деятельности территориальных структур федеральных государственных органов в механизме обеспечения безопасности государства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Текст Конституции опубликован в «Российской газете» от 25 декабря 1993 г. № 237 (первоначальный текст).

2. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.
3. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.
4. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ (в ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – ст. 2750.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – ст. 5351.
6. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016 г. – № 50. – Ст. 7074.
7. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. – № 298. – 30.12.2014.
8. Угрозы безопасности государства: право, экономика, общество, личность: монография / Д. Р. Вахитов, Т. Н. Гриневецкая, А. В. Краснов [и др.]. – Москва: Русайнс, 2021. – 153 с. – URL: <https://book.ru/book/942294> (дата обращения: 24.10.2025).
9. Грищенко, Л. Л. Обеспечение безопасности человека, общества и государства в современном мире: монография / Л. Л. Грищенко, В. В. Грищенко, Ю. Л. Корабельникова. – Москва: Русайнс, 2022. – 324 с. – URL: <https://book.ru/book/947801> (дата обращения: 24.10.2025).
10. Государство и общество: обеспечение национальной безопасности в системе новых правовых координат: монография / П. В. Ветров, А. В. Лапаева, Е. А. Ларина [и др.]. – Москва: Русайнс, 2023. – 166 с. – URL: <https://book.ru/book/950410> (дата обращения: 24.10.2025).
11. Кучеров, В. Д., Окунев, О. И., Шунк, В. Э. Публично-правовое регулирование механизма обеспечения безопасности государства / В. Д. Кучеров, О. И. Окунев, В. Э. Шунк // Криминологический журнал. – 2024. – № 4. – С.93–96.
12. Чапчиков, С. Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения (теоретико-правовое исследования): автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. юрид. наук: 12.00.0. – Курск: Юго-западный гос. ун-т, 2018. – 48 с.

13. Куковский, А. А. Государство как основной субъект обеспечения национальной безопасности: механизм реализации / А. А. Куковский // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2012. – № 29. – С.16-21.

14. Черная, О. О. Категория «Организационно-правовой механизм» в контексте защиты субъектов правоотношений / О. О. Черная // Евразийская адвокатура. – 2016. – №5(24). – С. 130-134.

15. Конституция Республики Крым от 11.04.2014 г.: принята Государственным Советом Республики Крым (с изменениями по состоянию на 02.07.2024 г. // Официальный портал Правительства РК [сайт]. – URL: <https://rk.gov.ru/structure/acf7b684-df3d-4dbb-9662-454a9868eb72> (дата обращения: 27.10.2025).

16. Об исполнительных органах Республики Крым: Закон Республики Крым от 19.07.2022 г. № 307-ЗРК: Принят Государственным Советом Республики Крым 15.07.2022 г. // Официальный портал Правительства РК [сайт]. – URL: <https://rk.gov.ru/structure/821c055b-4c08-4e8b-9d2b-0906f16bb9df> (дата обращения: 27.10.2025).

17. Об утверждении Положения о Министерстве юстиции Республики Крым: Постановление Совета министров Республики Крым от 27.07.2014 года № 158 (ред. от 24.09.2025) // Официальный портал Правительства РК [сайт]. – URL: <https://rk.gov.ru/documents/74c0b2f2-0c95-47bd-8d35-4a77fa9934d4> (дата обращения: 27.10.2025).

18. Об утверждении Положения о Министерстве транспорта Республики Крым: Постановление Совета министров Республики Крым от 27.06.2014 г. № 155 (ред. от 29.09.2025) // Официальный портал Министерства транспорта Республики Крым [сайт]. – URL: https://mtrans.rk.gov.ru/file/Polog_mtrans_RK.pdf (дата обращения: 27.10.2025).

19. Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Республики Крым: Постановление Совета министров Республики Крым от 27.06.2014 г. №147 (ред. от 11.09.2025) // Официальный портал Министерства труда и социальной защиты Республики Крым [сайт]. – URL: <https://mtrud.rk.gov.ru/documents/8f6455c2-3ebf-4b53-88b2-f11a99f7ce87> (дата обращения: 27.10.2025).

Бондарев Сергей Петрович,
заместитель начальника кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Проблемные вопросы квалификации ятрогенных преступлений

Термин «ятрогенный» происходит от греческого «iatros» – «врач» и «genesis» – «происхождение». В медицинской науке он обозначает состояние или повреждение организма, вызванное медицинским воздействием. В уголовно-правовом контексте ятрогенные преступления представляют собой противоправные деяния, где вред наступает вследствие медицинских вмешательств, а противоправность определяется нарушением стандартов оказания медицинской помощи.

Ключевой особенностью ятрогенных преступлений является то, что вред возникает в рамках легальной деятельности, направленной на лечение пациента. То есть медицинское вмешательство изначально имеет законную цель – улучшить состояние здоровья, но ошибки, нарушения стандартов или халатность приводят к противоположному результату.

Ятрогенные преступления – это особая категория уголовно наказуемых деяний, совершаемых медицинскими работниками при исполнении профессиональных обязанностей, где исход в виде вреда здоровью или смерти пациента является следствием действий или бездействия врача, медицинской сестры или иного специалиста. В отличие от других видов преступлений против жизни и здоровья, ятрогенные деликты имеют сложную, многоуровневую структуру причинно-следственных связей. Здесь переплетаются вопросы медицинской практики, профессиональной ответственности, этики и правоприменительной оценки.

Проблема квалификации таких преступлений в уголовно-правовой плоскости связана с трудностями установления вины, доказательства причинно-следственной связи между действиями врача и наступившими последствиями, а также правильного выбора статьи УК РФ для привлечения к ответственности. Неопределенность в этих вопросах приводит к судебным ошибкам, излишней или, наоборот, необоснованно мягкой ответственности, а порой и к полной невозможности привлечения виновного к наказанию.

Примером могут быть неправильно назначенные препараты, несвоевременная диагностика, ошибки в проведении операции, нарушения

правил стерильности, повлекшие инфицирование, или несоблюдение порядка оказания экстренной помощи. Однако для квалификации этих действий в уголовно-правовом смысле недостаточно наличия вреда, требуется установление состава преступления.

Одна из главных проблем правоприменения связана с установлением прямой причинно-следственной связи. В ситуации, когда пациент уже имел тяжелое заболевание, влияние действий врача на исход болезни становится предметом сложной судебно-медицинской экспертизы. Например, при наличии терминального состояния любая терапия может быть признана объективно неэффективной, и тогда доказать вину врача затруднительно.

Причинно-следственная связь в ятрогенных преступлениях нередко имеет многозвенный характер. Например, неправильно поставленный диагноз может повлечь назначение неверной терапии, а та – вызвать осложнение, которое при определенных условиях приводит к летальному исходу. Между этими действиями находится комплекс биологических и медицинских факторов, изменяющих ход болезни.

Юридическая проблема состоит в том, что уголовный закон требует прямой или косвенной связи между действием и результатом, а доказательство этой связи в условиях медицинской многосложности затруднено. Поэтому в судебной практике часто встречается ситуация, когда заключения экспертов прямо противоречат друг другу, что создает трудности для обвинения и защиты.

Так, к примеру, пациент поступает с острым аппендицитом, врач диагностирует гастрит, назначает симптоматическое лечение. Через несколько часов пациент погибает от перитонита. Здесь связь между неправильной диагностикой и смертью очевидна в медицинской логике, но для суда необходимо доказать, что своевременная операция спасла бы жизнь пациента с высокой степенью вероятности.

В российском уголовном законодательстве отсутствует отдельная статья, посвященная ятрогенным преступлениям. Поэтому квалификация осуществляется по общим нормам о преступлениях против жизни и здоровья, например:

- статья 109 – причинение смерти по неосторожности;
- статья 118 – причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности;
- статья 124 – неоказание помощи больному;
- статья 238 – оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Проблема в том, что ни одна из этих статей не учитывает специфику медицинской деятельности в полном объеме. Например, оказание помощи может быть формально выполнено, но с нарушением протокола, что вызвало

осложнения. При этом закон либо требует доказать умысел, либо ограничивается оценкой общего факта услуги без учета профессиональных нюансов.

Для упрощения и унификации квалификации ятрогенных преступлений следует рассмотреть возможность внесения поправок в уголовное законодательство, установив специальные нормы об ответственности медицинских работников. Это позволит:

- четко разграничить преступные деяния и врачебные ошибки;
- установить объективные критерии оценки нарушений;
- исключить противоречия в судебной практике.

Ятрогенные преступления представляют собой сложную категорию деяний, стоящую на стыке медицинской науки и уголовного права. Основные проблемные вопросы их квалификации связаны с трудностями установления причинно-следственной связи, определения формы вины, разграничения между врачебной ошибкой и преступлением, а также с отсутствием в уголовном законодательстве четких норм, учитывающих специфику медицинской деятельности.

Решение этих проблем возможно только комплексно, через законодательные реформы, повышение качества судебно-медицинской экспертизы и формирование единых стандартов оценки действий медицинских работников.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 19.10.2025).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 19.10.2025).

3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 19.10.2025).

4. Бобоева, М. А., Бутунбоева, Х. М., Эргашова, Ю. О. Проблемы ятрогении в современной медицине. – Экономика и социум. – 2022. – № 2(93). – С. 574–578.

Бондарева Ирина Олеговна,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел о ятрогенных преступлениях

Проблематика возбуждения уголовных дел о ятрогенных преступлениях носит комплексный характер и включает одновременно правовые, процессуальные и экспертные препятствия.

Первая сложность связана с качеством исходных данных о происшествии. Часто родственники пациента подают заявление в правоохранительные органы, руководствуясь эмоциональной реакцией на исход лечения. При этом объективная сторона деяния еще не установлена. В соответствии со ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять заявление, но для принятия процессуального решения требуется наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Вторая сложность заключается в отсутствии должного взаимодействия между следственными органами и органами здравоохранения. В ряде случаев медицинские организации неохотно предоставляют медицинскую документацию, ссылаясь на врачебную тайну. Хотя в рамках уголовного процесса такие данные должны быть предоставлены. На стадии доследственной проверки это порой становится препятствием.

Третья проблема – сложность и длительность проведения судебно-медицинской экспертизы. Она является ключевым доказательственным элементом по делам данной категории, но на стадии принятия решения о возбуждении дело часто откладывается именно из-за невозможности оперативно получить квалифицированное экспертное заключение.

Ни одно уголовное дело о ятрогенных преступлениях не может быть возбуждено без экспертного заключения. Судебно-медицинская экспертиза позволяет установить, имелись ли нарушения клинических рекомендаций, повлекшие негативные последствия.

Однако существуют объективные и субъективные сложности. Во-первых, эксперты должны обладать не только медицинскими знаниями, но и пониманием процессуальных требований.

Во-вторых, экспертиза должна оценивать действия медперсонала с учетом медицинских протоколов, действовавших на момент оказания помощи, а это требует анализа нормативных актов Минздрава и клинических рекомендаций. Проблема усугубляется тем, что стандарты лечения периодически обновляются, а в некоторых случаях отсутствуют четкие предписания, что оставляет пространство для двойного толкования.

В-третьих, часто возникают ситуации, когда заключения разных экспертов противоречат друг другу. Следовательно в таком случае приходится назначать комиссионную или комплексную экспертизу, что затягивает процесс.

Одним из главных препятствий при возбуждении дела является сложность установления прямой причинно-следственной связи между действиями врача и наступившими последствиями. В медицине часто имеет место множественность факторов: тяжесть исходного заболевания, индивидуальные особенности организма, позднее обращение за помощью.

Анализ судебных решений последних лет показывает, что значительное число заявлений о возбуждении дел по ятрогенным преступлениям заканчиваются отказом. Основные причины – отсутствие достаточных доказательств вины и невозможность однозначно установить причинно-следственную связь.

Однако в случаях, когда нарушения стандартов носили очевидный и грубый характер, возбуждение дела происходит быстрее. Так, например, в Бурятии врачи Республиканского клинического онкологического диспансера по ошибке удалили здоровую почку. Чиновники минздрава провели расследование, в ходе которого врачи объяснили, что перепутали результаты анализов двух пациентов и вместо пораженной опухолью почки удалили здоровый орган.

На основании изложенного можно заключить, что возбуждение уголовных дел о ятрогенных преступлениях представляет собой юридическую и практическую задачу повышенной сложности. Основные препятствия заключаются в трудности доказывания вины, установления причинно-следственной связи, недостаточной правовой регламентации и сложностях экспертных процедур.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 19.10.2025).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 19.10.2025).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 19.10.2025).

4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 19.10.2025).

5. Российские врачи удалили пациентке здоровую почку и объяснились // <https://lenta.ru/news/2025/09/22/kidney/> (дата обращения: 19.10.2025).

Гапонюк Ксения Вячеславовна,
аспирант

Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Цифровые платформы как драйвер социально-экономической трансформации: эволюция договорных парадигм

Возникновение цифровых платформ запустило перемещение многих привычных экономических процессов и процедур в виртуальную плоскость [1, с. 499]. Например, происходят трансформация экономических отношений в сферах транспорта (UBER, ЯндексGo), гостиничного дела (Airbnb, Booking.com), разработки программного обеспечения (Apple iOS, Google android) [2, с. 152].

В России на текущий момент отсутствует единый документ, который бы регламентировал функционирование цифровых платформ. В статье 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации упоминается понятие информационного посредника, под которым понимается лицо, использующее информационно-телекоммуникационную сеть для передачи материала, или лицо, которое предоставляет возможность публиковать информацию или материал в такой сети, а также лицо, которое предоставляет доступ к соответствующему материалу. Таким образом, информационный посредник представляет собой более узкое понятие по сравнению с цифровой платформой.

Отдельные нормативно-правовые документы посвящены инвестиционным платформам, которые являются лишь частным случаем цифровых. Оператор инвестиционной платформы обеспечивает взаимодействие между потенциальными и фактическими инвесторами и лицами, привлекающими средства. Однако цифровые платформы позволяют как работать с информацией,

так и получать транспортные услуги, услуги в сфере разработки программного обеспечения, осуществлять коммуникацию.

Проект Федерального закона № 568223-8 «О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [3] касается торговых цифровых платформ, например Ozon или Wildberries. Документом предполагалось закрепить такие понятия, как карточка товара, пункт выдачи заказов, агрегатор информации о товарах и другие. В контексте договорных отношений определялись обязанности и права различных субъектов процесса функционирования торговых платформ, в том числе владельцев пунктов выдачи заказанных товаров, продавцов, операторов соответствующих систем. Формировались требования к договорам между оператором и владельцем пункта выдачи заказов, а также к договору о предоставлении услуг агрегатора информации о реализуемых товарах.

Кроме этого, упомянутый проект Федерального закона определял ряд ограничений на навязывание цифровыми операторами, предоставляющими услуги в сфере торговли, условий взаимодействия. Так, предполагалось, что общая сумма платежей в расчете на одного продавца на маркетплейсе не может быть выше, чем 10% от общей выручки товара, полученной на такой площадке. Кроме этого, предусматривался запрет на установление компенсации и штрафа для продавца в связи с возвратом товаров.

Однако такой проект был отозван, что негативно сказывается на равноправии пользователей торговых цифровых платформ в вопросах формирования договорных отношений.

Еще одной особенностью является существенное расширение роли индивидуального регулирования, когда на смену правилам, обладающим свойством нормативности, действующим на неопределенный круг лиц и предназначенным для многократного применения, вследствие чего обезличенным и стандартизированным до такой степени, что зачастую практически выхолащивается их содержание, могут создаваться детализированные под конкретную ситуацию правовые нормы, режим которых находится на стыке между договорным и правовым регулированием [4, с. 67]. Хотя договор должен определять особенности взаимодействия между сторонами, но он не должен регламентировать все возможные случаи взаимодействия между сторонами, в том числе и пограничные, подменяя при этом нормы действующего законодательства.

Отношения между работниками цифровых платформ и платформами часто носят характер независимого подрядчества, а не штатной работы, что лишает

работников многих прав и защит, предусмотренных трудовым законодательством [5, с. 77].

Еще одной проблемой, провоцируемой развитием цифровых платформ, является значимое усиление роли алгоритмов рекомендательных систем [6, с. 341]. Например, оператор цифровой платформы может воздействовать на спрос и предложение на определенный товар или на товары и услуги определенного продавца, при этом не раскрывая публично сам факт такого целенаправленного действия. Следовательно, даже если сформулировать договорные отношения, которые будут соответствовать высокому уровню социальной защищенности исполнителей различных видов работ, характерному для персонала предприятий с традиционными бизнес-моделями, все равно более успешными окажутся те участники системы, которые, например, будут работать больше восьми часов в день по обычной ставке, применяемой в течение первых восьми часов рабочего времени.

Сам по себе алгоритм формирования рекомендации конкретного исполнителя будет основываться на определенном рейтинге, формируемом в противовес декларируемым целям обеспечения социальной защищенности вовлеченных сторон. Таким образом, государству важно контролировать не только законность тех норм, которые содержатся в договоре взаимодействия цифровых платформ с их пользователями, но и сами алгоритмы, которые могут выстраивать рабочий процесс таким образом, чтобы подталкивать пользователей к поведению, противоречащему логике договора и их интересам.

Платформенная экономика порождает гибридные формы занятости, не укладывающиеся в дихотомию «работник-предприниматель». Водители агрегаторов и курьеры формально являются самозанятыми, но подчиняются алгоритмическому управлению платформ. Российское законодательство отреагировало введением специального налогового режима, однако правовой статус «платформенного работника» остается неопределенным.

Традиционные категории договорного права трансформируются. Платформы выполняют функции организатора труда и арбитра, не принимая обязательств работодателя. Их роль выходит за рамки классического посредничества через алгоритмы ценообразования, системы рейтингов и стандартизацию услуг.

Структурная асимметрия договорных отношений проявляется в характере соглашений по принципу «соглашайся или уходи». В транзакциях управления ключевым становится отношение подчинения одного контрагента другому: право принимать решения принадлежит только одной стороне (например, использование платформы при условии согласия с пользовательским

соглашением) [7, с. 66]. Платформы односторонне модифицируют условия, а алгоритмическое управление создает непрозрачность.

Формируется цифровая зависимость через специфические инвестиции в репутацию и освоение платформы. Отсутствие интероперабельности препятствует переходу между платформами. Сетевые эффекты усиливают зависимость – на Wildberries и Ozon приходится более 60% российского e-commerce.

Прекаризация труда выражается в отсутствии гарантированного дохода и переложении рисков на исполнителей. Феномен «ложной автономии» маскирует реальную подчиненность алгоритмическому контролю через системы GPS-трекинга и автоматические санкции. Платформы извлекают комиссию, перекладывая операционные расходы и амортизацию основных средств на исполнителей.

Социальная незащищенность проявляется в исключении из систем страхования. Самозанятые лишены оплачиваемых отпусков, больничных, компенсаций при травмах. Это создает «гонку ко дну» в трудовых стандартах традиционных секторов и подрывает финансовую устойчивость систем социального обеспечения. Формируется прекариат – класс людей без предсказуемых жизненных траекторий и социальных гарантий.

Для обеспечения минимизации негативных последствий для социально-экономической сферы от трансформаций, спровоцированных цифровыми платформами, страны могут двигаться по нескольким направлениям. Прежде всего, целесообразно усиливать ответственность самих социальных платформ за обеспечение соблюдения законодательства. В том числе целесообразно переклассифицировать отношения, которые складываются между операторами цифровых платформ и вовлекаемыми специалистами, выполняющими существенную часть работы и проводящими от часа и больше на таких деловых платформах.

Кроме этого, следует установить определенные лимиты в расчете на каждого конкретного пользователя, которые будут разграничивать понятия несистемной и предпринимательской деятельности на цифровой платформе. Например, во Франции законодательно закреплено, что профессионалом в «шеринговой экономике» человек будет считаться в случае, если в год он зарабатывает от 8 тыс. евро на аренде объектов и 23 тыс. евро на аренде недвижимости [8, с. 17]. Такой гражданин должен зарегистрироваться в реестре социального страхования независимых сотрудников, что позволит претендовать ему на тот же уровень социальной защищенности, который получают сотрудники предприятий с традиционной бизнес-моделью.

Кроме этого, целесообразно создавать условия для обеспечения функционирования объединений специалистов, зависящих от цифровых платформ, по примеру профессиональных союзов. Подобные организации позволят законодателю услышать не только мнение операторов цифровых платформ касательно инновационности их решений, существенной трансформации экономических отношений, повышения эффективности балансирования спроса и предложения, но и пользователей таких платформ, за счет игнорирования социально-экономических интересов которых в рамках договорных отношений и обеспечивается столь значимый экономический результат.

Еще одним важным направлением действия государства должно быть создание равных условий для тех бизнес-моделей, которые являются конкурентами цифровым платформам и, в отличие от них, не создают дополнительных социально-экономических рисков. Такой путь будет приводить к тому, что наиболее компетентные, талантливые, работоспособные специалисты будут оставаться в компаниях, способных обеспечить баланс интересов различных сторон, что в конечном итоге приведет к повышению уровня их конкурентоспособности в сложном динамичном рыночном пространстве.

Как было сказано, проблемой может оказаться не сам договор и содержащиеся в нем нормы, а алгоритм, который негативно сказывается на отношениях, формируемых между участниками цифровой платформы и оператором. В этом контексте целесообразно обязать цифровые платформы проходить аудит алгоритма для определения прозрачности его работы, отсутствия дискриминационного характера, обеспечения защиты социально-экономических интересов тех пользователей, которые не владеют такой же переговорной силой при отсутствии государственного контроля в рамках соответствующих общественных отношений. В этом случае возникает вопрос, насколько целесообразным является проведение такого аудита среди всех цифровых платформ, в том числе и тех, которые имеют относительно малое количество пользователей.

Считаем, что следует обратить внимание на китайский опыт, а именно осуществление правового регулирования деятельности платформ в зависимости от их размера. Целесообразно обязать проводить аудит применяемых рекомендательных алгоритмов платформ, у которых количество пользователей превышает 100 тыс. человек или которые формируют выручку больше 2 млрд руб. в год. Такой показатель не включает средства, получаемые цифровыми платформами в интересах исполнителей или других пользователей, а речь идет именно о комиссиях и прочих платежах, зарабатываемых платформами на пользователях.

Для практического закрепления такого предложения целесообразно сформировать единый Федеральный закон «О деятельности цифровых платформ в Российской Федерации». Одна из статей должна быть посвящена вопросу проведения аудита рекомендательного алгоритма.

Еще одним аспектом, связанным с социально-экономическими отношениями, является начисление и уплата налогов. Цифровые платформы создают пространство, на котором проявляется деловая активность через операции купли-продажи, что ведет к формированию налоговых и прочих обязательств. Однако не все участники процесса декларируют их в законодательно определенном порядке. В таких условиях целесообразно обязать цифровые платформы предоставлять комплексную информацию касательно объемов операций, вовлеченных сторон, прочих аспектов, учитываемых в процессе расчета налоговых обязательств.

Можно согласиться с мнением, которое встречается в научной среде касательно целесообразности утверждения в российском законодательстве нормы о периодичном направлении в уполномоченный орган сведений обо всех сделках, совершенных пользователями-исполнителями посредством обмена информацией с налоговыми органами с использованием цифровых сервисов [9, с. 51]. Не всегда участие на цифровых платформах приводит к формированию дохода. Важно понять, насколько системной является та или иная деятельность пользователя.

Считаем, что получение данных от всех крупных платформ позволит просуммировать информацию о конкретном лице. Часть граждан придерживается распределенного и диверсифицированного подхода, например, в рамках своей деятельности фрилансера использует несколько крупных цифровых платформ для привлечения заказчиков. В расчете на каждую отдельную платформу такой показатель получаемого дохода может быть несущественным с точки зрения затрачиваемых государством усилий на оплату труда налоговых инспекторов, выполняющих работу по обеспечению более полной собираемости. Однако аккумуляция всей совокупности данных позволит более точно понять реальный уровень деловой активности конкретного гражданина, после чего принять взвешенное решение касательно целесообразности получения дополнительных объяснений с его стороны.

Подводя итог, отметим, что в процессе изучения особенности эволюции договорных парадигм при участии операторов цифровых платформ выделены такие проблемы и риски социально-экономического характера, как адгезионный характер платформенных соглашений с невозможностью индивидуализации условий, алгоритмическое управление с непрозрачными критериями распределения заказов и ценообразования, структурная асимметрия

переговорной силы и отсутствие реальных переговоров при заключении договоров, прекаризация труда с отсутствием минимального гарантированного дохода, феномен ложной автономии при фактической подчиненности алгоритмическому контролю, переложение предпринимательских рисков и амортизации основных средств на исполнителей, социальная незащищенность платформенных работников с исключением из систем социального страхования, отсутствие компенсаций при производственном травматизме, подрыв финансовой устойчивости пенсионной системы из-за сокращения базы плательщиков взносов и другие.

В качестве направлений повышения эффективности общественных отношений в исследуемой сфере автором предложены усиление ответственности цифровых платформ за соблюдение законодательства, переклассификация отношений между операторами платформ и систематически работающими специалистами, установление лимитов для разграничения несистемной и предпринимательской деятельности на платформах, создание условий для функционирования объединений специалистов по типу профессиональных союзов, обеспечение равных условий для традиционных бизнес-моделей как конкурентов цифровых платформ, введение обязательного аудита рекомендательных алгоритмов для платформ с количеством пользователей свыше 100 тысяч человек или выручкой более 2 млрд рублей в год, разработка единого Федерального закона «О деятельности цифровых платформ в Российской Федерации», обязательное предоставление платформами информации о сделках пользователей в налоговые органы для обеспечения полноты налоговых поступлений.

Литература

1. Гаджиев, Х. А. Глобальная цифровая экономика: тренды и трансформация ценностно-поведенческих паттернов / Х. А. Гаджиев // *Ars Administrandi* (Искусство управления). – 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 482-506.
2. Рудоквас, А. Д., Терехов, А. Н., Ткаченко, С. Л. Политическая экономия и правовое обеспечение цифровых платформ: сотрудничество и конфликт / А. Д. Рудоквас, А. Н. Терехов, С. Л. Ткаченко // *Правоведение*. – 2025. – Т. 69. – № 1. – С. 150-175.
3. О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»: проект Федерального закона № 568223-8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

обращения: 15.10.2025).

4. Филиппова, С. Ю., Харитонов, Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения / С. Ю. Филиппова, Ю. С. Харитонов // Правоведение. – 2025. – Т. 69. – № 1. – С. 58-75.

5. Агамирова, М. Е. Цифровые платформы – расхождения теоретического анализа и практики регулирования / М. Е. Агамирова // Журнал институциональных исследований. – 2025. – Т. 17. – № 1. – С. 70-79.

6. Wei M. Platformization of Chinese society: capital, labor and technology / M. Wei // Theoretical and Practical Issues of Journalism. – 2023. – Vol. 12. – № 2. – P. 333-346.

7. Дмитриева, Н. Е., Минченко, О. С., Рыльских, Е. В. Цифровые платформы как субъект и объект регулирования, или как платформы изменяют систему госуправления / Н. Е. Дмитриева, О. С. Минченко, Е. В. Рыльских // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 2. – С. 60-84.

8. Acquier A. Uberization meets organizational theory: platform capitalism and the rebirth of the putting-out system / Acquier A. // The Cambridge Handbook of the Law of the Sharing Economy. – 2018. – P. 1-23.

9. Кошель, А., Кузьминов, Я., Кручинская, Е., Лесив, Б. Поиск регуляторного оптимума деятельности цифровых платформ (сравнительный анализ) / А. Кошель, Я. Кузьминов, Е. Кручинская, Б. Лесив // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – № 2. – С. 4-58.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 15.10.2025).

Говорун Александр Юрьевич,
старший преподаватель кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России

Физическая, огневая и тактико-специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел: современные методы и актуальные вызовы

Современная оперативно-служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации характеризуется значительным усложнением и ростом непредсказуемости. Профессиональные задачи зачастую

требуют мгновенного принятия решений в условиях крайнего физического и психоэмоционального стресса, что наиболее явно проявляется при силовом задержании, противодействии вооруженному преступнику или выполнении действий в сложной оперативно-служебной обстановке. Таким образом, в данных ситуациях физическая, огневая и тактико-специальная подготовка перестают быть второстепенным элементом обучения и становятся единой составляющей профессиональной устойчивости, напрямую определяющей не только личную безопасность сотрудника, но и эффективность правоприменительной практики в целом.

Процесс развития системы, которая состоит из множества уровней и практико-ориентирована на бесперебойное профессиональное образование и обеспечение использования инновационных новшеств в системе образования – ключевая задача в сфере профессиональной подготовки ведомственных кадров [1]. Приоритетным направлением при подготовке кадров в ведомственных образовательных организациях остаются такие дисциплины, как физическая, огневая и тактико-специальная подготовка. Стоит подробно разобрать каждую из них.

Физическая подготовка представляет собой комплекс мероприятий, направленных на физическое совершенствование сотрудников для успешного выполнения оперативно-служебных задач, умелого применения физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, а также обеспечения высокой работоспособности в процессе служебной деятельности. Основная цель дисциплины – это формирование физической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, в том числе боевых приемов борьбы.

Для преодоления методической инертности и повышения прикладной ценности физической подготовки научное сообщество и ведущие специалисты органов внутренних дел активно обсуждают внедрение современных высокоэффективных тренировочных систем, среди которых – «Функциональный тренинг», направленный на развитие комплексной силы, координации, стабильности кора и силы в движениях, максимально имитирующих служебную деятельность, кроссфит (развитие «рабочей» выносливости) и высокоинтенсивные интервальные тренировки.

Одной из инновационных методик подготовки сотрудников органов внутренних дел является светошумовая комната. Основная задача – погружение курсантов и слушателей в условия, максимально приближенные к реальности. Комната представляет из себя помещение с приглушенным светом, в котором присутствует напряженная музыка, сопровождающаяся разнообразными звуками. При входе в помещение происходит имитация нападения на

обучающегося-«преступника», основная задача – не растеряться, не поддаваться панике и оказать сопротивление условному нарушителю порядка. Как показала практика, каждый курсант (слушатель) по-разному реагирует на стрессовые ситуации. Это связано с различными психоэмоциональными факторами, например, отсутствием опыта поведения в стрессовой ситуации.

Достаточно перспективным становится направление психофизической интеграции. Данный подход ориентирован на неразрывную связь физической нагрузки с когнитивными и тактическими задачами. Конечная цель не просто натренировать мышцы, а обеспечить способность к принятию адекватных тактических решений на фоне максимального физического утомления, за короткий промежуток времени и в условиях острого стресса. Таким образом, критериями оценки эффективности подготовки должны являться не только физическое исполнение, но и сохранение когнитивных функций. Это обуславливает возможность дальнейшего совершенствования системы физической подготовки посредством интеграции когнитивных нагрузок.

Помимо хорошей физической подготовки от сотрудника полиции требуется высокий уровень профессионализма, особенно в навыках владения огнестрельным оружием.

Роль огневой подготовки в системе профессионального обучения сотрудников полиции невозможно переоценить. Она не только формирует необходимые навыки обращения с оружием, но и помогает в развитии критического мышления, способности к быстрой адаптации в меняющихся условиях. Качественное обучение в этой области может существенно повысить уровень безопасности общества в целом и доверия граждан к правоохранительным органам [2].

В рамках дисциплины «Огневая подготовка» сотрудники приобретают широкий спектр навыков, направленных на защиту от ранений, наносимых вооруженным противником [3, 4, 5]. К ним относятся: своевременный уход из-под обстрела, стрельба из различных позиций, умелое применение укрытий и т.д. Существует ряд современных методик при подготовке сотрудников органов внутренних дел, и одной из них является интерактивный стрелковый комплекс «Автоскат». Он имитирует движение автомобиля. Задача курсантов (слушателей) – применить огнестрельное оружие в погоне за преступниками.

Мультимедийный тир помогает преодолеть страх первого выстрела.

Психологические аспекты огневой подготовки также играют огромную роль в формировании компетентного и эффективного сотрудника, способного адекватно действовать в стрессовых ситуациях, связанных с применением оружия. Необходимо учитывать следующие психологические факторы.

1. Стрессоустойчивость. С ее помощью сотрудник ОВД способен сохранять самообладание, концентрацию и адекватное мышление в условиях высокого стресса.

2. Контролирование эмоций. Эмоциональная стабильность позволяет сотруднику сохранять хладнокровие, принимать взвешенные решения и действовать рационально, не допуская ошибок, вызванных эмоциональным всплеском.

3. Психологическая готовность к применению оружия. Курсанты и слушатели должны осознавать ответственность за применение оружия. Они должны быть уверены в необходимости и правомерности его применения, а также быть готовы к возможным психологическим трудностям, связанным с этим.

Дисциплина «Огневая подготовка» играет ключевую и незаменимую роль в профессиональной подготовке сотрудников ОВД. Это не просто обучение техническим навыкам стрельбы, а комплексная система, формирующая у сотрудника готовность к эффективному и правомерному применению оружия в различных повседневных ситуациях.

Дисциплина «Тактико-специальная подготовка» является фундаментом профессиональной компетентности сотрудника ОВД, обеспечивая его готовность к эффективному и правомерному выполнению служебных задач в различных, зачастую экстремальных условиях. Она формирует не просто исполнителя, а аналитически мыслящего, тактически грамотного, физически подготовленного и психологически устойчивого профессионала, способного обеспечить безопасность граждан и правопорядок в обществе. Под тактико-специальной подготовкой подразумевают комплекс мероприятий, связанных с изучением тактики боя и выполнения специальных задач. В рамках этого направления проводятся тренировки по работе в команде при выполнении оперативно-служебных задач, обучение методам скрытого перемещения по местности, входа на объекты, а также навыкам тактики действовать в различных ситуациях.

Решение комплексного инновационного подхода при подготовке высококвалифицированных кадров реализуется на базе Волгоградской академии МВД России кафедрой тактико-специальной подготовки для различных подразделений органов внутренних дел не только на теоретическом, но и на практическом уровне.

Волгоградская академия реализует программы обучения операторов и инструкторов беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). Актуальность использования БПЛА с каждым годом растет, применение этого новейшего оборудования может помочь решить комплекс задач стоящих перед

сотрудниками органов внутренних дел, одной из которых является помощь в поисковых мероприятиях без вести пропавшего человека, в труднодоступной местности, а также в обеспечении безопасности и в других областях.

Наряду с БПЛА еще одним приоритетным направлением, привлекающим внимание к себе обучающихся, является использование на учебных занятиях учебно-имитационного стрелкового оборудования «Лазертаг» [6]. Основная цель – отработка тактических навыков, освоение элементов тактики ведения боя, а также проведение групповых занятий с использованием тактических методов и приемов действий в особых условиях. «Лазертаг» помогает моделировать критические ситуации, отрабатывать действия в сложных ситуациях, анализировать ошибки, а также содействует в сплочении командного духа.

Таким образом, всестороннее овладение огневой, физической и тактико-специальной подготовкой позволяет сотрудникам правоохранительных органов в кратчайшие сроки оценивать сложившуюся ситуацию, принимать решения в соответствии с законом, защищать себя и граждан от преступных посягательств, а также обеспечивать охрану общественного порядка и безопасность. Именно поэтому огневая, физическая и тактико-специальная подготовка представляют собой три взаимосвязанных и критически важных компонента профессиональной подготовки сотрудников ОВД. Их комплексное освоение обеспечивает сотруднику необходимый уровень компетенций для эффективного и правомерного выполнения служебных задач в самых разнообразных и сложных ситуациях.

Литература

1. Троян, Е. И. Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел к комплексным силовым действиям в оперативно-служебных ситуациях: монография. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2019. – 84 с.
2. Дауров, А. И., Гедугошев, Р. Р. Деструктивная информация в социальных сетях и мессенджерах: проблемы обнаружения и противодействия // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 1. – № 11. – С. 92–95.
3. Пырчев, С. В., Афанасьев, В. С. К вопросу применения огнестрельного оружия ограниченного поражения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации // Академическая мысль. – 2020. – № 4(13). – С. 127–133.
4. Таков, А. З. Актуальные проблемы огневой подготовки в образовательных организациях МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 1. – С. 250-252.

5. Черкесов, А. Ю. Огневая подготовка сотрудников полиции как часть служебно-боевой подготовки // Инновации в науке и практике: сборник трудов по материалам VI Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ. – Уфа, 2021. – С. 104-109.

6. Егошин, И. В. Опыт использования учебно-имитационного стрелкового оборудования «Лазертаг» при проведении практических занятий в Уральском юридическом институте МВД России / И. В. Егошин, Д. А. Кошелев // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки: сб. ст. V Международ. науч.-метод. конф. (Могилев, 20–21 ноября 2020 г.) / редкол.: В. В. Борисенко (отв. редактор) [и др.]. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2020. – С. 20–24.

7. Гусев, Ю. М., Попова, И. В. Психолого-педагогические аспекты производства меткого выстрела // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов, соискателей. Выпуск 6. – Белгород: ООНИ и РИД БелЮИ МВД России, 2009.

8. Калмыкова, Ю. Г. Влияние физической подготовки на профессиональное становление курсантов образовательных организаций МВД России // Актуальные проблемы физической культуры и спорта курсантов и слушателей. Сборник трудов конференции. – Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета имени первого президента Б. Н. Ельцина, 2017. – С. 243–250.

9. Чобитько, С. П., Жамборов, А. А., Гущин, Д. Н. Огневая и тактико-специальная подготовка как основа комплексной профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 81-1. – С. 270–273.

Гонтарь Сергей Николаевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент

Объективность расследования уголовных дел как обязательное условие уголовно-процессуальной деятельности

Объективность расследования уголовных дел является обязательным условием уголовно-процессуальной деятельности, поскольку она обеспечивает соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса, способствует установлению истины и укрепляет доверие к правовой системе. Без

объективности невозможно достичь справедливого и законного разрешения уголовного дела.

Объективность в уголовном процессе означает, что все действия и решения следователя, дознавателя, прокурора и суда должны быть основаны на фактах, доказательствах и законе, без влияния личных интересов, предубеждений или внешнего давления. Но, несмотря на то, что данный принцип является основой для обеспечения справедливости и закреплён в уголовно-процессуальном законодательстве многих стран, отечественное уголовно-процессуальное законодательство не уделяет вопросам объективности расследования должного внимания, не упоминая данное условие в качестве принципов уголовного процесса или условий предварительного расследования, на что автор неоднократно указывал ранее в своих публикациях [1, 2].

Нарушение принципа объективности расследования проявляется чаще всего в игнорировании версий, оправдывающих обвиняемого; использовании доказательств, полученных с нарушением закона; давлении на следователя со стороны вышестоящих органов или заинтересованных лиц, предвзятом отношении к одной из сторон процесса.

Соблюдение принципа объективности и беспристрастности в процессе расследования преступлений гарантирует защиту прав и интересов всех участников уголовного судопроизводства. В частности, каждому обвиняемому (подозреваемому) гарантируется право считаться невиновным до вступления в силу обвинительного приговора суда (принцип презумпции невиновности), а потерпевшие имеют право на возмещение причиненного преступлением имущественного вреда и защиту своих неимущественных прав.

Тщательное изучение всех обстоятельств совершенного преступления является неотъемлемой частью непредвзятого следствия, что исключает предвзятое отношение и субъективную оценку.

Принципиальность в данном вопросе значительно уменьшает вероятность ошибочного осуждения невиновных лиц и содействует вынесению законных, обоснованных и справедливых судебных решений, что особенно важно в условиях, когда исправление судебных ошибок крайне сложно и продолжительно по времени.

Объективное расследование является важным условием для поддержания законности и правопорядка, способствует формированию гражданского общества, доверяющего правоохранительным органам и судебной системе государства.

Обеспечение объективности при расследовании преступлений возможно только при условии всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств преступления, прозрачности деятельности правоохранительных

органов и работающих механизмах контроля за процессуальной деятельностью. Расследование должно вестись на основе объективного исследования всех возможных версий исследуемого события, в том числе и тех, которые оправдывают обвиняемого. В расследовании уголовных дел не должно быть места предвзятости, а следователь должен руководствоваться исключительно законом, исключая любое внешнее воздействие. Любые отступления от этих правил должны рассматриваться как нарушение закона, а полученные при этом доказательства исключаться из числа допустимых. Расследование должно быть открытым для контроля со стороны надзорных органов, суда и участников процесса, имеющих право знакомиться с материалами дела и заявлять ходатайства.

Для обеспечения беспристрастности предварительного расследования задействованы различные инструменты: от повышения профессиональных компетенций сотрудников следственных органов, совершенствования форм прокурорского надзора и судебного контроля до внедрения в процесс современных информационно-коммуникационных технологий.

Основой для результативного и непредвзятого расследования являются высокий уровень профессиональной компетентности следователей, систематическое повышение их квалификации, глубокое понимание законодательства и навыки работы с доказательной базой. Эффективное применение норм уголовно-процессуального права, а также криминалистических методик способствует объективному установлению обстоятельств дела.

Прокуратура как орган государственной власти контролирует соответствие действий следователя закону и их обоснованность, что обеспечивает законность и объективность предварительного расследования.

Реализуя предоставленные законом полномочия, прокурор вправе отменять незаконные или необоснованные решения следователя, давать указания о производстве процессуальных действий, необходимых для исследования всех обстоятельств расследуемого события, что, безусловно, способствует обеспечению полноты и всесторонности расследования.

Субъекты уголовного процесса наделены правом обжалования действий следователя, что способствует обеспечению дополнительной защиты их прав и интересов.

Защитник обвиняемого (подозреваемого) имеет право участвовать в следственных действиях, заявлять ходатайства и жалобы, представлять доказательства. Это способствует формированию состязательного процесса и балансу между обвинением и защитой.

Видеозапись следственных действий (и другие объективные средства отражения хода и результатов следственных действий), электронный документооборот и другие современные информационно-коммуникационные технологии, безусловно, повышают прозрачность и объективность расследования.

Объективность как условие расследования основана в том числе и на нормах международного права, в частности, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, а также Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции о правах ребенка и других.

Объективность расследования преступлений представляет собой фундаментальный аспект, основу уголовного судопроизводства, гарантирующую справедливость правосудия, соблюдение законности и охрану прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Для достижения объективности требуется не только совершенствование законодательства, но и формирование профессиональной культуры среди следователей, а также активное участие гражданского общества в контроле за соблюдением правовых норм.

Литература

1. Гонтарь, С. Н. О стабильности уголовно-процессуального закона и качестве его преобразований / С. Н. Гонтарь // Союз криминалистов и криминологов. – 2024. – № 1. – С. 87-93.

2. Гонтарь, С. Н. Проблемы правовой регламентации и практики реализации норм УПК РФ об охране прав личности в уголовном судопроизводстве / С. Н. Гонтарь, М. И. Третьяк // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 453-458.

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята на всенародном голосовании 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 10.10.2025).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 10.10.2025).

Гончаров Андрей Васильевич,
преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Исакова Анастасия Юрьевна,
старший эксперт отделения
традиционных криминалистических экспертиз
отдела традиционных экспертиз
и баллистических учетов ЭКЦ
ГУ МВД России по Ставропольскому краю

**Актуальные вопросы производства почерковедческих экспертиз копий
документов при установлении факта монтажа
исследуемых подписей**

В последние десятилетия XX века, характеризовавшиеся активным развитием технологий копирования и размножения документов, в контексте судебно-экспертных исследований был инициирован анализ графических характеристик рукописных элементов в документах, полученных посредством таких технологий. В различных сферах правовой деятельности, вследствие упрощения процедуры воспроизведения документов, существенно возросло число их копий, выступающих ныне в качестве вещественных доказательств правонарушений и объектов внимания судебных экспертов.

Специфичность данного типа объектов исследования, представляющих собой копию документа с отображением реквизитных признаков, полученную методом копирования, обуславливает ограниченность применимости традиционных методов криминалистического анализа письменных материалов и почерковедения. Возникшая в конце XX столетия дискуссия в среде научных сотрудников и практических экспертов относительно возможностей и пределов проведения почерковедческих исследований изображений рукописных записей и подписей остается актуальной до настоящего времени. Это привело к формированию дифференцированных подходов к проведению экспертиз, включая рекомендации по отказу от исследования визуальных образов почерковых объектов и копий документов в силу объективных ограничений диагностических процедур.

Неопределенность методологических подходов и вероятностный характер заключений, формируемых экспертами, не умаляют значимости научных изысканий, посвященных исследованию документальных материалов, содержащих графические объекты, выполненные рукописным способом.

Актуализация данного направления обусловлена необходимостью удовлетворения запросов органов дознания, предварительного расследования и судебных инстанций в доказательственной информации, актуальной в тех случаях, когда подлинники соответствующих документов утрачены либо объективно недоступны. Выводы проведенных криминалистических экспертиз рассматриваются в качестве интегративного элемента совокупной доказательственной базы дела, способствуя верификации выдвигаемых версий, выявлению противоречивых аспектов рассматриваемых обстоятельств и обоснованию мероприятий, нацеленных на обнаружение и изъятие оригиналов документов для обеспечения полноценного анализа всех содержащихся реквизитов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования методик криминалистической экспертизы в условиях развития современных технологий подделки документов. Существующая методика почерковедческой экспертизы требует существенной корректировки в части работы с документами, содержащими признаки монтажа подписей.

Почерковедческая экспертиза представляет собой комплексное исследование, направленное на установление исполнителя рукописного текста или подписи. При этом выявление признаков монтажа существенно влияет на методологию исследования.

Ярким примером актуальности данной темы является использование третьими лицами сканов (изображений) подписей. Так, в результате цифровизации общества большая часть документооборота перешла в электронный формат. В некоторых видах судопроизводства, а в особенности в гражданском, распространенной практикой является дистанционное формирование документов с использованием скана подписи и дальнейшим предоставлением таких документов в электронном виде. Но не всегда такие подписи используются только с согласия исполнителя и только в тех документах, для оформления которых это лицо предоставляло свою подпись. Уровень технических возможностей в настоящее время очень высок, поэтому при предоставлении копий таких документов эксперт порой может не обнаружить признаков монтажа, что, в свою очередь, способно привести к ошибочным выводам.

Факт монтажа подписи в копии документа указывает на прямое нарушение целостности документа и однозначно определяет его как поддельный.

Монтаж может быть выполнен различными способами:

- механическим – вырезка и вставка;
- цифровым – использование графических редакторов для наложения или копирования элементов;

- сочетанием техники копирования и сканирования.

Наряду с классическими маркерами фальсификации документов в графических образцах исследуемых объектов возможно выявление следов компиляции фрагментов изображений, полученных путем интеграции элементов из различных почерковых образцов: например, компонентов различных подписей либо отдельно взятых символов, букв, лексем, объединенных искусственным образом в единый документ.

Эксперт, обнаруживший монтаж, фиксирует это в заключении, описывая методику и характер выявленных признаков. При этом почерковедческое исследование продолжается с учетом этих обстоятельств, так как задачей данного исследования является установление исполнителя подписи, записи (текста), а не способ изготовления документа в целом.

Однако в подобных случаях необходимость дальнейшего почерковедческого исследования вызывает сомнения. Если подпись уже признана поддельной, следователь получает прямое указание на несоответствие документа юридическим нормам.

Согласно методике почерковедческих экспертиз, даже после установления факта подделки или монтажа продолжается исследование, в ходе которого эксперт пытается установить:

- кто является автором почеркового объекта (например, оригинальной подписи, которая была смонтирована или использована для копирования);
- какой инструмент или техника применялись для создания подделки;
- возможные связи между оригинальным автором и изготовителем поддельного документа.

Когда подпись в документе смонтирована, документ утрачивает юридическую силу. Дополнительное определение автора смонтированной подписи становится излишним, так как:

- оригинальная подпись могла быть использована без ведома ее владельца;
- исполнитель монтажа и автор подписи – это в большинстве случаев разные лица.

Продолжение проведения почерковедческой экспертизы после установления факта монтажа подписи представляет собой методологически некорректную процедуру, способствующую формированию ошибочной ориентации следственных органов относительно субъекта документационного оформления, не причастного к процессу монтажа. Данный подход ведет к неоправданному отвлечению ограниченных материальных и кадровых ресурсов

правоохранительных структур, создавая риск формирования недостоверных выводов.

Организация процесса назначения судебной экспертизы является процедурой ресурсоемкой, требующей временных и финансовых вложений. Обращение внимания компетентных экспертов на исследование подписей, предварительно идентифицированных как поддельные путем монтажа, влечет за собой необоснованное расходование бюджета и снижение эффективности функционирования соответствующих подразделений правоохранительных органов.

Для устранения указанных проблем следует внести следующие изменения в методику:

– любое дальнейшее почерковедческое исследование прекращается после установления факта монтажа подписи.

В качестве рекомендации можно предложить следующую формулировку выводов при обнаружении признаков монтажа:

«Исследованием изображений подписей в представленных документах установлено различие контрастности фона и наличие посторонних фрагментов реквизитов в местах расположения изображений подписей. Выявлено полное совпадение содержания, формы (графического рисунка) и расположения исследуемых изображений подписей.

Указанные признаки существенны и в совокупности достаточны для вывода о том, что изображения подписей в представленных документах являются изображениями, полученными с одного оригинала, и внесены в документ путем монтажа.

На основании вышеизложенного ответить на вопрос «Кем, Ивановым В.А. или другим лицом, выполнена подпись в документе?..» не представляется возможным, так как данная подпись внесена в исследуемый документ путем монтажа и не является объектом почерковедческого исследования».

Установление факта монтажа подписи в копии документа автоматически делает бесполезным дальнейшее почерковедческое исследование. Изменение методики в соответствии с предложенными пунктами позволит устранить эту проблему и направить усилия экспертов на более значимые аспекты анализа. Это обеспечит точность и рациональность проведения экспертиз, а также повысит доверие к их результатам в следственной и судебной практике.

Литература

1. Плинатус, А. А., Круглов, Л. М. Актуальные вопросы исследования изображений почерковых объектов // Научный портал МВД России. – 2021. – № 3(55). – С. 52–56.

Гуралев Владимир Михайлович,
доцент кафедры физической подготовки
Сибирского юридического института МВД России

Проблемные вопросы, возникающие при обучении болевым приемам сотрудников МВД женского пола

Эффективность обучения физической подготовке, в частности боевым приемам борьбы, оказывает непосредственное влияние на успешность выполнения служебных задач сотрудниками полиции. Осознанное отношение к учебному материалу способствует не только усвоению техники и тактики, но и формированию профессиональных качеств, а также уверенности в собственных силах. Вместе с тем при обучении сотрудниц женского пола выявляются специфические проблемы, требующие пересмотра устоявшихся подходов.

В настоящее время наблюдается явная недостаточность в эффективности применения боевых приемов борьбы женщинами-полицейскими при возникновении реальных ситуаций. Несмотря на прохождение ими соответствующего обучения, на практике они часто не используют приобретенные навыки. Данный факт свидетельствует о необходимости более глубокого анализа причин, лежащих в основе сложившейся ситуации, а также разработки и внедрения новых, более эффективных методик обучения. Указанная проблема может объясняться целым рядом взаимосвязанных факторов, включая недостаточную степень адаптации существующих методик обучения под специфику женской физиологии и психологии, а также наличием психологических барьеров и недостаточной уверенностью в собственных силах.

Актуальность указанной проблемы определяется рядом взаимосвязанных аспектов, требующих пристального внимания. В первую очередь речь идет о повышении общей эффективности деятельности полиции. Успешное применение боевых приемов борьбы позволяет женщинам-полицейским более эффективно пресекать противоправные действия, осуществлять задержание преступников и гарантировать поддержание общественного порядка. Наряду с этим значимым является вопрос обеспечения безопасности самих сотрудниц полиции. В ситуациях, требующих применения физической силы, уверенное

владение боевыми приемами борьбы предоставляет женщинам-полицейским возможность эффективно защитить себя и окружающих граждан от нападения.

Не менее важным представляется и соблюдение строгой законности при осуществлении своей деятельности. Грамотное и адекватное применение боевых приемов борьбы позволяет сотрудницам полиции действовать в строгом соответствии с законом, сводя к минимуму риск нанесения излишнего вреда задерживаемым лицам. Этот аспект особенно важен в контексте работы с гражданскими лицами.

По словам Ю.П. Соловей, боевые приемы борьбы представляют собой комплекс силовых физических действий, осуществляемых без применения специальных средств или огнестрельного оружия, направленных на причинение лицу, в отношении которого они применяются, болевых ощущений или телесных повреждений [1].

В то же время принципиально важно подчеркнуть, что основная цель использования боевых приемов борьбы заключается в пресечении противоправных действий и осуществлении задержания правонарушителя, а не в нанесении ему значительного или неоправданного ущерба.

Анализ существующих проблем поднимает вопросы, касающиеся прежде всего традиционной технико-тактической модели боевых приемов борьбы, которая исторически сформировалась без должного учета физиологических различий между мужчинами и женщинами. Изначально разрабатываемые преимущественно для спортивных соревнований или целей самообороны мужчинами, данные приемы не всегда оказываются оптимальными и эффективными для использования женщинами-полицейскими в реальных оперативных ситуациях.

Основные проблемы, затрудняющие эффективное освоение и применение боевых приемов борьбы женщинами-полицейскими, включают физиологические особенности (различия в силе и телосложении), психологические аспекты (страх, неуверенность) и неадаптированные методики обучения [2, с. 28; 3; 4].

Учитывая это, целью нашего исследования является разработка и обоснование специализированной методики обучения боевым приемам борьбы, адаптированной к физическим и психологическим особенностям сотрудниц полиции, что позволит существенно повысить эффективность освоения и успешного применения данных приемов непосредственно в реальных ситуациях оперативной деятельности.

Для достижения указанной цели и решения выявленных проблем необходим комплексный подход. Он позволит сотрудницам полиции эффективно действовать в различных ситуациях, сохраняя контроль и минимизируя риск эскалации конфликта.

Предлагаемая методика обучения боевым приемам борьбы для сотрудников полиции состоит из нескольких этапов.

1. Подготовительный этап включает в себя:

1) физическую подготовку. Упражнения на развитие гибкости, ловкости, выносливости и координации. Сюда входят элементы танцевальной подготовки (например, упражнения на баланс и ритм), легкая атлетика (бег на короткие дистанции, прыжки), упражнения с собственным весом (отжимания, приседания);

2) теоретическую подготовку. Изучение законодательной базы применения физической силы, основ анатомии и биомеханики, тактические основы задержания и конвоирования. Особое внимание уделяется изучению правовых аспектов, регламентирующих применение физической силы сотрудниками полиции;

3) психологическую подготовку. Тренинги на развитие уверенности в себе, стрессоустойчивости, умения быстро принимать решения в экстремальных ситуациях. Практикуются техники саморегуляции, визуализации, ролевые игры с моделированием конфликтных ситуаций.

2. Основной этап подразумевает:

1) Изучение базовых боевых приемов борьбы:

- освобождение от захвата за запястье с использованием рычага и вращения кисти;
- блокировка ударов предплечьями с одновременным контратакующим действием (например, удар ногой в колено);
- бросок через бедро с использованием веса и движения противника;
- контроль запястья и локтя с целью выведения из равновесия и пресечения агрессивных действий;
- удушение сзади предплечьем, с акцентом на правильное положение тела и контроль дыхательных путей;

2) тактическую подготовку. Отработка приемов в различных ситуациях: задержание в помещении, на улице, в автомобиле, при сопротивлении нескольких лиц. Моделируются ситуации с ограниченным пространством, плохой видимостью, наличием посторонних;

3) специальную физическую подготовку. Развитие силы, необходимой для выполнения конкретного приема. Упражнения с отягощением, направленные на укрепление мышц, участвующих в выполнении приемов борьбы (становая тяга, жим ногами, подтягивания с ассистентом).

3. Этап совершенствования включает:

1) спарринги и учебные схватки. Отработка приемов в условиях, максимально приближенных к реальным. Спарринги проводятся с использованием защитного снаряжения (шлемы, перчатки, накладки на голени);

2) участие в соревнованиях. Участие в соревнованиях по рукопашному бою и другим видам единоборств (по желанию) для повышения соревновательного опыта и стрессоустойчивости;

3) анализ ошибок и корректировка техники. Разбор видеозаписей тренировок и спарингов с целью выявления ошибок и корректировки техники.

Условия, в которых происходит применение боевых приемов, играют критическую роль в эффективности их использования и безопасности сотрудника. Важно разработать и внедрить в процесс обучения такие условия, которые позволяют сотрудникам полиции чувствовать себя уверенно и безопасно при применении боевых приемов борьбы.

1. Создание безопасной тренировочной среды. Обеспечение мягких покрытий на полу, использование защитного снаряжения, работа под контролем опытного инструктора.

2. Постепенное усложнение задач. Начинать с простых упражнений и постепенно переходить к более сложным, моделировать ситуации с различной степенью агрессии противника.

3. Предоставление обратной связи. Конструктивная критика, указание на сильные и слабые стороны, индивидуальные рекомендации по улучшению техники.

Основываясь на вышеперечисленных условиях, можно моделировать следующие ситуации для обучения:

1. ситуация в помещении. Отработка задержания в ограниченном пространстве (коридор, комната) с использованием укрытий и учетом возможного нахождения других людей;

2. ситуация на улице. Отработка задержания на скользкой поверхности (лед, мокрый асфальт), при плохой освещенности, при наличии препятствий (автомобили, бордюры);

3. ситуация в толпе. Защита от нападения в толпе людей, освобождение от захватов, быстрое перемещение и эвакуация;

4. работа с вооруженным преступником. Отработка приемов обезоруживания с использованием макетов оружия (нож, пистолет).

Предлагаемая методика обучения боевым приемам борьбы, адаптированная к физическим и психологическим особенностям сотрудников полиции, позволит существенно повысить эффективность их действий в реальных ситуациях. Комплексный подход, включающий этапы подготовительной, основной и совершенствующей подготовки, а также

моделирование различных условий применения приемов, обеспечит формирование устойчивых навыков и уверенности в себе.

Литература

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 15.10.2025).

2. Каранкевич, А. И., Воронович, Ю. В. Болевые приемы задержания и сопровождения: пособие. – Могилев: Могилев. высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2022. – 128 с.

3. Кузнецов, С. В., Волков, А. Н., Воронов, А. И. Теоретические и методические основы организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Учебник. – Москва: ДГСК МВД России, 2022. – 328 с.

4. Лигута, В. Ф. Боевые приемы борьбы в профессиональной деятельности женщин-сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта, 2019. – № 11(177). – С. 163-167.

5. Лигута, В. Ф. Защитные и ответные двигательные действия сотрудников полиции женского пола в ситуациях единоборства с правонарушителями // Автономия личности. – 2025. – № 1. – С. 5-9.

6. Соловей, Ю. П. Правовое регулирование применения сотрудниками полиции физической силы // Административное право и процесс. – 2012. – № 7. – С. 2-9.

Деньмухамедов Дамир Ахтамович,
преподаватель кафедры криминалистики
Уфимского юридического института МВД России

Проблемные аспекты предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, связанных с использованием чужих энергоресурсов с целью майнинга криптовалюты

Финансовая сфера жизни во всем мире стремительно движется в сторону развития цифровой экономики. Бумажные деньги заменяются новыми видами «электронных денег». Классическая расчетно-платежная система эволюционирует в цифровые платформы. Практически во всех государствах де

факто признаны расчеты в криптовалюте. Однако эта несомненно прогрессивная тенденция порождает побочные эффекты в виде повышенного внимания преступного мира, что, соответственно, приводит к появлению новых объектов криминальных посягательств. К сожалению, правоохранительная система Российской Федерации не успевает обеспечить полноценную защиту граждан от атак преступного мира. Преобразование экономики в сторону цифровой кардинально поменяло структуру преступности, которая практически полностью перешла в киберпространство. Классическая преступность, согласно многочисленным исследованиям, составляет не более 1% (с учетом эффекта латентности) и не более 40% согласно официальной статистике [1, 2].

В связи с легализацией расчетов в криптовалюте возник и новый способ получения дохода в виде ее добычи (майнинга). Производство криптовалюты осуществляется на специальном компьютерном оборудовании, работа которого потребляет большое количество электроэнергии. Основными издержками производства являются приобретение майнингового оборудования и потребление энергоресурсов, что создает определенную специфичность такого бизнеса, производительность и рентабельность которого напрямую зависит от доступности и цены электроэнергии. Возможность преобразования электроэнергии в цифровую валюту обуславливает повышение ценности этого ресурса с криминальной точки зрения.

До появления такой возможности незаконное подключение к чужим энергоресурсам производилось в основном для собственных нужд и не было связано с причинением существенного вреда. В настоящее время, в связи с техническим перевоплощением компьютеров в «майнинговые фермы», многократно возросла способность поглощения электроэнергии за определенную единицу времени, что обуславливает возможность ее более быстрого изъятия. Таким образом, техническая возможность мгновенного изъятия чужих энергоресурсов и конвертирование их в криптовалюту создала условия для так называемого недобросовестного майнинга (криптоджекинга). Основной целью криптоджекеров является получение доступа к чужому вычислительному оборудованию или энергоресурсам для осуществления майнинга. В настоящее время известно три самых распространенных способа криптоджекинга.

Первый способ характерен для работников (сотрудников) учреждений и компаний, обладающих соответственными вычислительными мощностями, и заключается в подключении к корпоративным компьютерам для осуществления личного майнинга. Как правило, при выявлении таких случаев руководство корпорации применяет только меры дисциплинарной ответственности в связи с невозможностью установления размера причиненного ущерба для

инициирования уголовного преследования или подготовки гражданского судебного иска.

Второй способ характерен для специалистов в области информационных технологий. Суть способа – в распространении вредоносной (вирусной) программы для заражения как можно большего числа компьютеров и создания «ботнет-сети», которая потребляет определенный процент мощностей зараженных серверов для майнинга. В случае установления лиц, паразитирующих таким способом, их возможно привлечь только по ст. 273 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3] за создание и использование вредоносных программ, так как имущественный вред собственникам цифровых аппаратов выражается только в замедлении деятельности их компьютеров и повышении энергозатрат, что сложно определить в денежном выражении.

Основным способом криминальной добычи криптовалюты стало подключение к чужим энергоресурсам с причинением значительного ущерба его собственникам. Таким видом преступной деятельности, как правило, занимаются организованные группы, которые противоправными методами получают доступ к электрической сети жертвы и, подключив свое вычислительное оборудование, создают «майнинговую ферму», с помощью которой добывают криптовалюту. Впоследствии с пострадавших от криптоджекинга лиц списываются значительные суммы денежных средств за потребленную не ими электроэнергию. Однако должная защита их имущественных интересов не осуществляется по причине отсутствия сформировавшейся судебной практики и методики противодействия этой новой форме криминальных посягательств.

В действующем уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы закона, предусматривающие ответственность за хищение электроэнергии. Ответственность за незаконное подключение к электросетям в основном квалифицируется по ст. 165 УК РФ. Причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием без признаков хищения криминализируется только при наличии крупного размера ущерба, который применительно к данному составу преступления составляет сумму более 1 млн рублей. Таким образом, действия лиц, причинивших ущерб собственнику электрической энергии на сумму до 1 млн рублей, не являются уголовно наказуемыми. Как правило, физическим лицам от действий криптоджекеров ущерб свыше 1 млн рублей наносится редко, однако это не означает, что причинение имущественного ущерба до указанного критерия не является общественно опасным, так как для большинства граждан потеря имущества стоимостью даже в несколько десятков тысяч рублей является значительной.

Так, в декабре 2023 года гражданин Д обратился в отдел МВД России по Уфимскому району Республики Башкортостан с заявлением о хищении у него денежных средств в размере более 20 тыс. рублей с расчетного счета, открытого в ПАО «Сбербанк». Для Д. указанные средства, которые он откладывал с пенсии на новогодние подарки своим внукам, являлись всеми накоплениями за год, в связи с чем он посчитал ущерб от действий неустановленных преступников значительным. В ходе проверочных мероприятий установлено, что денежные средства у гражданина Д списаны по судебному приказу № 2-1529/2023 от 09.08.2023 года по иску ООО «Энергетическая сбытовая компания Башкортостана» о взыскании задолженности за потребленную электроэнергию по адресу: СНТ «Ветеран-2», уч.... Однако садовый участок по указанному адресу гражданину Д не принадлежал. При проверке заявления об открытии лицевого счета по указанному адресу установлен факт подделки подписи Д. При выезде на указанный садовый участок установлено наличие признаков деятельности «майнинговой фермы». Участок, на котором производилась незаконная деятельность, принадлежал садовому обществу СНТ «Ветеран-2», так как не возделывался бывшим владельцем с 2000 года [4].

В связи с недостижением размера причиненного ущерба критерия уголовной ответственности по ст. 165 УК РФ уголовное дело возбуждено не было. Соответственно, мер по установлению правонарушителей не принималось, что не способствовало восстановлению нарушенных имущественных прав пострадавших от их деятельности лиц.

Показательно, что даже при наличии особо крупного размера причиненного ущерба уголовные дела по фактам хищения электроэнергии не возбуждаются.

Так, постановлением оперуполномоченного ОЭБ и ПК Уфимского ЛУ МВД России на транспорте от 14.04.2023 года по заявлению ОАО «Российские железные дороги» о факте бездоговорного потребления электроэнергии, причинившем ущерб в размере более 103 млн рублей, в возбуждении уголовного дела отказано в связи с отсутствием признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 165 УК РФ. Из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела следует, что в декабре 2021 года СНТ «ЛОКОМОТИВ-86», расположенное по адресу: Республика Башкортостан, Уфимский район, Зубовский с/с, без заключения договора подключилось к электрическим сетям ОАО «Российские железные дороги». За период с декабря 2021 по февраль 2023 года стоимость объема бездоговорного потребления электроэнергии составила 103385520 рублей. Трансформатор, через который происходило незаконное подключение, находился на заброшенном садовом участке, принадлежащем

гражданину Б., который заявлением от 16.05.2007 года просил исключить его из членов товарищества.

В дальнейшем по гражданскому иску ОАО «Российские железные дороги» с СНТ «ЛОКОМОТИВ-86», СНТ «ЛЕТО» и председателя СНТ «ЛОКОМОТИВ-86» гражданина Х. решением Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 27.08.2025 года в субсидиарном порядке взыскана сумма неосновательного обогащения в размере 103385520 рублей и проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 39669404,97 рублей [5].

В вышеуказанных решениях имеются сведения о заключении эксперта ООО «Консалтинговая компания «Платинум» из которого следует, что объем потребляемого количества электрической энергии СНТ «ЛОКОМОТИВ-86» за период с 10 декабря 2021 года по 4 февраля 2023 года может составлять 102436 кВт/ч стоимостью 287845,16 рублей, а СНТ «ЛЕТО» – 9467 кВт/ч стоимостью 26602,27 рублей. Кроме этого, имеются показания садоводов о деятельности на заброшенном участке «майнинговой фермы». Несмотря на то, что имеются достаточные данные о деятельности организованной группы криптоджекеров, так как очевидно, что потребление электрической энергии на сумму более 103 млн рублей за указанный период времени без специального майнингового оборудования невозможно, уголовное дело по данному факту до настоящего времени не возбуждено. Лица, причинившие ущерб собственнику электрической энергии, а также садоводам, большинство из которых являются пенсионерами, остаются безнаказанными. Деятельность преступной группы до настоящего времени не пресечена, что создает условия для совершения аналогичных преступлений.

Учитывая, что целями Российского законодательства, в том числе гражданского и уголовного судопроизводства, является защита конституционных прав и свобод граждан, в частности права собственности, возникает необходимость изменения законодательства и правового подхода к рассмотрению правонарушений, связанных с криптоджекингом.

Электрическая и другие формы энергии должны признаваться предметом и объектом хищений и иных противоправных действий по фактам использования чужих энергоресурсов.

Литература

1. Каждый пятый опрошенный россиянин становился жертвой телефонных мошенников // ТАСС. 2024. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19993285> (дата обращения: 02.10.2025).
2. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года // Офиц.

сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения: 02.10.2025).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.10.2025).

4. Определение судьи судебного участка № 10 по Советскому району г. Уфы по гражданскому делу № 2-1529/23 по заявлению ООО «Энергетическая сбытовая компания Башкортостана» о взыскании задолженности за потребленную электроэнергию (архив судебного участка № 10 г. Уфы Республики Башкортостан).

5. Решение Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 27.08.2025 года № 03RS0064-01-2024-002762-17 по делу № 2-1154/2025 (архив администрации Уфимского района Республики Башкортостан).

Досакаев Алимберди Базарбиевич,
доцент кафедры конституционного
и гражданского права Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Противодействие незаконной миграции как основополагающий фактор обеспечения национальной безопасности государства

Миграционная политика – одно из приоритетных направлений в развитии концепции государственной политики и обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Все больше внимания обращают на себя вопросы эффективности противодействия незаконной миграции на всех уровнях системы публичной власти, в частности, в деятельности правоохранительных органов в части выработки механизмов по недопущению нарушения миграционного законодательства, напрямую оказывающей влияние на социально-культурную и политико-правовую сферу развития российского общества.

В условиях интенсивного развития цифровых технологий, цифровизации услуг, оказываемых государственными и муниципальными органами, в том числе постановки на миграционный учет иностранных граждан, проживающих или прибывающих на территорию Российской Федерации, использование различных информационных систем в деятельности правоохранительных органов по учету иностранных граждан и выявление фактов нарушения

миграционного законодательства приобретает большое значение. Полагаем, что одним из положительных примеров в противодействии незаконной миграции является применение в качестве эксперимента приложения «Амина» (Москва, Московская область). В случае с иностранными гражданами, прибывшими на территорию указанных субъектов Российской Федерации с 1 сентября 2025 года и установившими в смартфоны данную программу, их постановка на учет упрощена, а благодаря включенной геолокации обеспечен контроль за ними.

Государственная политика по усилению контроля за миграционными потоками иностранных граждан соответствует абзацу 16 пункта 47 Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400.

Кроме того, в обновленной Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 года № 738, учтены новые угрозы в противодействии незаконной миграции и приоритетные задачи миграционного учета иностранных граждан с использованием цифровых технологий, а также основные направления в социокультурной интеграции и адаптации иностранных граждан в российском обществе.

Проведенный анализ правоприменительной практики в сфере нарушения миграционного законодательства Российской Федерации, в том числе и иностранными гражданами, свидетельствует, что наиболее часто встречающиеся противоправные действия связаны с:

- нарушениями миграционного законодательства в сфере заключения трудовых договоров с иностранными гражданами;
- фиктивной постановкой на учет иностранного гражданина по адресу, где он фактически не проживает;
- постановкой на учет в течение короткого промежутка времени большого количества иностранных граждан по месту пребывания в одном помещении, где их одновременное проживание невозможно;
- легализацией незаконно находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан посредством изготовления поддельных миграционных карт [1].

Важным аспектом в противодействии незаконной миграции является деятельность органов внутренних дел по проведению идентификации личности иностранных граждан по отпечаткам пальцев. Так, на заседании коллегии МВД России 24 октября 2023 года руководитель ведомства отметил, что мигранты, которым въезд не разрешен, пытаются попасть на территорию Российской Федерации под измененными персональными данными [2]. В данном случае

особую роль в установлении личности иностранных граждан в вопросах противодействия незаконной миграции играет процедура дактилоскопии, проводимая в том числе подразделениями по вопросам миграции органов внутренних дел. Процедура прохождения в органах внутренних дел дактилоскопии иностранными гражданами и лицами без гражданства, пребывающими на территории Российской Федерации, регламентируется приказом МВД России от 19 июня 2018 г. № 384 «Об утверждении порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени и перечня категории лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрация не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени».

К сожалению, проблема дактилоскопической регистрации заключается в том, что, несмотря на расширение зоны поиска при идентификации иностранного гражданина, остается проблема в самом поиске информации, которая обрабатывается не с первого раза, а иногда с третьего или даже с четвертого. Как показывает практика, иностранные граждане, в частности из бывших республик СССР, которые были подвергнуты административному выдворению за пределы Российской Федерации, выезжают из России и умышленно меняют установочные данные в стране гражданской принадлежности путем замены национального паспорта, затем вновь въезжают в Россию. Данные манипуляции позволяют иностранным гражданам «обнулиться», прибыть в Российскую Федерацию, скрывая свои действительные установочные данные и имея умысел использовать заведомо ложные сведения с целью дальнейшей легализации на территории страны.

Эффективной работе подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России при осуществлении служебной деятельности будут способствовать изменения в действующую редакцию Федерального закона от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», устанавливающие порядок взаимодействия подразделений по вопросам миграции и информационного центра ГУ МВД России по субъектам Российской Федерации по вопросу тождества отпечатков пальцев рук проверяемого субъекта с дактилоскопическими картами.

Полагаем, что данная процедура будет способствовать эффективности миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства на этом этапе их дактилоскопирования и препятствовать попыткам незаконного прибытия на территорию Российской Федерации. Кроме того, это позволит выявить причастных к совершению различных правонарушений на территории России

(или подозреваемых в их совершении) и находящихся в розыске. Вместе с тем целесообразно проведение процедуры дактилоскопирования в момент въезда в Российскую Федерацию на пограничных пунктах с целью в самом начале пересечения Государственной границы выявить категории иностранных граждан, ранее выдворенных из России.

При этом, учитывая опасность возникновения очередей на пропускных пунктах, к прохождению процедуры дактилоскопической регистрации и фотографированию, согласно дополнения в Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», обязать только тех иностранных граждан и лиц без гражданства, которые прибывают на территорию Российской Федерации свыше, чем на 90 дней, и тех, кто будет осуществлять трудовую деятельность в России.

Литература

1. Апелляционное постановление Калужского областного суда от 18 августа 2014 г.; Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 22 июня 2017 г. по делу № 10-10399/2017; Апелляционное определение Саратовского областного суда от 19 января 2021 г. по делу № 22-9/2021; Апелляционное определение СК по уголовным делам Свердловского областного суда от 08 июля 2021 г. по делу № 22-4445/2021 // Официальный интернет-сайт Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – URL: <https://sudrf.ru/index.php?id=300> (дата обращения: 19.10.2025).

2. Владимир Колокольцев провел заседание коллегии МВД России, посвященное противодействию нелегальной миграции // МВД медиа. – URL: <https://мвд.пф/document/42949222> (дата обращения: 19.10.2025).

Жигалова Галина Георгиевна,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат медицинских наук, доцент

Особенности назначения и производства экспертиз, связанных с причинением вреда здоровью

В связи со сложностью расследования преступлений, связанных с умышленным или неосторожным причинением вреда здоровью пострадавшего,

возникла необходимость обращения к вопросу особенностей назначения и производства экспертиз, связанных с причинением вреда здоровью.

Обратимся в первую очередь к нормативной базе, регламентирующей порядок установления тяжести вреда здоровью. В настоящее время действует приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 8 апреля 2025 года № 172н «Об утверждении порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». Данный приказ принят вместо утратившего силу приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 года № 194н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», введенного постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 года № 522 «Об утверждении правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

При назначении судебно-медицинской экспертизы, связанной с установлением вреда здоровью, важно помнить, что у человека как у живого объекта наблюдается регенерация тканей, идет процесс заживления повреждений, повреждения могут видоизменяться вследствие воспалительных процессов, индивидуальных особенностей. В случае преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы лица объекты биологического происхождения могут быть разрушены вследствие естественного лизиса клеток. Следовательно, чем раньше пострадавшее лицо будет направлено для проведения судебно-медицинской экспертизы, тем более точно эксперт сделает выводы о характере повреждений, их механизме образования. Но даже если с момента получения повреждения лицом до освидетельствования экспертом пострадавшего прошло много времени и, как может казаться, следов повреждений практически не наблюдается, не стоит отказываться от назначения экспертизы, так как шрамы, изменения пигментации кожи в местах бывших ссадин, отцветшие кровоподтеки также информативны и могут о многом рассказать эксперту.

Назначение экспертизы вреда здоровью вытекает из получения пострадавшим повреждений от воздействия факторов внешней среды, причем природа данных факторов чрезвычайно разнообразна: это и термические, и механические, и физические, а также психические источники [1, с. 58]. Установить повреждающий фактор при назначении экспертизы степени вреда, причиненного здоровью, не является целью экспертизы, однако может быть.

Внешние характеристики повреждения могут проинформировать о характере предмета, нанесшего повреждения. По осаднениям на коже, по особенностям рельефа ссадин, по характеру разможнения мягких тканей, по форме кровоподтека и расположению повреждений на теле можно установить

вид повреждающей поверхности предмета, нанесшего повреждения, тем самым сделав вывод о соответствии информации, предоставленной потерпевшим лицом, выявленному механизму и возможному предмету, нанесшему повреждение.

Привлечение лица, нанесшего повреждения потерпевшей стороне, к уголовной ответственности возможно как при установлении вреда здоровью, так и при отсутствии такового, например, за причиненные страдания вследствие истязания, причинения побоев, вследствие хулиганства.

Для установления факта истязания следовательно необходимо установить факт систематического нанесения побоев, причинения психического мучения или физического страдания. Однако вредом здоровью указанные повреждения выступать не будут, как и побои, которые не являются повреждениями и могут проявляться лишь причинением физического страдания. Истязание не обладает необходимым набором медицинских признаков, а значит, в установлении факта истязания судебно-медицинская экспертиза по определению степени тяжести вреда здоровью бессильна. Данное положение не противоречит нормативному документу, согласно которому наличие повреждения в виде кровоподтека, или ссадины, или раны, не повлекшего утраты трудоспособности, даже незначительной, не повлекшего за собой расстройства здоровья, не является вредом здоровью [2].

Тем не менее процедуру освидетельствования пострадавшего лица проводить необходимо, так как факт обращения потерпевшего по поводу имеющихся у него кровоподтеков и ссадин на теле должен быть указан в материалах уголовного дела. Кроме того, обязательно после всех указанных мероприятий по освидетельствованию лица обратиться в медицинское учреждение, например, в травмпункт, где врач путем проведения дополнительного исследования может обнаружить повреждения, которые на момент освидетельствования не проявились. Например, ссадина на голове может свидетельствовать об имеющейся черепно-мозговой травме и повлечь лечение лица в условиях амбулатории или стационара, а далее, в зависимости от продолжительности утраты трудоспособности, может быть решен вопрос и о причинении вреда здоровью [3, с. 75].

Для квалификации совершенного деяния при нанесении травм пострадавшему используют классификацию вреда здоровью, в которой выделяют три степени: легкий вред, вред здоровью средней тяжести, тяжкий вред. Как известно, степень ответственности за совершенное деяние прямо пропорциональна степени тяжести вреда, причиненного здоровью в результате данного деяния.

Одним из критериев степени вреда, причиненного здоровью, выступает стойкая утрата общей трудоспособности. Нередко данное определение вызывает вопросы у лица, назначившего экспертизу. Под стойкой утратой понимают необратимую утрату функций, а под общей трудоспособностью – реализацию функции самообслуживания в элементарных действиях, врожденных либо приобретенных способностях. Еще одним критерием вреда здоровью выступает продолжительность утраты здоровья, то есть длительность нетрудоспособности.

Важно остановиться на проблемных вопросах, не решенных нормативными документами в отношении установления степени вреда, причиненного здоровью.

Так, при установлении тяжкого вреда здоровью одним из критериев выступает опасность вреда для жизни человека. Среди опасных повреждений выделяют ожоги третьей степени при площади, превышающей 10% тела. Однако в указанных критериях нет четкого указания на вид ожога третьей степени. Согласно классификации ожогов, приведенной рядом авторов, ожоги третьей степени подразделяют на поверхностные (умеренные) и глубокие (тяжелые) [4, с. 43]. В приказе № 172н такая классификация не учтена и к критериям вреда отнесены лишь площадь и степень, без подразделения на глубину повреждения.

Прерывание беременности также относят к тяжкому вреду здоровью при условии соблюдения причинно-следственной связи наступивших последствий от конкретного причинного фактора. Однако можно ли рассматривать прямой причиной психическое волнение, приведшее к прерыванию беременности, не уточнено.

Нововведением в сфере установления степени тяжести вреда здоровью можно считать отсутствие деления исходов травм рук в зависимости от ведущей руки. Теперь степень тяжести рассчитывают вне зависимости от ведущей конечности.

Таким образом, при назначении судебно-медицинской экспертизы вреда здоровью рекомендовано тщательное ознакомление с нормативными документами, регламентирующими порядок установления степени вреда здоровью человека, взаимодействие перед назначением экспертизы с судебно-медицинскими экспертами для верной постановки вопросов эксперту.

Литература

1. Зиненко, Ю. В. Организация судебно-медицинской экспертизы по определению тяжести вреда здоровью / Ю. В. Зиненко, А. В. Репин. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел

Российской Федерации, 2020. – 112 с. – ISBN 978-5-7889-0300-2. – DOI 10.51980/2020_90. – EDN MSLPLY.1.

2. Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздрава России от 08.04.2025 № 172н (ред. от 19.08.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 15.10.2025).

3. Решетун, А. Доказательства по телу: Живые истории судмедэксперта о работе с потерпевшими и подозреваемыми / А. Решетун. – Москва: Альпина Паблишер, 2023. – 220 с.

4. Современные методы местного лечения ожоговых ран / А. Д. Фаязов, Д. Б. Туляганов, У. Р. Камилов, Д. А. Рузимурагов // Вестник экстренной медицины. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 43-47.

Игнатова Татьяна Юрьевна,
адъюнкт факультета
подготовки научных и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

Региональная правовая система как институт правоприменительной деятельности

Правовая система Российской Федерации в настоящее время представляет собой сложное многоуровневое образование, включающее федеральный и региональный уровни функционирования права. В России проживают представители более чем 190 национальностей, причем весомая часть укоренилась на территории государственных образований в составе Российской Федерации в рамках республик, автономных округов, автономных областей и национальных районов (в составе субъекта Российской Федерации), что обуславливает асимметричную форму федеративного устройства государства, основанную на административно-территориальных и национальных признаках [1].

Конституция Российской Федерации (ст. 5) определяет республику в составе Российской Федерации как государство в составе Российской Федерации, что, возможно, свидетельствует о существовании в Российской Федерации региональных правовых систем наряду с наличием национальной правовой системы. Следует отметить, что российская правовая система по своим признакам относится к семье романо-германского права, в составе которой существует государство, структурно включающее в себя региональные правовые системы, которые на основании своих особенностей, но в усеченном виде соответствуют «материальной» категории правовой системы общества.

В условиях федеративного устройства Российской Федерации региональная правовая система служит фундаментом для обеспечения, укрепления национальной безопасности государства, а также ее территориальной целостности, она является связующим звеном между федеральным центром и местными властями [2, с. 200]. Исследование «региональной правовой системы» как теоретико-правовой категории актуально как в рамках научного исследования, так и для романо-германского права в целом и характерно для российского государства, что обусловлено прежде всего тем, что в рамках региональной правовой системы осуществляется реализация права, посредством которой нормы права воплощаются в конкретных индивидуальных решениях компетентных государственных органов, при этом нормы права конкретизируются, основываясь на специфике регионов, учитывая их социальные, экономические, культурные особенности. В данном понимании определенно можно сказать, что региональная правовая система выступает частью механизма правоприменительной деятельности [3, с. 311-325].

Поэтому для понимания категории региональная правовая система как института правоприменительной деятельности в общей структуре правовой системы общества важно понять ее соотношение с юридическими категориями правовая система общества и национальная правовая система.

Правовая система общества – это совокупность права, юридической практики и правосознания, позволяющая системно осуществлять правовое регулирование общественных отношений и характеризующая уровень развития правовой культуры. Категория национальная правовая система является производной от категории правовая система общества, она присуща какому-либо государству, это конкретно-историческая совокупность всех правовых явлений. Региональная правовая система является частью национальной правовой системы, в рамках которой право действует и реализуется в пределах конкретного региона [4, с. 400].

Между тем в Российской Федерации регионы имеют собственное законодательство, которое встроено в систему законодательства Российской Федерации. В наименованиях республик прослеживается название различных национальностей, например, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Дагестан. Помимо этого, в регионах Российской Федерации имеются собственные академии наук, научно-образовательные и культурные центры, где изучаются и развиваются национальные языки, традиции народов, что в совокупности позволяет на уровне региона формировать специфическую региональную правовую доктрину и региональное правосознание. То есть региональная правовая система как институт правоприменительной деятельности представляет собой совокупность правовых норм, органов,

традиций, через которые реализуется федеральное законодательство с учетом местных особенностей региона [5, с. 439].

Таким образом, исследование региональной правовой системы как института правоприменительной деятельности представляет ценность с точки зрения укрепления фундамента отечественной государственности, так как особенно важным является сбалансированное сосуществование федерального и регионального уровней правовой системы общества, реализуемое посредством механизма правоприменительной деятельности. Региональная правовая система выступает правовым полем, где реализуется право. С другой стороны, категория региональная правовая система может позволить более точно исследовать структуру государственности зарубежных стран, относящихся как к России, так и к семье континентального права, что будет способствовать обеспечению и укреплению стабильности и законности правовой системы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 18.10.2025).

2. Газалиева, С. М. Правовая система субъекта Российской Федерации: проблемы теории и практики: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / С. М. Газалиева. – Москва: Российская Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2009. – 200 с.

3. Небрятенко, Г. Г. Юридическая система общества и правопорядок / Г. Г. Небрятенко // Правовой порядок: актуальные проблемы социально-правовой теории: Межвузовский сборник научных трудов. – 2010. – С. 311–325.

4. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. – Москва: Формула права, 2008. – 400 с.

5. Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности. – Москва: Международные отношения. – 2009. – 439 с.

Каменданова Мария Степановна,
аспирант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

**Расследование контрабанды наличных денежных средств
и (или) денежных инструментов (ст. 200¹ УК РФ): некоторые
проблемные аспекты обстоятельств, подлежащих установлению**

Протяженная граница Северо-Западного федерального округа (далее по тексту – СЗФО) с государствами-членами Европейского союза и Королевством Норвегия, дислокация крупной морской инфраструктуры Балтийского бассейна на его территории обуславливают ключевую особенность региона – высокую уязвимость перед контрабандной деятельностью. Приграничное положение округа, с одной стороны, открывает возможности для международной торговли, а с другой – формирует устойчивые каналы для нелегального перемещения товаров и ресурсов. В этой связи приведенная специфика напрямую обуславливает необходимость выстраивания в СЗФО целостной системы мер, направленных на действенное противодействие контрабанде, в том числе ее разновидностям.

Вместе с тем результаты изучения правоприменительной практики свидетельствуют о наличии ряда проблем, возникающих при расследовании контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (далее по тексту – платежные средства), предусмотренной ст. 200¹ УК РФ. В их числе – сложности при определении обстоятельств, подлежащих установлению.

В первую очередь проблемы возникают при установлении обстоятельств, связанных с конфискацией имущества. В настоящее время нормами уголовного закона предусмотрены три варианта ее применения.

1. Принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства предметов контрабанды (п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ).

Исключением из общего правила конфискации предмета преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ, является возвращение платежных средств их законным владельцам.

Так, Санкт-Петербургским городским судом оставлена без удовлетворения апелляционная жалоба защитника на приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга в отношении гражданина А. в части решения о конфискации незаконно перемещенных им через таможенную границу ЕАЭС наличных денежных средств в сумме 44 млн руб. Основанием принятия такого решения

явилось отсутствие документов, подтверждающих принадлежность перемещенных денежных средств иным лицам [1].

2. Принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства орудий, оборудования или иных средств совершения контрабанды, принадлежащих обвиняемому (п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ).

Высшая судебная инстанция ориентирует признавать в качестве средств совершения преступления только имущество, которое использовалось в качестве тайника, либо изготавливалось, оборудовалось или приспособлялось в целях сокрытия предметов контрабанды [2].

Выборгским городским судом Ленинградской области осуждена гражданка Украины, переместившая через таможенную границу ЕАЭС денежные средства в крупном размере, предварительно разделив их на 46 пачек и сокрыв под приборную панель принадлежащего ей автомобиля [3]. В приведенном примере помещение денег под приборную панель транспортного средства не было признано сокрытием путем использования тайника, поскольку лицом не предпринимались меры по его изготовлению.

Таким образом, в зависимости от способа контрабанды платежных средств дополнительному установлению подлежит факт изготовления тайников, предварительной подготовки транспортного средства и иного движимого имущества к сокрытию предмета контрабанды путем монтажа, разборки или иных конструктивных изменений. В силу законодательного закрепления обязательным условием конфискации является принадлежность имущества виновному лицу.

3. Принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации (п. «в» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ).

Третий вариант конфискации имущества применительно к контрабанде платежных средств введен законодателем в феврале 2024 г. путем дополнения п. «в» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ понятием «деятельность, направленная против безопасности Российской Федерации». При этом указанная деятельность в соответствии с введенным в ст. 104¹ УК РФ примечанием определяется как совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 200¹, 209, 210, 222–223¹, 226, 226¹, 229.1, 274¹, 275–276¹, 281–281³, 283, 283¹, 284¹, 284³, 290, 291, 322, 322¹, 323, 332, 338, 355–357, 359 УК РФ [4].

Вследствие того, что рассматриваемая разновидность контрабанды отнесена к деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, установлению подлежит факт использования денег, ценностей и

иною имущества для финансирования как подготовки, так и совершения контрабанды платежных средств.

Следует отметить, что, в отличие от первых двух вариантов конфискации, законодателем не предусмотрено обязательное установление собственника имущества. Следовательно, его отнесение к имуществу, используемому для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), предопределяет возможность его обращения в доход государства независимо от принадлежности. Аналогичной позиции придерживается и высшая судебная инстанция [5].

Не менее проблематичным является установление обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение лица от уголовной ответственности. Дело в том, что для преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ, установлено специальное основание такого освобождения – добровольная сдача незаконно перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС платежных средств, то есть их выдача лицом по своей воле, несмотря на реальную возможность распорядиться ими [6]. При этом не признается добровольной сдача этих платежных средств в следующих случаях: в ходе применения любой из форм таможенного контроля, проведения следственных действий либо при задержании лица (примечание 4 к ст. 200¹ УК РФ).

На основании изложенного, при решении вопроса относительно освобождения лица от уголовной ответственности необходимо установить наличие (отсутствие) у него реальной возможности распорядиться незаконно перемещаемыми платежными средствами, а также что их выдача не состоялась в ходе проведения форм таможенного контроля, задержания лица либо производства следственных действий.

Существенным является то, что законодатель связывает добровольную выдачу предметов контрабанды не с совершением таможенного контроля, а именно с применением форм таможенного контроля [7]. Между тем, наряду с формами таможенного контроля, должностное лицо таможенного органа вправе применить меры, обеспечивающие проведение таможенного контроля, например, в виде устного опроса, таможенного наблюдения и использования технических средств таможенного контроля [1]. Следовательно, сообщение лицом в ходе устного опроса о наличии у него незадекларированных платежных средств и их последующая добровольная выдача являются основанием для его освобождения от уголовной ответственности.

Однако нередко вышеприведенное основание освобождения от уголовной ответственности остается без должной оценки правоприменителей.

Так, Санкт-Петербургским городским судом оставлен без изменения приговор Московского районного суда Санкт-Петербурга в отношении гражданина К., осужденного за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 200¹ УК РФ. Суд апелляционной инстанции, отождествив понятия «таможенный контроль» и «формы таможенного контроля», пришел к выводу, что начало осуществления таможенного контроля исключает добровольный характер выдачи денежных средств и, соответственно, освобождение от уголовной ответственности [9]. Между тем судом не принято во внимание следующее: таможенному органу о незадекларированной сумме наличных денежных средств и месте их перемещения гражданин К. сообщил лично до проведения таможенного досмотра. Наряду с этим в ходе судебного разбирательства не установлено наличие (отсутствие) у лица реальной возможности распорядиться упомянутыми деньгами до проведения таможенного досмотра, а также наличие (отсутствие) оснований для его проведения.

Перечень рассмотренных выше обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании контрабанды платежных средств, не является исчерпывающим. В зависимости от способа совершения преступления и складывающейся в процессе расследования следственной ситуации может возникнуть необходимость установления иных обстоятельств.

Литература

1. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 13.07.2022 по делу № 1-42/2022 // Санкт-Петербургский городской суд. – URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=72106435&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 29.09.2025).

2. О судебной практике по делам о контрабанде: Постановление № 12 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216048/ (дата обращения: 25.09.2025).

3. Приговор Выборгского городского суда Ленинградской области от 09.02.2024 по уголовному делу № 1-252/2024 // Выборгский городской суд Ленинградской области. – URL: https://vyborgsky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=290797025&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 21.09.2025).

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от

14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 8. – Ст. 1038.

5. О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: Постановление № 17 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300232/ (дата обращения: 25.09.2025).

6. О судебной практике по делам о контрабанде: Постановление № 12 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216048/ (дата обращения: 25.09.2025).

7. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 10.10.2024 по делу № 22-7661/2024 // Санкт-Петербургский городской суд. – URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=86915778&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 29.09.2025).

Коротаева Марина Анатольевна,
доцент кафедры юридических и специальных дисциплин
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Ставропольский филиал),
кандидат юридических наук, доцент

Лучевая диагностика и особенности оценки исследования в рамках судебной медицинской экспертизы, с позиции доказательства

При расследовании преступлений против жизни и здоровья, а также халатности, производства, оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в рамках предварительного следствия проводится судебная медицинская экспертиза. Судебная медицинская экспертиза с позиции получения доказательств необходима для квалификации преступлений. Следователь должен владеть познаниями, необходимыми как для вынесения постановления о назначении судебной экспертизы, так и толкования полученного заключения судебно-медицинского экспертного заключения.

Судебно-медицинский эксперт при производстве экспертизы использует данные медицинских документов, которые ему предоставил следователь, а также при недостатке информации имеет возможность обосновать необходимость

дополнительного исследования лица, в отношении которого проводится экспертиза. Одним из распространенных и востребованных исследований является лучевая диагностика.

Лучевая диагностика включает в себя: рентгенологическое исследование, компьютерную томографию, магнитно-резонансную томографию и ультразвуковое исследование, которые являются наиболее востребованными. После каждого вида исследований составляется заключение специалиста.

При рентгенологическом исследовании наиболее достоверными и удобными для хранения являются исследования, закрепленные на рентгеновских пленках, которые удобны в хранении и доступны для дальнейшего использования, в том числе для повторных экспертиз, включая комиссионные и комплексные. Однако в последнее время данный вид исследования фиксируется на электронных носителях, что неудобно, а чаще недоступно для дальнейшего исследования.

Современные требования к хранению и обработке рентгенологических снимков производится путем оцифровывания и хранения в базе данных лечебных учреждений, которые имеют ограниченный срок хранения. Истребование следователем данных из лечебных учреждений, позволяет сопоставить информацию, полученную из лечебного учреждения с данными полученными процессуальным и не процессуальным путём.

Не редки случаи, когда сомнение может развеять только точное, надежное и желательно зафиксированное на носителе доказательство, а именно на рентгеновской плёнке.

Что касается исследований компьютерной и магнитно-резонансной томографии, то результат исследования фиксируется только на электронном носителе, что крайне проблематично для использования данных электронных носителей в производстве судебно-медицинской экспертизы по нескольким составляющим [1, с. 18]. Это связано с тем, что следователь, суд и прежде всего судебно-медицинский эксперт не имеют возможности осмотреть и изучить исследование ввиду отсутствия специальных программ. Следует отметить, что данные программы фиксации исследования для каждого вида рентгенологических аппаратов свои, а не универсальные.

Помимо этого, в зафиксированное исследование возможно вмешательство в виде внесения изменений в изображение исследования, что искажает исследование, ухудшая или улучшая его результат, нарушает достоверность. А это, в свою очередь, даст возможность составить заключение судебного медицинского эксперта с сомнительной составляющей.

В случае назначения следователем повторной экспертизы экспертам, которые будут проводить судебно-медицинскую экспертизу, будут переданы

медицинские документы и диск с зафиксированным исследованием – искаженным. Исключить такое вмешательство, назначая техническую экспертизу, у следователя нет возможности, так как нет изначальной достоверной информации о внесении изменений в электронный носитель информации исследования.

Данное положение вещей влияет на качество доказательства в виде заключения судебного медицинского эксперта как при определении тяжести повреждения здоровья в умышленных и неосторожных преступлениях, так и при совершении преступных действий при халатности и предоставлении услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Что касается использования лучевой диагностики в исследовании трупов, то этот вид исследования уже доступен в России, востребован судебно-медицинскими экспертами. В не столь давние времена почти в каждом бюро судебно-медицинской экспертизы в оснащение входил рентгеновский аппарат пленочного типа. Однако в настоящее время во многих зарубежных странах используют компьютерную, и особенно магнитно-резонансную, томографию для исследования трупов. Несомненно, этот вид лучевого исследования является дополнительным, но он очень продуктивен и проводится в крайне сжатые сроки [2, с. 387].

Данный вид лучевого исследования трупов является значимым подспорьем для следствия, так как в кратчайшие сроки, до аутопсии, позволяет установить причину смерти, что влияет на сокращение сроков для оперативно-разыскных мероприятий и раскрытия преступления; исключает возможность уничтожения и подделки документов в случаях причинения вреда здоровью, повлекшего смерть человека, при халатности и предоставлении услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Несомненно, приоритет за компьютерной томографией, так как она более доступна из-за стоимости диагностического аппарата и возможности его установки в бюро судебно-медицинской экспертизы. Однако магнитно-резонансная томография более информативна, что значительно улучшает качество предварительного (до аутопсии) исследования трупа судебно-медицинским экспертом.

Для визуализации повреждений мягких тканей и специфических патологий органов магнитно-резонансная томография имеет значительные преимущества перед компьютерной томографией [3, с. 63]. Судебно-медицинский эксперт при аутопсии не может исследовать мягкие ткани, сосуды в полном объеме, что возможно сделать при использовании рентгенологических технологий [4, с. 63].

Использование в судебно-медицинских экспертизах современных методов исследования, в частности компьютерных и магнитно-резонансных томографов, позволяет судебно-медицинским экспертам объективно и научно обоснованно отвечать на поставленные вопросы следователей, при необходимости повторно проводить исследование по имеющимся данным, а при освидетельствовании живых лиц и лиц, перенесших множество операций, рентгенологические методы исследования, в том числе и КТ, являются порой единственным достоверно зафиксированным и перепроверяемым источником информации, позволяющим установить и сохранить морфологию повреждений на различных этапах посттравматического периода.

Соответственно, следователям это позволяет в более короткие сроки качественно провести следствие, выполнив все уголовно-процессуальные требования, и направить дело в суд.

Не менее значимым и информативным видом лучевой диагностики является ультразвуковое исследование. Данный вид исследования проводится исключительно на живых лицах, так как трупные изменения тканей не позволяют использовать ультразвуковые возможности аппарата из-за изменения плотности тканей трупа.

Ультразвуковое исследование используется судебно-медицинским экспертом как заключение врача-специалиста ультразвуковой диагностики. Проблема в данном случае состоит в квалификации врача-специалиста и отсутствии фиксации патологического процесса на многих аппаратах ультразвуковой диагностики. Такая ситуация предоставляет возможность судебно-медицинскому эксперту опираться при выполнении заключения только на личное восприятие, оценку и мнение врача-специалиста ультразвуковой диагностики. Использовать результаты, полученные при исследовании на аппарате ультразвуковой диагностики, не представляется возможным ввиду полной ее фиксации на электронном носителе (отдельные виды ультразвуковых диагностических аппаратов фиксируют путем стоп-кадра с последующей распечаткой стоп-кадра размером не более 10х7см).

Следователи не всегда владеют указанной информацией и допускают использование изъятой медицинской документации с результатами ультразвукового исследования без сравнительного исследования, в то время как процесс заживления, изменения протекает в живом организме у всех индивидуально.

В таких случаях стоит предвидеть необходимость назначения комплексной судебно-медицинской экспертизы, которая позволит судебно-медицинскому эксперту назначить исследование и привлечь врача-специалиста УЗИ с возможностью сравнить ранее полученное исследование и исследование,

полученное в рамках комплексной судебно-медицинской экспертизы. Данная ситуация приведет к качественному заключению судебно-медицинского эксперта и позволит следователю получить качественное, достоверное процессуальное доказательство.

А.В. Казакова указывает на то, что преступления, связанные с причинением вреда жизни или повлекшие за собой смерть человека, доказываются на основе заключения судебно-медицинского эксперта. «Несмотря на существование незыблемого правила, что ни одно доказательство не имеет приоритета над другими, фактически при расследовании указанных преступлений судебно-медицинская экспертиза играет роль ключевого доказательства, поскольку следователь/дознаватель не имеет медицинского образования» [5, с. 187]

Таким образом, судебно-медицинская экспертиза – это давний и устоявшийся институт процессуального законодательства России. Для следствия современные технические возможности лучевой диагностики в рамках судебно-медицинской экспертизы позволяют сократить сроки расследования и получить качественные достоверные доказательства, что сами по себе являются оценкой качества следственной работы.

Литература

1. Коков, Л. С., Кинле, А. Ф., Сеницын, В. Е., Филимонов, Б. А. Возможности компьютерной и магнитно-резонансной томографии в судебно-медицинской экспертизе механической травмы и скоропостижной смерти // Журнал им. Н.В. Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». – 2015. – С. 16-26.
2. Thali MJ, Yen K, Schweitzer W, Vock P, Boesch C, Ozdoba C, et al. Virtopsy, a new imaging horizon in forensic pathology: virtual autopsy by postmortem multislice computed tomography (MSCT) and magnetic resonance imaging (MRI)—a feasibility study. *J Forensic Sci.* (2003) 48:386–403. doi: 10.1520/JFS2002166.
3. Gascho D (2025) VIRTual autOPSY—applying CT and MRI for modern forensic death investigations. *Front. Radiol.* 5:1557636. doi: 10.3389/fradi.2025.1557636.
4. Donchin Y, Rivkind AI, Bar-Ziv J, Hiss J, Almog J, Drescher M. Utility of postmortem computed tomography in trauma victims. *J Trauma Acute Care Surg.* (1994) 37:552. doi: 10.1097/00005373-199410000-00006.
5. Казакова, А. В. О некоторых особенностях оценки судебно-медицинской экспертизы, назначенной для установления медицинской ошибки // Бизнес. Образование. Право. – 2023. – № 4 (65). – С. 185–190.

Костюк Анастасия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Содержание принципа добросовестности в исполнительном производстве

В любой отрасли права особое значение отводится фундаментальным, основополагающим идеям, лежащим в основе законодательного регулирования определенной области общественных отношений. Не стало исключением и исполнительное производство, которое, по мнению одних исследователей, выступает самостоятельной отраслью права, а по мнению других – стадией гражданского судопроизводства. Не вдаваясь в полемику существующей дискуссии о месте исполнительного производства в системе права, отметим, что принципам исполнительного производства вне зависимости от разрешения существующей дискуссии отводится значимая роль, так как они, во-первых, задают вектор дальнейшего развития правового регулирования исполнительного производства, а во-вторых, позволяют преодолевать встречающиеся на практике пробелы в праве.

На сегодняшний день представляется очевидным, что принципы гражданского судопроизводства не способны в полной мере распространяться на сферу исполнительного производства. А некоторые из них и вовсе не могут использоваться в рамках исполнительного производства (единоличное и коллегиальное рассмотрение дел, оценка доказательств по внутреннему убеждению, осуществление правосудия только судом и др.), учитывая специфику последнего. Особый исследовательский интерес вызывают межотраслевые принципы, которые характерны для нескольких отраслей права, но в связи с особенностями сферы регулирования данные принципы приобретают отличное содержательное наполнение. В связи с этим крайне важно детально проанализировать содержание принципов исполнительного производства с целью установления специфики их реализации.

Одним из таких межотраслевых принципов выступает принцип добросовестности в исполнительном производстве, получивший закрепление с принятием Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве») [1] и детализированный в абз. 4 п. 3 Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. № 67 (далее – Инструкция № 67) [2]. Принцип добросовестности раскрывается через

установление обязанности сторон исполнительного производства добросовестно пользоваться принадлежащими им правами и исполнять обязанности [2]. Ввиду отсутствия законодательного определения понятия добросовестности для того, чтобы оценить корректность и полноту законодательного подхода к установлению и содержательному наполнению принципа добросовестности в исполнительном производстве, необходимо обратиться к выработанным юридической доктриной концепциям и идеям, в рамках которых отражается специфика анализируемой правовой категории.

В научной литературе представлено множество определений добросовестности с позиции различных областей знаний: философии, социологии, психологии, юриспруденции и др. В контексте правовой плоскости чаще всего добросовестность рассматривается в широком и узком значениях.

Так, в широком аспекте добросовестность характеризуется отношением субъектов правоотношений к исполнению ими обязанностей и реализации предусмотренных законодательством прав [3, с. 72] или выступает в качестве требования к поведению субъектов правоотношения [4, с. 32]. Именно через требование (обязанность) к добросовестности сторон сформулирован принцип добросовестности в абз. 4 п. 3 Инструкции № 67. Аналогично через обязанность добросовестного пользования процессуальными правами и исполнения процессуальных обязанностей законодатель формулирует принцип добросовестности в ст. 16 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) [5]. Такой подход стоит признать положительным, так как правовая норма обращается непосредственно к субъектам правоотношений, что коррелируется с конституционной обязанностью каждого «уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц» [6].

В то же время из содержания абз. 4 ст. 5 Закона «Об исполнительном производстве» и абз. 4 п. 3 Инструкции № 67 следует, что принцип добросовестности распространяет свое действие исключительно на стороны исполнительного производства. При этом стороны исполнительного производства в соответствии с принципом добросовестности обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им правами и исполнять обязанности [2]. В ст. 16 КГС другой подход, в рамках которого принцип добросовестности распространяется на всех участников гражданского судопроизводства [5].

Однако, как нам видится, принцип добросовестности в рамках исполнительного производства имеет более широкое значение. Обладая признаком универсальности (как и любой принцип права), принцип добросовестности должен распространяться и на других субъектов исполнительного производства, включая не только участников исполнительного

производства (субъектов, не наделенных властными полномочиями), но и субъектов, которые в рамках исполнительного производства наделены властными полномочиями (в первую очередь, судебных исполнителей). К примеру, судебный исполнитель, переводчик, понятой, специалист обязаны заявить самоотвод в случае, если у них имеется прямая или косвенная заинтересованность в исполнении требований исполнительного документа, а также в иных случаях, предусмотренных ст. 28 Закона «Об исполнительном производстве» [1]. Только при добросовестном исполнении данной обязанности можно вести речь о надлежащем уровне защиты прав должника и взыскателя.

Конечно же, главенствующая цель исполнительного производства – достигнуть реального исполнения требований исполнительного документа, ведь без этого теряется смысл правосудия и деятельности юрисдикционных органов. Но мы не достигаем данной цели любыми средствами и любым путем, а только лишь посредством обращения к юридически закрепленным механизмам при неукоснительном соблюдении прав должника и взыскателя. Механизм отвода в отношении определенных субъектов исполнительного производства, которым трудно быть объективными при выполнении своих обязанностей, является гарантией соблюдения рамок принудительного воздействия, законодательным заверением справедливого исполнения требований исполнительного производства, подтверждением того, что законодательство об исполнительном производстве развивается в контексте неукоснительной защиты и обеспечения реальной реализации прав сторон исполнительного производства.

В пользу того, что вышеотмеченная норма реализуется в контексте соблюдения принципа добросовестности, говорит близкая по содержанию норма, закрепленная в п. 6 Правил этики медиатора, утвержденных постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 января 2014 г. № 15, согласно которой принцип добросовестности рассматривается со стороны отсутствия у медиатора какой-либо заинтересованности в проведении медиации [7].

Примечательно, что в исполнительном производстве существует и механизм воздействия на судебного исполнителя, который нарушает принцип добросовестности, несмотря на то, что данный принцип, исходя из законодательного закрепления, на него не распространяется. Мы ведем речь о процедуре обжалования действий судебного исполнителя. К примеру, судебный исполнитель заинтересован в том, чтобы должник исполнил требования исполнительного документа в кратчайшие сроки, так как взыскатель является родственником супруги судебного исполнителя. В процессе описи и ареста имущества должника по месту жительства судебный исполнитель описывает даже экономически нецелесообразное к реализации имущество, отказывает в

назначении хранителем имущества должника, равно как и не удовлетворяет просьбу должника о самостоятельной реализации арестованного имущества под контролем судебного исполнителя. Иными словами, судебный исполнитель, изымая не только «ликвидное» имущество должника, но и, к примеру, плитусы, косметические средства, умывальники и другую сантехнику, создает непригодные для проживания условия. Здесь важно понимать, что судебный исполнитель прямо ничего не нарушает, но имеет место злоупотребление правом, так как, во-первых, понятно, что реализовать изъятое имущество будет затруднительно и даже невозможно, а во-вторых, сумма долга должника может быть настолько значительной, что он не сможет погасить его, чтобы снять арест с арестованного имущества.

Процедура обжалования в рассмотренной ситуации выступает действенным механизмом пресечения злоупотребления правом со стороны судебного исполнителя. Однако законодательство об исполнительном производстве не предусматривает механизма борьбы со злоупотреблениями правами не только со стороны судебного исполнителя, но и со стороны иных участников исполнительного производства.

Принцип добросовестности в узком понимании как раз-таки направлен на противодействие злоупотреблению правами в различных формах. Иными словами, должны пресекаться любые недобросовестные действия или бездействие даже в случае, если они совершаются в рамках правового поля и предоставленных законодательством об исполнительном производстве прав.

Таким образом, сегодня судебные исполнители наделены достаточно широкими правами для исполнения требований исполнительных документов. При открытом, честном и ответственном отношении судебного исполнителя к исполнению своих обязанностей и реализации установленных законом прав также реализуется принцип добросовестности.

Добросовестно исполнять свои обязанности должны и другие субъекты исполнительного производства. Однако предусмотренный ст. 10 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 440-З «О судебных исполнителях» [8] перечень обязанностей судебного исполнителя куда более скромный. Более того, в обязанностях судебного исполнителя мы не находим никакого упоминания о необходимости добросовестного исполнения своих обязанностей.

Аналогичные положения также отсутствуют в Федеральном законе Российской Федерации от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [9], Законе Республики Узбекистан от 29 августа 2001 г. № 258-II «Об исполнении судебных актов и актов иных органов» [10], Исполнительном кодексе Республики Молдова от 24 декабря 2004 г. № 443-XV [11].

В Законе Кыргызской Республики от 28 января 2017 г. № 15 «О статусе судебных исполнителей и об исполнительном производстве» прямо не указана обязанность судебных исполнителей добросовестно исполнять возложенные обязанности и использовать предоставленные права, однако косвенным образом подчинение судебных исполнителей принципу добросовестности исходит из анализа п. 3 ст. 6 названного закона, в котором отмечается, что при принесении присяги судебный исполнитель клянется добросовестно исполнять свои обязанности [12].

В данном аспекте более привлекательным, но не абсолютно совершенным видится казахский опыт. Так, в ч. 3 п. 1 ст. 148 Закона Республики Казахстан от 2 апреля 2010 г. № 261-IV «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» добросовестное выполнение профессиональных обязанностей прямо отмечено в перечне обязанностей частного судебного исполнителя, но данная обязанность не закреплена за государственными судебными исполнителями [13].

Таким образом, как нам видится, характеризуя сущность и предназначение исполнительного производства, принцип добросовестности в исполнительном производстве не только адресуется сторонам исполнительного производства, органам государственной власти и задает вектор осуществления нормотворческой деятельности, но и распространяется на всех субъектов исполнительного производства. Представляется, что для усиления действия принципа добросовестности он не только должен распространяться на всех субъектов исполнительного производства, но и получить дополнительное законодательное закрепление.

Литература

1. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 439-З (с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 26-З) // Доступ из инфор. правовой системы «іlex». – (Дата обращения: 11.10.2025).

2. Инструкция по исполнительному производству [Электронный ресурс]: утв. постановлением Мин-ва юстиции Респ. Беларусь от 7 апр. 2017 г. № 67 (с изм. и доп., внесенными постановлением Мин-ва юстиции Респ. Беларусь от 21 нояб. 2024 г. № 100) // Доступ из инфор. правовой системы «іlex». – (Дата обращения: 11.10.2025).

3. Демина, В. В. Принципы исполнительного производства и их практическое применение при пробелах в регулировании исполнительных

правоотношений // Юридический аналитический журнал. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 51-75.

4. Седова, Ж. И. Соотношение презумпций // Юридическая наука. – 2023. – № 4. – С. 32-35.

5. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 марта 2024 г. № 359-З: принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г.; одобрен Советом Респ. 19 февр. 2024 г. // Доступ из инфор. правовой системы «іlex». – (Дата обращения: 11.10.2025).

6. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.

7. Об утверждении Правил этики медиатора [Электронный ресурс]: постановление Мин-ва юстиции Респ. Беларусь от 17 янв. 2014 г. № 15 (с изм. и доп., внесенными постановлением Мин-ва юстиции Респ. Беларусь от 16 сент. 2024 г. № 67) // Доступ из инфор. правовой системы «іlex». – (Дата обращения: 11.10.2025).

8. О судебных исполнителях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 24 окт. 2016 г. № 440-З (с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 6 янв. 2021 г. № 90-З) // Доступ из инфор. правовой системы «іlex». – (Дата обращения: 11.10.2025).

9. Об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ (с изм. и доп., внесенными Федер. Законом Рос. Федерации от 31 июля 2025 г. № 331-ФЗ) // бондарева. – (Дата обращения: 11.10.2025).

10. Об исполнении судебных актов и актов иных органов [Электронный ресурс]: Закон Респ. Узбекистан от 29 авг. 2001 г. № 258-II (с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Узбекистан от 19 авг. 2025 г. № ЗРУ-1082) // Доступ из справ.-правовой системы «Юрист». – (Дата обращения: 11.10.2025).

11. Исполнительный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]: 24 дек. 2004 г. № 443-XV (с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Молдова от 13 марта 2025 г. № 35) // Доступ из справ.-правовой системы «Юрист». – (Дата обращения: 11.10.2025).

12. О статусе судебных исполнителей и об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: Закон Кыргызской Республики от 28 янв. 2017 г. № 15 (с изм. и доп., внесенными Законом Кыргызской Республики от 31 июля 2025 г. № 185) // Доступ из справ.-правовой системы «Юрист». – (Дата обращения: 11.10.2025).

13. Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей : Закон Респ. Казахстан от 2 апр. 2010 г. № 261-IV (с изм. и доп., внесенными

Законом Респ. Казахстан от 16 июля 2025 г. № 210-VIII) // Доступ из справ.-правовой системы «Юрист». – (Дата обращения: 11.10.2025).

Лифанова Лилия Геннадьевна,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Проблемы реализации прав граждан на этапе доследственной проверки

Уголовно-процессуальные отношения между гражданином и государством в лице должностных лиц правоохранительных органов начинаются с момента начала проверки сообщения о преступлении. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ процессуальными средствами доследственного производства являются возможность проведения отдельных следственных действий, дача поручений, направление запросов, получение объяснений и др.

Доследственная проверка не образует отдельную стадию уголовного судопроизводства, являясь составляющей стадии возбуждения уголовного дела, однако обладает всеми признаками, позволяющими высказать суждение о целесообразности рассмотрения ее как самостоятельного этапа уголовного процесса. Так, в процессе проверки сообщения о преступлении находят свое разрешение специфические задачи: анализируется наличие либо отсутствие основания для начала расследования; данный этап характеризуется определенным кругом участников с их правами и обязанностями; сроки проверки законодательно определены; завершается доследственное производство принятием итогового процессуального акта – постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении.

Практика показывает, что при осуществлении доследственной проверки часто возникают трудности в реализации прав граждан - как лица, в отношении которого проводится проверка, так и заявителя. Лицо, относительно которого проводится проверка, зачастую не получает полного спектра процессуальных гарантий, которые предусмотрены для подозреваемых или обвиняемых, так как формально его статус на этом этапе не определен. Это приводит к недостаточной защите его прав, включая ограниченный доступ к юридической помощи и возможности участия в процессуальных действиях.

Согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы, вправе

пользоваться услугами защитника. Данная норма не вполне соотносится с понятием защитника, регламентированным ч.1 ст. 49 УПК РФ, в которой акцентируется внимание на том, что защитник – это субъект, оказывающий юридическую помощь подозреваемому или обвиняемому. Иными словами, защитник начинает участвовать в уголовном процессе с момента возбуждения уголовного дела, привлечения лица в качестве обвиняемого или его фактического задержания. Во время доследственной проверки, когда уголовное дело еще не возбуждено и лицо не имеет статуса подозреваемого или обвиняемого, законодательство официально не признает за таким лицом статус, который предоставлял бы право на защитника.

В практике это создает юридическую неточность: лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, формально не имеет права на защитника в полном объеме, определенном для уголовного дела. Тем не менее с момента начала процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы, человеку должно быть обеспечено право на юридическую помощь, включая возможность воспользоваться услугами защитника. Отношения между этим лицом и защитником строятся на основе гражданско-правового договора (договора об оказании юридической помощи), так как уголовно-процессуальное законодательство еще не регулирует данные отношения.

Полномочия защитника на этапе доследственной проверки ограничены: защитник не участвует в официальных следственных действиях как процессуальный субъект, так как процессуальные права и обязанности защитника наступают с момента возбуждения уголовного дела или статуса подозреваемого/обвиняемого. Тем не менее защитник может консультировать, готовить правовую позицию и представлять интересы клиента вне рамок уголовного процесса.

Лицо, относительно которого проводится доследственная проверка, имеет ряд основных прав, несмотря на отсутствие официального статуса подозреваемого или обвиняемого на данном этапе. К таким правам относятся: право на получение информации о ходе и результатах проверки; право на защиту своих интересов, включая возможность пользоваться юридической помощью и консультациями; право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга или близких родственников; право на защиту личной жизни, чести, достоинства и имущества от незаконных посягательств; право обжаловать незаконные или неправомерные действия и решения должностных лиц, участвующих в доследственной проверке. Однако процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого и сопутствующие им расширенные права закрепляются законом только с момента официального возбуждения уголовного дела. Это создает

определенный правовой вакуум в период доследственной проверки, когда гарантия защиты прав лица ограничена.

Аналогичные вопросы возникают и по поводу заявителя. Лицо, понесшее вред от преступления, но не признанное потерпевшим, формально не имеет процессуального статуса потерпевшего до вынесения постановления следователем или судом о признании: такой статус не формируется решением, а лишь процессуально оформляется, исходя из реального положения лица в деле. Несмотря на отсутствие официального статуса, законодательство допускает участие данного лица в следственных и процессуальных действиях, а также предоставляет право на юридическую помощь адвоката. Комплекс прав заявителя практически тождественен правам лица, в отношении которого проводится проверка.

Таким образом, лицо, понесшее вред и не признанное потерпевшим, и лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка, при отсутствии официального процессуального статуса сохраняют право на квалифицированную юридическую помощь и имеют ограниченный комплекс процессуальных прав, направленных на защиту их интересов до возбуждения уголовного дела. Полномочия и процессуальный статус защитника в отношении таких лиц регулируются нормами, применимыми с момента начала уголовного дела, а на этапе доследственной проверки адвокат действует как представитель по договору и консультант.

Несмотря на существование норм, позволяющих привлекать защитников, практика показывает, что механизм защиты прав заявителя на данном этапе не вполне эффективен. Недостаточная регламентация полномочий адвокатов и отсутствие ясности относительно объема прав самих заявителей приводят к юридическим пробелам, осложняющим процесс соблюдения законности и справедливости в ходе доследственных мероприятий [1, с. 157-160].

Часть 4 ст. 148 УПК РФ гарантирует заявителям право получать копии постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и оспаривать такое решение. Тем не менее на практике нередки случаи, когда следователи либо дознаватели задерживают отправку копий решений или вообще отказываются их выдавать. Подобные нарушения значительно усложняют реализацию заявителем своего права на своевременное обращение с жалобой, лишая его возможности полноценно защищать свои интересы. Отсутствие точной информации о результатах проведенной проверки серьезно снижает шансы гражданина активно отстаивать свои права в рамках установленной процедуры.

Кроме того, законодательство не предусматривает право заявителя знакомиться с материалами доследственной проверки, что также ограничивает

возможность объективной оценки и обоснованного обжалования отказа в возбуждении уголовного дела. Это критично, так как эффективная защита и обжалование требуют знания перечня и результатов проведенных проверочных действий.

В этой связи важна позиция Конституционного Суда РФ, который отмечает, что должностные лица, проводящие следственную проверку, не вправе принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела без проведения всесторонних следственных и иных процессуальных действий, направленных на объективное установление обстоятельств дела и сбор доказательств. Это обязательное условие для вынесения обоснованного решения [2].

Таким образом, сложности с получением копий постановлений и отсутствием доступа к материалам проверок создают существенные барьеры для реализации права заявителя на правовую защиту и обжалование. Для повышения эффективности защиты прав заявителей необходимы улучшения в административной практике правоохранительных органов и возможные законодательные дополнения, направленные на обеспечение прозрачности следственной проверки и доступности информации для всех участников процесса [3, с. 401-406].

Кроме обозначенных ранее проблем, важно отметить недостатки существующей законодательной базы, регулирующей проведение следственных и процессуальных действий на стадии предварительной проверки. Выше отмечалось, что участники данного этапа, не имеющие самостоятельного процессуального статуса, фактически не несут никаких обязательств перед следствием. Отсюда следует вывод, что производство в отношении них экспертизы (с непосредственным участием), получение образцов для сравнительного исследования, следственного освидетельствования, дача объяснений возможны исключительно на добровольной основе. Их отказ не может повлечь каких-либо неблагоприятных последствий, как это, например, предусмотрено в отношении потерпевшего (ст. 308 УК РФ). Однако в определенных случаях результаты таких действий могут иметь важное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или отказе в его возбуждении.

В законе не дифференцирован порядок получения объяснений в отношении несовершеннолетних, в связи с чем на практике в одних случаях правоприменители применяют закон по аналогии с производством допроса, в других не придерживаются такого порядка.

Проблемы, обозначенные в данной статье, в той или иной степени становились предметом дискуссий в юридической литературе. Учеными

обоснованно указывается на необходимость совершенствования уголовно-процессуальных норм, касающихся доследственного производства. К сожалению, до настоящего времени этого не произошло, несмотря на то, что процессуальные возможности проведения проверки сообщения о преступлении были существенным образом изменены более десяти лет назад [4].

Представляется, что регламентация уголовно-процессуальных отношений на всех стадиях уголовного процесса, в том числе на этапе доследственного производства, должна быть четкой, понятной и исключать разность толкований. Единообразие правоприменительного процесса – залог неукоснительного соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, обеспечивающего достижение задач уголовно-процессуальной деятельности.

Литература

1. Башинская, И. Г. О правовом положении заявителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Общество и право. – 2014. – № 3(49). – С. 157-160.

2. По жалобе гражданина Суслова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 г. № 578-О // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 13.10.2025).

3. Лифанова, Л. Г. Реализация прав участников доследственного производства: нормативное регулирование и правоприменительная практика // Правовая культура в современном обществе [Электронный ресурс]: сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилевский институт МВД, 2020. – С. 401-406.

4. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 13.10.2025).

Малофей Олег Павлович,
профессор кафедры математического анализа, алгебры
и геометрии факультета математики и компьютерных наук
им. профессора Н.И. Червякова
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат технических наук, профессор

Малофей Александр Олегович,
начальник кафедры тактико-специальной подготовки
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат технических наук, доцент

Липчанский Дмитрий Сергеевич,
студент 4 курса
факультета математики и компьютерных наук
им. профессора Н.И. Червякова
Северо-Кавказского федерального университета

Анализ моделей распределения ошибок в цифровых каналах связи, используемых в системах видеомониторинга правоохранительных органов

Системы видеомониторинга занимают важное место в инфраструктуре обеспечения общественной безопасности и правопорядка. Они широко применяются в деятельности правоохранительных органов для оперативного наблюдения, фиксации правонарушений, распознавания лиц, идентификации транспортных средств и анализа поведения объектов в реальном времени. Эффективность таких систем напрямую зависит от качества и устойчивости передачи видеопотока от камеры к центрам наблюдения, часто территориально удаленным.

Передача данных в цифровом виде осуществляется по различным типам каналов связи: проводным, оптоволоконным, беспроводным, радиорелейным, а также мобильным сетям LTE и 5G. Однако в реальных условиях функционирования сеть подвержена воздействию шума, помех, интерференции, перегрузки и нестабильности полосы пропускания. Эти факторы вызывают ошибки передачи данных, которые могут приводить к потере кадров, появлению артефактов, задержкам, уменьшению детализации изображения и снижению точности автоматического анализа.

Особое значение проблема приобретает в условиях, когда видеоданные являются доказательственной базой. Ошибки в канале могут привести к искажению информации о событиях, невозможности идентификации лиц или

объектов, а значит, снизить эффективность оперативных мероприятий и юридическую состоятельность записей [1].

В простой модели предполагается, что каждая ошибка независима от других и появляется с вероятностью p . Это означает, что:

$$P(\text{ошибки в символе}) = p, \quad P(\text{правильной передачи}) = 1 - p$$

В условиях же передачи видеопотока по беспроводным, радиорелейным или мобильным каналам качество сигнала существенно варьируется во времени. Это приводит к тому, что ошибки имеют склонность образовывать группы (серии), возникая не поодиночке, а последовательными фрагментами. Такое явление называется корреляцией ошибок, а описывающая его модель носит название модели групповых (burst) ошибок [2].

Примером такой модели может выступать модель Гилберта – Эллиота.

Модель основана на марковской цепи, в которой канал может находиться в одном из двух состояний: Good (G) – вероятность ошибки мала, Bad (B) – вероятность ошибки высокая.

Канал может переходить из одного состояния в другое с определенной вероятностью. В каждом состоянии ошибка может возникнуть с собственной вероятностью: p_G – вероятность ошибки в хорошем состоянии (обычно мала, например, 10^{-6}), p_B – вероятность ошибки в плохом состоянии (обычно высокая, например, 10^{-2}) [3].

Пусть:

P_{GB} – вероятность перехода из G в B;

P_{BG} – вероятность перехода из B в G.

Эти переходы описываются марковской матрицей переходов:

$$P = \begin{bmatrix} 1 - P_{GB} & P_{GB} \\ P_{BG} & 1 - P_{BG} \end{bmatrix}$$

$p_G=10^{-6}$ – почти идеальный канал

$p_B=10^{-2}$ – в плохом состоянии, ошибки очень вероятны

$P_{GB}=0,001$ – канал редко портится

$P_{BG}=0,1$ – канал быстро восстанавливается

Практическое значение для видеомониторинга:

Особенность видеокодека	Последствие групповой ошибки
<i>Использование ключевых кадров (I-frame)</i>	<i>Повреждение I-кадра вызывает искажение последующих кадров</i>

<i>Межкадровое предсказание (P/B-frames)</i>	<i>Ошибка распространяется по цепочке рекомпрессии</i>
<i>Потери нескольких байт могут привести к сбою декодера</i>	<i>«Заморозка» или «размазывание» изображения</i>

Таблица 1. Влияние групповых (burst) ошибок на видеопоток и декодирование

Для систем видеомониторинга МВД, Росгвардии и других служб данные выводы имеют критическую важность по ряду причин:

- наличие серий ошибок может полностью разрушить фрагменты видеозаписи с ключевыми доказательствами;
- системы автоматического распознавания лиц и номеров чувствительны к потерям структурных пикселей, характерным при burst-искажениях;
- оценка параметров α , β , p_B позволяет прогнозировать состояние канала, что важно для оперативных задач (например, при трансляции видеосигнала с подвижного патрульного поста).

В некоторых случаях характер ошибок отличается: ошибки появляются редко, случайно и всплесками, когда канал в течение определенного времени работает нормально, а затем возникают кратковременные помехи. Для учета этих особенностей применяется более гибкий подход – модель Б.Е. Аксенова и А.М. Александрова [4], основанная на обобщенном пуассоновском потоке. Она позволяет задавать интервалы между ошибками как произвольную случайную величину с функцией распределения и тем самым точнее отражать структуру ошибок в реальных каналах связи.

Обобщенный пуассоновский поток определяется как пуассоновский поток, интервал которого Λ представляет собой случайную величину с функцией распределения

$$P\{\Lambda < \lambda\} = F(\lambda)$$

Вероятность появления ровно m ошибок на интервале времени $(0, t)$:

$$P\{m, (0, t)\} = \int_0^{\infty} \frac{(\lambda t)^m}{m!} e^{-\lambda t} dF(\lambda) \quad (1)$$

Если ввести производящую функцию:

$$\psi(t, z) = \sum_{m=0}^{\infty} P\{m, (0, t)\} z^m,$$

то с учетом (1) она равняется:

$$\psi(t, z) = \int_0^{\infty} e^{\lambda t(1-z)} dF(\lambda).$$

Для стационарного ординарного потока известно, что

$$P\{0, (0, t)\} = \beta \int_t^{\infty} \varphi(x) dx,$$

где β – параметр потока, численно равный математическому ожиданию числа событий потока, появившихся в единицу времени;

$\varphi(x)$ – функция распределения интервалов между событиями [4].

Частный случай: гиперболическое распределение интервалов:

$$\varphi(t) = \left[\frac{a}{(a+t)} \right]^v,$$

где a и v – некоторые характеристики потока.

В этом случае получим:

$$P\{m, (0, t)\} = \frac{[(v-1)v(v+1) \dots (v+m-2)]}{m!} \times \left(\frac{a}{a+t} \right)^{v-1} \left(\frac{t}{a+t} \right)^m.$$

Наконец, отметим, что $t = \frac{n}{V}$, где n – длина кодовой комбинации, а V – скорость модуляции. Поэтому можно написать:

$$\frac{a}{a+t} = \frac{a^*}{a^*+n},$$

где $a^* = aV$.

В этом случае получим следующие выражения:

$$P(m, n) = \frac{(v-1)v(v+1) \dots (v+m-2)}{m!} \times \left(\frac{a^*}{a^*+n} \right)^{v-1} \left(\frac{n}{a^*+n} \right)^m;$$

$$P(\geq m, n) = \sum_{i=m}^n \frac{(v-1)v(v+1) \dots (v+i-2)}{i!} \times \left(\frac{a^*}{a^*+n} \right)^{v-1} \left(\frac{n}{a^*+n} \right)^i$$

Обобщенный пуассоновский поток Аксенова – Александрова представляет собой один из наиболее точных и гибких методов описания ошибок связи в цифровых каналах, используемых в современных системах видеомониторинга. В отличие от моделей независимых или группово-коррелированных ошибок, данная модель учитывает распределение интервалов между ошибками, позволяя описывать реальные, сложные и неравномерные условия передачи данных [4].

Для видеосистем правоохранительных органов это особенно важно, поскольку потоки видеоданных чувствительны не только к частоте ошибок, но и к их структуре во времени: короткие «всплески» ошибок могут нарушать декодирование ключевых кадров, а длительные интервалы без ошибок – обеспечивать стабильную работу системы.

Использование обобщенного пуассоновского потока позволяет:

- моделировать реальные сценарии деградации канала связи;
- предсказывать вероятность больших пакетов ошибок и их влияние на видеопоток;
- оценивать надежность и устойчивость передачи данных в условиях помех и перегрузок;
- адаптировать параметры кодирования и коррекции под реальные характеристики канала.

Таким образом, эта модель становится важным инструментом для разработки, диагностики и оптимизации систем видеонаблюдения МВД и других правоохранительных структур, повышая достоверность распознавания и качество аналитической обработки видеоданных.

Проведенный анализ вероятностных моделей распределения ошибок в цифровых каналах связи систем видеомониторинга демонстрирует критическую зависимость между качеством передачи данных и эффективностью работы правоохранительных органов. Классические модели независимых и групповых ошибок, а также пуассоновская модель адекватно описывают различные сценарии искажений, характерные для современных беспроводных и мобильных каналов связи.

Установлено, что групповые ошибки оказывают наиболее разрушительное воздействие на видеопоток, вызывая каскадные искажения при использовании современных видеокодеков с межкадровым сжатием. Это приводит не только к ухудшению визуального качества, но и к существенному снижению точности автоматического распознавания лиц и объектов, что ставит под угрозу оперативную деятельность и доказательную ценность видеоматериалов.

Для обеспечения надежности систем видеомониторинга необходимо комплексное применение:

- адаптивных методов коррекции ошибок;

- систем мониторинга качества каналов в реальном времени;
- оптимизации параметров передачи данных.

Полученные результаты создают основу для проектирования устойчивых систем видеонаблюдения, способных функционировать в условиях сетевых помех и перегрузок. Перспективным направлением дальнейших исследований является интеграция методов искусственного интеллекта для прогнозирования и компенсации ошибок передачи видеоданных.

Литература

1. Литвинская, О.С., Чернышев Н.И. Основы теории передачи информации: учеб. пособие. – Пенза: ПГТА, 2012. – 130 с.
2. Журавлев, В. Г., Куранова, Н. Ю., Есеева, Ю. Ю. Помехоустойчивые коды. – Владимир: ВлГУ, 2013. – 97 с.
3. Высокопроизводительные вычисления для решения прикладных задач: сборник материалов XII (69-й) ежегодной научно-практической конференции студентов, преподавателей и молодых ученых Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону». – Ставрополь: изд-во «Ставрополь-Сервис-Школа», 2025. – 404 с.
4. Аксенов, Б. Е., Александров, А. М. Об одном методе исследования потоков ошибок в каналах связи // Проблемы передачи информации. – 1968. – Т. 4. – С. 79–83.
5. Золотарев, В. В., Овечкин, Г. В. Помехоустойчивое кодирование. Методы и алгоритмы: справочник. – Москва: Горячая линия – Телеком, 2004. – 126 с.
6. Игнатов, В. А. Теория информации и передачи сигналов: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Радио и связь, 1991. – 280 с.

Малофей Олег Павлович,
профессор кафедры математического анализа,
алгебры и геометрии факультета математики
и компьютерных наук им. профессора Н.И. Червякова
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат технических наук, профессор

Малофей Александр Олегович,
начальник кафедры тактико-специальной подготовки
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат технических наук, доцент

Сластёнов Андрей Сергеевич,
студент 4 курса
факультета математики и компьютерных наук
им. профессора Н.И. Червякова
Северо-Кавказского федерального университета

Рекомендации по использованию искусственного интеллекта в системах видеомониторинга для нужд правоохранительных органов

С развитием систем искусственного интеллекта и машинного обучения современные методы видеомониторинга за последние годы превращаются из системы пассивной записи в интеллектуальные комплексы в быстро растущей инфраструктуре общественной безопасности, направленные на задачи распознавания различных объектов, оружия, отслеживания потенциально опасных ситуаций и прогнозирования инцидентов. Современные исследования показывают, что значительная часть разработок в области компьютерного зрения прямо или косвенно ориентирована на задачи наблюдения и контроля в публичных пространствах [1].

Такое развитие расширяет оперативные возможности правоохранительных органов, одновременно возрастают и риски, связанные с использованием ИИ-видеомониторинга. Международные обзоры и эмпирические исследования указывают на вероятность систематических ошибок и смещений (bias) в алгоритмах распознавания, различия в точности для разных демографических групп, а также на опасность превращения таких систем в инструмент массового наблюдения, непропорционального вмешательства в частную жизнь и дискриминационного контроля отдельных сообществ [2].

Целью научной работы ставится формулировка практических рекомендаций для органов правопорядка по внедрению и эксплуатации ИИ-видеомониторинга, опираясь на современные технологические тренды, международный опыт использования ИИ в полиции и актуальные научно-правовые дискуссии.

В текущих реалиях ключевыми компонентами интеллектуальных систем видеомониторинга являются детекция объектов, многокамерный трекинг и классификация действий, которые продемонстрировали значительный рост точности за счет внедрения глубоких нейронных сетей и методов transfer learning [3].

В типичных архитектурах можно выделить ряд групп методов, которые получили наибольшее распространение. Детекция объектов (object detection) — наиболее распространенные семейства моделей YOLO, Faster R-CNN и их производные, которые применяются для выделения на кадре людей, транспортных средств, предметов, потенциально опасных объектов и т.п. [4]. Многократный трекинг (multi-object tracking) – метод, где на основе комбинации детекторов и алгоритмов ассоциации обеспечивается поддержание идентичности объектов при переходе между кадрами и камерами, а также реконструкция их траекторий. Классификация действий и поведения, которая направлена на обнаружение аномальных или подозрительных действий, например фиксировать борьбу, бегство, оставление предметов, нарушения периметра и других событийных паттернов [5].

Крупные мегаполисы (Лондон, Нью-Йорк, Москва, Сингапур), как и города поменьше, на сегодняшний день уже используют ИИ в задачах видеомониторинга с целью улучшения безопасности и предотвращения различных инцидентов.

В частности, в Москве тестируется система Luna Scanner на базе самообучающихся нейросетей, способная в режиме реального времени распознавать драки, огнестрельное оружие и возгорания на видеопотоке городских камер. При обнаружении потенциально опасной ситуации система автоматически формирует оповещение для службы безопасности объекта, а в перспективе планируется расширение функциональности до детекции оставленных предметов, лежащих людей и признаков паники в толпе. По данным МВД, даже до массового внедрения таких ИИ-модулей существующая сеть камер уже используется для раскрытия преступлений и установления лиц, находящихся в розыске, в том числе в формате ретроспективного анализа архивных записей [6].

Отдельным направлением становится использование ИИ-видеомониторинга не только для борьбы с преступностью, но и для

профилактики техногенных и бытовых рисков. Так, в Московской области планируется подключение нейросетевых алгоритмов к системе «Безопасный регион» для автоматического выявления снега и наледи на крышах и балконах жилых домов: камеры фиксируют состояние фасадов, изображения автоматически анализируются, а при обнаружении скоплений снега или льда информация передается профильным специалистам и управляющим организациям для оперативного устранения нарушений. По сообщениям региональных властей, мониторинг охватывает более тысячи камер и территорию свыше 21 тысячи многоквартирных домов [7].

Такие примеры показывают позитивные эффекты в ускорении или в теории в пресечении противоправных действий и различных инцидентов за счет улучшения ситуационной осведомленности, потенциально более рационального распределения патрульных ресурсов на основе анализа «горячих зон» предполагаемой или выявленной преступности.

Одновременно с этим с внедрением новых технологий также фиксируются проблемы, как, например, ложные срабатывания и ошибки идентификации. Показательным примером последствий ложного срабатывания ИИ-системы стала ситуация в одной из зарубежных школ, когда алгоритм автоматического анализа изображений, предназначенный для обнаружения оружия, ошибочно классифицировал пакет чипсов в руках учащегося как огнестрельное оружие. Сработавший тревожный сигнал привел к вооруженному реагированию полиции и сил безопасности, а впоследствии выяснилось, что угрозы не было [8].

Алгоритмическая предвзятость (bias) остается одним из наиболее обсуждаемых и эмпирически подтвержденных рисков. Исследования демонстрируют различия в показателях точности по полу, возрасту, этнической принадлежности и другим признакам [9]. Для правоохранительной практики критичен именно уровень ложных срабатываний (false positives), которые ведут к ложным совпадениям по лицу или номеру, ошибочной маркировке человека как «подозрительного», что может привести к незаконным задержаниям, снижению доверия общества к правоохранительным органам и используемым технологиям.

Полевые эксперименты показывают, что показатели точности, достигнутые на стандартных бенчмарках, нередко существенно снижаются при работе в реальных условиях (изменчивое освещение, дождь/снег, высокая плотность толпы, закрытие лица головными уборами и масками, частичные перекрытия). Вместе с техническими проблемами само по себе развертывание массовых ИИ-систем видеомониторинга и анализа ставит вопросы соразмерности вмешательства в частную жизнь, поднимает вопросы

прозрачности алгоритмов и возможности оспаривания решений, основанных на их выводах.

Предлагаемые рекомендации сгруппированы по трем основным направлениям: техническому, организационному и правовому, что позволяет согласовать требования к качеству алгоритмов, структуре управления и нормативному регулированию.

С технической точки зрения целесообразно устанавливать минимальные пороги точности для ключевых задач вроде распознавания лиц, регистрационных знаков, обнаружения тревожных событий, а также проверять достижения этих порогов на локальных полевых данных, а не только на классических тестовых выборках. Вместе с этим рекомендуется проводить регулярный аудит и тестирование моделей во внешних и внутренних тестах, включая оценку устойчивости к типичным для конкретного региона условиям эксплуатации и особенностям. Критические решения (задержание, применение силы, начало оперативных мероприятий) должны оставаться в компетенции человека: системы ИИ в этом контексте выступают как инструмент поддержки, а все их подсказки и рекомендации подлежат журналированию с возможностью последующего анализа.

Организационный уровень предполагает закрепление в стандартных операционных процедурах порядка настройки, эксплуатации и обновления моделей, а также алгоритмов реагирования на инциденты, включая ложные срабатывания, технические сбои и нарушения безопасности. Для обеспечения доверия и подотчетности целесообразно создание механизма независимого контроля (консультативного или надзорного органа) с участием внешних экспертов и представителей гражданского общества, а также регулярная публикация агрегированных отчетов о масштабах использования систем, доле ошибочных срабатываний, случаях вмешательства на основе ИИ и принятых мерах по их исправлению.

На правовом уровне необходимо обеспечить ясную нормативную базу, которая определяет цели и правовые основания сбора, обработки и хранения видеоданных, устанавливает сроки их хранения и перечень уполномоченных субъектов. Дополнительно важным является обеспечение прозрачности практик: информирование населения о факте и общих принципах применения ИИ-видеомониторинга в публичных пространствах, а также доступность информации о результатах независимых аудитов и механизмах подачи жалоб. Для отдельных высокорискованных режимов правовое регулирование может включать точечные ограничения, прямые запреты либо временные моратории на использование соответствующих технологий до завершения оценки рисков и публичного обсуждения.

В заключение следует отметить, что системы ИИ-видеомониторинга представляют собой важный ресурс повышения эффективности правоохранительной деятельности, но их потенциал не может быть реализован вне жестких технических, организационных и правовых рамок.

Литература

1. Kalluri P.R. Computer-vision research powers surveillance technology. Nature, 2025. – URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-025-08972-6>.
2. Simmler M. Facial recognition technology in law enforcement. Computer Law & Security Review, 2025. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0267364924001572>.
3. Gong P. A Survey of Video Action Recognition Based on Deep Learning (2025). – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0950705125006409>.
4. A Survey of Object Detection and Classification in Video Surveillance Using Deep Learning (2025). – URL: <https://iiardjournals.org/get/IJCSMT/VOL.%2011%20NO.%209%202025/A%20Survey%20of%20Object%20Detection%2022-38.pdf>.
5. A Survey on Video Anomaly Detection via Deep Learning: Human, Vehicle, and Environment, Ghazal Alinezhad Noghre, Armin Danesh Pazho, Hamed Tabkhi, Electrical and Computer Engineering Department, UNC Charlotte (galinezh, adaneshp, htabkhiv@charlotte.edu). – URL: <https://arxiv.org/html/2508.14203v1>.
6. В Москве тестируют систему, распознающую пожары и оружие // РИА Новости. 05.07.2025. – URL: <https://ria.ru/20250705/bezopasnost-2027390463.html>. – (Дата обращения: 07.10.2025).
7. Камеры с ИИ возьмут на контроль состояние крыш и балконов в Подмосковье // РИА Новости. 07.11.2025. – URL: <https://ria.ru/20251107/sneg-2053531633.html>. – (Дата обращения: 07.10.2025).
8. Police rush schoolboy after scanning system confused bag of crisps with a gun, Molly Lee, Published October 23, 2025. – URL: <https://metro.co.uk/2025/10/23/massive-armed-police-response-ai-mistakes-bag-doritos-a-gun-24506986/>.
9. NIST FRVT Part 3: Demographic Effects in Face Recognition (NIST IR 8280). – URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2019/nist.ir.8280.pdf>.

Масалов Александр Григорьевич,
профессор кафедры конституционного
и гражданского права Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Конституционные основы деятельности полиции по обеспечению прав человека и гражданина: региональный аспект

Несмотря на активное использование в юриспруденции и социальной практике термина «права человека», содержание обозначаемого им феномена остается дискуссионным, вследствие чего требуется объяснение его трактовки автором.

В широком смысле под правами человека понимаются принятые обществом правила поведения людей, государств и иных общественных объединений, посредством которых регламентируется и обеспечивается защита чести, достоинства и свобод каждого отдельного человека. Конкретные формы и содержание этих правил различаются в разных государствах. Но для большинства из них в качестве эталона служат общепризнанные формулировки определений прав и свобод человека, изложенные во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. [1]. Но ни для одного государства они не стали юридическими документами, включенными в национальное законодательство. В России признание некоторых принципов Всеобщей декларации было оформлено только в 1991 году постановлением Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» [2].

В пятидесяти семи государствах, входящих в ОБСЕ, вопросы соблюдения изложенных во Всеобщей декларации принципов обеспечения прав и свобод человека относятся к международным нормам, контролируемым органами ОБСЕ.

Статьей 2 Конституции РФ провозглашено законодательное признание человека, его прав и свобод высшей ценностью государства, а его обязанностью – соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина [3].

В части 1 статьи 15 и статье 18 Конституции закреплён принцип прямого и непосредственного действия ее норм применительно к правам и свободам человека и гражданина.

Установленные Конституцией Российской Федерации обязательства государства создавать предпосылки и факторы, необходимые для реализации прав и свобод человека и гражданина России, обозначаются термином «конституционные гарантии».

В связи с большим разнообразием видов человеческой деятельности конституционные основы функционирования государства в совокупности образуют многоотраслевую систему обязательств органов публичной власти Российской Федерации по обеспечению прав и свобод человека, которые имеют политико-правовой, социально-экономический и духовный характер. По этой причине возникает потребность в специальной «отраслевой» дифференциации и специализации органов власти и общественных объединений, созданных для реализации, охраны и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в целом или в конкретных сферах жизнедеятельности.

Правовыми основаниями конституционных гарантий служат оформленные законами и иными правовыми актами средства, приемы и способы обеспечения реализации прав и свобод человека и гражданина уполномоченными органами государства и (или) правозащитными общественными объединениями. Конституционно-правовые основы их деятельности создают Конституция РФ, законы и другие юридические документы, регламентирующие права всех людей независимо от их личностных качеств, наличия или отсутствия гражданства России. Такие документы могут иметь общий объективный характер, ибо согласно части 1 статьи 45 Конституции РФ распространяются на все случаи, требующие защиты значительной части прав и свобод человека и гражданина России.

Помимо них можно выделить специальные и субъективные конституционные основы, относящиеся к возможным обстоятельствам деятельности государственных органов, реализующих делегированные им некоторые правоохранительные функции государства. Это замечание в полной мере относится к деятельности государственных органов, реализующих нормы, изложенные в части 3 статьи 55 Конституции РФ, устанавливающие порядок ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Однако согласно части 3 ст. 56 Конституции РФ «не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46-54 Конституции Российской Федерации» [3].

Конституционно-правовые основы правоохранительной деятельности государственных органов по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина в России созданы нормами, изложенными в статьях 45, 46, 53, 55, 56, 60, 61 Конституции РФ. Они включены в Конституцию в связи с их соответствием общепризнанным принципам и нормам международного

права, а также неотчуждаемым естественным правам человека. В указанных статьях содержится описание обязанностей государства по созданию возможностей для реализации каждым человеком его прав и свобод независимо от места его пребывания.

При этом обнаруживаются противоречия между либеральными трактовками принципов государственной регламентации соотношения прав и свобод людей, имеющих потребности в получении единых предметов удовлетворения их запросов. Принцип решения указанной юридической коллизии изложен в части 3 статьи 17 Конституции РФ, сообщающей о том, что при осуществлении прав и свобод человека и гражданина не должны нарушаться права и свободы других лиц [3].

Но Конституция не содержит указаний на конкретные ограничения поведения людей, при которых достигается та самая мера, когда один человек или группа людей должны прекратить реализацию собственных прав и свобод при их уступке предмета удовлетворения своих потребностей другим людям. Социальной практикой также не выработаны общепринятые прецеденты однозначного решения вопроса о доминирующих причинах прекращения претензий людей на конкретный предмет, ставший поводом межличностного или личностно-группового спора об односторонних или взаимных уступках оспариваемых правомочий. Поэтому, очевидно, общество делегировало государству функции определения пределов допустимого в обществе конфликтного поведения людей при удовлетворении их интересов посредством предметов, на которые одновременно претендуют несколько субъектов общественных отношений. Вследствие этого общие или наиболее часто встречающиеся в социальной практике принципы определения пределов свобод и правомочий определяются законами, предусматривающими возможность реализации прав и свобод человека не только посредством создания условий для разрешенных законодательством видов деятельности, но и в ограничении прав обладания, пользования ими, а также в защите, восстановлении прав, нарушенных публичными органами власти, общественными объединениями или отдельными лицами.

В структуре политической системы Российской Федерации выделяется совокупность государственных, муниципальных и общественных органов и организаций, выполняющих делегированные им государством некоторые его функции, обеспечивающие защиту конституционных прав человека и гражданина в нашей стране посредством применения юридических мер воздействия, предусмотренных российским законодательством, согласно которому только государственные органы уполномочены обществом применять

меры принуждения в отношении всех граждан, иностранцев и лиц без гражданства, находящихся на территории страны. Структура правоохранительных органов государства сложно организована. В ней выделяется полиция, главным предназначением которой, согласно пункту 1 статьи 1 Федерального закона РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон), является защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности. Обязанности полиции по обеспечению прав и свобод человека и гражданина сформулированы в статье 5 Федерального закона, озаглавленной «Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина» [4].

В пункте 1 статьи 1 Федерального закона также содержится один из основополагающих принципов деятельности полиции – осуществление ее деятельности на основе соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина [4].

Особое юридическое значение Федеральному закону придает пункт 2 указанной статьи, который требует от сотрудников полиции незамедлительного прекращения принимаемых мер, ограничивающих права и свободы граждан, при достижении законной цели таких ограничений или выяснении невозможности достижения этой цели посредством ограничения прав и свобод граждан. Эта норма Федерального закона направлена на создание предпосылок неукоснительного соблюдения полицией конституционных гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина в нашей стране.

В последующих пунктах статьи Федерального закона указывается на допускаемые в соответствии с законодательством ограничения действий полицейских в отношениях с гражданами: «Сотруднику полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Сотрудник полиции обязан пресекать действия, которыми гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание».

Пункт 6 статьи 5 Федерального закона содержит запрет на действия полиции, порождающие незаконное предоставление другим лицам сведений о частной жизни граждан и препятствующие ознакомлению граждан с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы [4].

Аналогичные нормативные положения включены в документы, регламентирующие деятельность всех государственных правоохранительных

органов РФ, которые в пределах их полномочий, определенных федеральным законодательством, реализуют гарантии содействия гражданам в реализации и защите их конституционных прав и свобод.

Вместе с тем в культуре народов, проживающих в северокавказском регионе, традиционно вырабатываются нормы взаимодействия, регламентируемые высшими органами народного самоуправления и поддерживаемые всеми институтами гражданского общества. Поэтому органы государственной власти, уполномоченные государством обеспечивать права и свободы граждан России, обязаны сотрудничать с институтами гражданского общества, поддерживающими традиции сохранения в обществе таких норм общественных отношений, которые определяют и охраняют принципы общественных отношений, способных справедливо разрешать социальные конфликты с учетом различных интересов конфликтующих сторон.

Таким образом, в России созданы конституционные основы для организации и эффективной деятельности органов публичной власти по обеспечению гарантий соблюдения, охраны, защиты и восстановления прав и свобод человека и гражданина.

Гарантированные Конституцией РФ и другими нормативно-правовыми актами Российской Федерации общественно значимые государственные функции, связанные с защитой прав и свобод человека и гражданина, выполняют правоохранительные органы, среди которых выделяется полиция.

При разработке и реализации полицией правоохранительных мероприятий, направленных на обеспечение наиболее полного удовлетворения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации, должны учитываться национальные традиции мирного решения межличностных и межгрупповых противоречий методами народной дипломатии посредством взаимных уступок и компромиссов.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 15.10.2025).

2. О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление Верховного Совета РСФСР от 22.11.1991 г. № 1920-1 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 15.10.2025).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 15.10.2025).

4. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 15.10.2025).

Миронова Евгения Николаевна,
старший преподаватель кафедры
социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат философских наук

Этические проблемы в современных реалиях

Первая четверть двадцать первого столетия принесла человечеству нестабильность социальных, правовых, экономических, государственных и культурных отношений, обусловленную кризисными явлениями в этих сферах. Формирование различных противоречий можно рассматривать как результат глобальных изменений: во-первых, геополитического положения некоторых стран и содружеств, военных конфликтов. Во-вторых, активные и многочисленные миграционные потоки по направлению восток-запад и сопряженные с ними процессы. В-третьих, мощный рывок в естественных науках, а также в области информатики и компьютерных технологий создал предпосылки для формирования нового витка цивилизационного развития во всех сферах жизнедеятельности человека. Именно научные информационные достижения запустили механизм изменения социальной среды, стали основой для формирования нового типа восприятия действительности, стерли различного рода границы (языковые, культурные и т.д.), расширили пространство для любых форм бизнеса и коммуникаций. Регулятивные основания в человеческих отношениях на уровнях особенного, единичного, общего и всеобщего также стали другими.

В связи с указанными фактами становятся актуальными вопросы: «Что сегодня является основным критерием и ориентиром для общества и человека? Что включает в себя сегодня мораль и нужна ли она вообще? Какими должны быть границы допустимости в деятельности и социальных отношениях?» Обозначенные направления – лишь часть проблем, с которыми столкнулась современная этика. Рассмотрим некоторые из них.

По нашему мнению, одной из основополагающих проблем выступает смещение приоритетов в самой этике как науке. Сегодня наблюдается активное развитие прикладной этики, обусловленное появлением новых профессий и направлений человеческой деятельности. При этом принципы и нормы профессиональной и фундаментальной этики вступают в противоречие между собой. Это касается многих специальностей, даже таких архаичных, как врач и учитель. Например, новое видение толерантности и идентичности в условиях современных представлений о мультикультурализме. Эта проблема может быть сформулирована следующим образом: «Допустима ли смена пола, в том числе и у ребенка? Этичность участия учителя и врача в этом процессе». Американский философ А. Макинтайр утверждает, что «современные этические теории и принципы в обществе скорее просто используются для того, чтобы оправдывать решения, которые принимаются по другим, т.е. не поэтическим, а по сугубо практическим соображениям» [1, с. 33]. Естественно, возникает вопрос: «Зачем здорового человека одного пола превращать в бесплодную особь другого пола?»

Теоретическая этика в виде моральных норм всегда, в любые исторические периоды стояла на страже жизни на уровне популяций. В нынешних условиях эта установка подвергается сомнению вплоть до отказа от нее, по крайней мере в отношении человека. Здесь наблюдается сильнейшее противоречие, которое выступает еще одной проблемой, а именно подмена понятий. На вышеуказанном примере мы видим, что продолжение рода человека под вопросом, и здесь же множество правовых актов, направленных на сохранение животного мира и планеты в целом, различные экологические движения, борющиеся за чистую энергию и т.д. При этом угроза исчезновения человека как биологического вида подменяется такой ценностью, как свобода выбора и справедливость. Здесь мы наблюдаем очевидную ложь и манипуляцию сознанием человека, но для чего?

На современном этапе исторического развития в этике в очередной раз происходит реструктуризация иерархии ценностей. Например, сегодня удовольствие выступает основным критерием разумности по формуле: нравится мне – значит, это правильно для всех. Однако уместным ли здесь выступает процесс интроспекции? Самонаблюдение всегда служило основанием для эмпирического познания, но уместен ли этот метод в этическом процессе и насколько его результаты точны применительно к смысловому содержанию ценностей духовных, социальных и т.д.? «Г. Сиджвик в свое время сформулировал известный утилитарный принцип, согласно которому благо должно включать представление о последствиях и последствия должны быть таковыми, чтобы не вызвали желания минимизировать блага» [3, с. 133]. В современном мире данное утверждение воспринимается в совершенно ином свете. Произошла очередная корректировка смыслового содержания понятия

«благо», в связи с чем приемы, способы и принципы, обуславливающие его достижение, также видоизменились.

В настоящее время благо стало использоваться как синоним материального благополучия или пути его достижения. Иными словами, предмет изучения – мораль – в современной этике, по сути, сужается до гедонистического начала, что само по себе уже представляется опасным. Каждое столетие вносит свое понимание морали и аморальности, век двадцать первый не стал исключением. Отличительной чертой нашего времени, пожалуй, можно считать некоторые новые аспекты в понятии морали.

Например, мораль отличается не только по иерархии ценностей в различных социальных группах, но и по качественному содержанию самих этих ценностей. Такая гуманистическая ценность, как толерантность, теперь представляется как принятие заведомо греховного, запрещенного во многих религиях, культурах и правовых основаниях многих государств – однополых сексуальных отношений, приводящих к заключению гомосексуального брака. Еще одна особенность современной морали – отказ от универсальных нравственных императивов. В современной реальности этическая цензура и регулирование осуществляются специально созданными социально-этическими институтами, этическими комитетами и т.д. «В этом смысле деятельность авторитетных лиц, которым доверено выносить определенные нравственные суждения, смыкается с деятельностью администраторов как по форме принятия решений, так и в смысле непосредственного контакта с различными звеньями управления государственным предприятием, бизнес-структурой, учебным заведением и т.д.» [2].

Следующей особенностью современной морали выступает представление о жизни и способах, ее регулирующих, ее смысле, смерти, душе и духовном. Если жизнь бrenна, а вопрос души по-прежнему остается нерешенным, то и духовным становится удовольствие, не только вызванное искусством и верой, но и обыденностью в виде еды, одежды и т.д. Иными словами, смысл моральных ценностей также изменен. Возьмем вопрос о необходимости защиты своего Отечества. Для каждого нормального, нравственного человека преданность Родине всегда была одной из основных добродетелей, тогда как в современном мире факт рождения в данной стране, в данном регионе вполне может считаться событием случайным, не имеющим с патриотизмом ничего общего.

Таким образом, рассмотрение даже некоторых аспектов в содержании смыслов морали показывает, что процесс формирования представлений о должном и правильном часто вступает в противоречие в своем глубинном содержании, что, собственно, и порождает сами этические проблемы. Это стало возможным в ситуациях, где человеку или обществу необходимо сделать выбор

между двумя или более вариантами, при этом каждый из них нарушает какой-то принцип, и нет очевидно правильного решения. Человечество не может находиться долго в состоянии неопределенности, в результате делается выбор, а затем он обосновывается новым подходом или принципом. Например: противоречия между нормами и реальностью реализуются через несовпадение идеальных представлений о поведении и фактического его воплощения; этические дилеммы решаются через предпочтительный принцип, так как выполнить все одновременно невозможно, и т.д.

Этические проблемы современности включают в себя вопросы, связанные с глобализацией и расширением публичной морали, что приводит к столкновению ценностей между нациями и группами людей. Также актуальны проблемы, возникающие из-за развития технологий, такие как информационная этика, биоэтика и этика искусственного интеллекта. В результате к ключевым этическим проблемам можно отнести:

- во-первых, глобализацию и межкультурные отношения: взаимодействие между различными культурами и нациями порождает новые этические вызовы, связанные с культурными различиями, миграцией и глобальными социальными проблемами;

- во-вторых, развитие технологий и биотехнологии: информационная этика: проблемы, связанные с конфиденциальностью данных, кибербезопасностью и распространением дезинформации; биоэтика: вопросы, возникающие из-за генной инженерии, клонирования, и этики медицинского вмешательства; этика искусственного интеллекта: определение ответственности за действия ИИ, проблема предвзятости в алгоритмах и этические аспекты автономных систем.

Современные этические проблемы включают биоэтику (генная инженерия, эвтаназия), экологическую этику (воздействие человека на природу), а также проблемы, связанные с технологиями (манипуляция сознанием, коммерциализация), и традиционные вопросы, такие как поиск смысла жизни и определение добра и зла.

Процесс принятия решений в современную эпоху существенно усложнился на фоне бурного развития технологий, политики двойных стандартов и событий, происходящих на международной арене. Совокупность этих факторов задает новые условия формирования и развития этики, отвечающей духу времени.

Литература

1. Макинтайр, А. После добродетели: Исследования теории морали. – Москва: Канон-Плюс, 2022. – 368 с.
2. Артемьева, О. В. Генри Сиджвик о высшем благе // Этическая мысль. – 2003. – № 4. – С. 121-144.
3. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – Москва: Терра-Книжный клуб, 2009. – 576 с.

Михайлова Елена Владимировна,
заместитель начальника кафедры криминологии
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Факторы детерминации преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (региональный аспект)

Незаконный оборот оружия и преступления, связанные с ним, выступают факторами, оказывающими существенное влияние на состояние преступности в стране. О высокой опасности рассматриваемой категории преступлений, подрывающих общественный порядок и общественную безопасность, свидетельствует их связь с иными преступными посягательствами, для которых незаконный оборот оружия является «питательной почвой». Особую актуальность вопросы незаконного оборота оружия приобретают в последние годы в связи с проведением Россией специальной военной операции на Украине, что уже проявляется в росте числа преступлений в приграничных областях.

Анализ статистических данных, характеризующих количество преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия в Российской Федерации за период с 2020 по 2024 год позволяет сделать вывод об их снижении. Так, в 2020 году было зарегистрировано 26557 преступлений, в 2021 – 24792, в 2022 – 23507, в 2023 – 19371, в 2024 – 18567 преступлений [1]. Обозначенная тенденция сохраняется и в 2025 году: с января по август зарегистрировано 11384 преступления (-14,3%). Удельный вес преступлений в сфере незаконного оборота оружия в общем объеме зарегистрированных преступлений в России является невысоким и не превышает 1,2% за исследуемый период.

Отметим, что представленные статистические данные не в полной мере отражают реальную ситуацию в сфере незаконного оборота оружия в России. Снижение количественных показателей указывает на высокую латентность

криминального рынка оружия, поскольку данный вид преступной деятельности является одним из самых крупных и доходных сегментов преступного бизнеса.

Преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, обусловлены комплексом взаимосвязанных факторов, которые можно разделить на несколько ключевых категорий.

Внешняя политика государства, включая участие в военных действиях, становится обстоятельством, способствующим активизации процессов, связанных с незаконным оборотом оружия. Во время вооруженных конфликтов значительно увеличивается спрос на оружие и боеприпасы, что стимулирует как внутренние, так и международные источники. Нелегальные поставки оружия становятся средством финансирования военных действий, поддержки противоборствующих группировок и способом обогащения для организованных преступных групп. Кроме того, в условиях неустойчивой политической ситуации, когда контроль над оружием и его распространением ослабляется, возрастает риск его попадания в руки террористов и преступников. За последние годы поменялись основные каналы, по которым оружие попадает в Россию: если раньше значительная доля поставок проходила через Северный Кавказ, то начиная с 2014 года наблюдается рост контрабанды боеприпасов из Украины [2, с. 43]. Этот процесс сопровождается нарастающей международной напряженностью и неопределенностью, порождающей повышенный спрос на оружие среди гражданского населения. В приграничных регионах, где забота о безопасности становится актуальнее всего, оружие воспринимается как средство защиты. При этом оружие, приобретаемое населением в целях обороны, начинает использоваться в бытовых конфликтах. Так, в 2024 году наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Белгородской (491), Брянской (324), Курской (261) областях, что обусловлено их близостью к зоне проведения специальной военной операции.

Сложная политическая обстановка, экономические санкции, используемые иностранными государствами как инструмент внешнеполитического давления, привели к негативным изменениям в экономике страны. Снижение уровня жизни, отсутствие достойного материального вознаграждения за труд, недостатки в социальной политике государства, имущественное расслоение общества становятся причиной совершения преступлений в сфере незаконного оборота оружия. Незаконный оборот оружия – это нелегальный бизнес и источник высокой прибыли, что является привлекательным как для участников организованных преступных групп, так и для отдельных лиц. Данный факт подтверждается статистическими данными: в структуре преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, традиционно преобладают преступления, предусмотренные ст. 222 УК РФ, – незаконные приобретение,

передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов (2024 год – 10281, 55%), ст. 223 УК РФ – незаконное изготовление оружия (2024 год – 3325, 18%).

Кроме того, общая неудовлетворенность уровнем жизни, тревога и неуверенность в завтрашнем дне выступают катализатором социальных конфликтов, зачастую перерастающих в насильственные преступления с применением оружия. При этом преступники часто пытаются найти оправдание своим действиям, указывая на тяжелое материальное положение и непростые жизненные обстоятельства. Такое поведение является отражением более глубоких социокультурных и экономических проблем, которые существуют в обществе. Так, в отличие от преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, число преступлений, совершенных с его использованием, не снижается: в 2020 году было зарегистрировано 5169 преступлений, в 2021 году – 4699, в 2022 году – 6222, в 2023 году – 5729, в 2024 году – 5774 преступления. Удельный вес преступлений, совершенных с применением оружия, держится на уровне 0,3%.

Недостаточный контроль за оборотом оружия со стороны государства усугубляет ситуацию. Одним из основных каналов, через которые оружие попадает в руки преступников, являются объекты его хранения и производства. Предприятия, занимающиеся производством оружия, организации военно-промышленного комплекса, воинские части, как ответственные за хранение и стратегическое использование вооружения, могут представлять собой потенциальные угрозы, когда целые партии оружия оказываются в руках нелегальных структур. Такие утечки оружия могут происходить вследствие недостаточного контроля за его хранением, а также преступных действий отдельных сотрудников.

Нарушения в системе выдачи лицензий на владение оружием, возникающие на разных этапах, от оформления документов до контроля за уже выданными разрешениями, также создают условия для различного рода злоупотреблений. Во время проверок выявляются нарушения, касающиеся ведения документации, и отсутствие актуальной информации о владельцах оружия, случаи несвоевременного аннулирования лицензий на приобретение оружия и разрешений на его хранение, погрешности в процедуре проверки документов лиц, желающих оружие приобрести.

Среди факторов, способствующих незаконному обороту оружия, стоит выделить широкое распространение в информационно-коммуникационном пространстве информации о продаже оружия и технологиях его производства. Если раньше основными источниками нелегального оружия для преступных группировок были военные склады и арсеналы силовых структур, то в последние

годы в России активно функционируют подпольные оружейные мастерские. Так, по данным Центра общественных связей ФСБ России, только за первые месяцы 2025 года пресечена деятельность более 60 нелегальных мастерских, которые занимались восстановлением боевых характеристик гражданских образцов оружия, изготовлением боеприпасов и их сбытом [3]. Еще большие возможности для незаконного оборота оружия предоставляет даркнет (DarkNet), доступ к которому осуществляется через специальные программные платформы, такие как Tor (The Onion Router), что позволяет пользователям скрывать свою личность и местоположение. Это создает сложности для правоохранительных органов, так как традиционные методы борьбы, например преследование по горячим следам, могут быть менее эффективными в условиях виртуального пространства.

В комплексе мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих незаконному обороту оружия, выделим два взаимосвязанных направления: оптимизация правового режима оборота оружия и совершенствование деятельности правоохранительных органов по контролю за оборотом оружия. Указанные направления предусматривают создание сбалансированной системы регулирования оборота оружия, включающей в себя четкие правила приобретения, хранения, транспортировки и утилизации оружия.

Меры предупредительного воздействия могут быть реализованы в нескольких ключевых направлениях. Во-первых, совершенствование работы лицензионно-разрешительных подразделений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в целях обеспечения строгих требований к процедуре выдачи лицензии на приобретение оружия, включая детальную проверку потенциальных владельцев, контроль качества навыков безопасного обращения с оружием, своевременное аннулирование уже выданных лицензий.

Во-вторых, недопущение формального подхода к проверке условий хранения оружия. Контрольные мероприятия не должны ограничиваться простым визитом для подтверждения наличия сейфа и документов на оружие. Важно, чтобы сотрудники правоохранительных органов проверяли доступность мест хранения для посторонних лиц, особенно несовершеннолетних, а также проводили профилактические беседы с владельцами об их ответственности за безопасное обращение и хранение оружия. Данный вид деятельности осуществляется в тесном взаимодействии с Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации на основе межведомственных соглашений. Большое значение имеет работа участкового уполномоченного полиции с населением, направленная на формирование негативного отношения к незаконному обороту оружия и участию в нем, недопустимость

бездоговорного применения оружия, разъяснение порядка освобождения от ответственности за добровольную сдачу оружия.

В-третьих, предотвращение случаев хищения оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ с оружейных и патронных заводов, объектов продажи оружия, что предполагает разработку и внедрение современных систем безопасности и учета оружия и боеприпасов, их регулярные проверки, контроль над утилизацией бракованной и поврежденной продукции, а также профилактическую работу с персоналом о недопустимости халатного отношения к должностным обязанностям. На уровне воинских частей важным аспектом является создание системы контроля над материально-техническим обеспечением, где каждая единица оружия и боеприпасов будет тщательно учтена, что позволит минимизировать риски их хищения или утери, например, во время проведения учебных стрельб. При этом существенное значение имеет повышение уровня дисциплины личного состава как срочной службы, так и военнослужащих, проходящих службу по контракту.

В-четвертых, предотвращение контрабанды оружия, в том числе обусловленной неконтролируемым оборотом оружия на Украине, куда с началом специальной военной операции значительно увеличились поставки оружия из Соединенных Штатов Америки, Германии, Франции, Швеции, Финляндии и других стран. При этом страны-поставщики не раз заявляли, что не способны контролировать, сколько вооружения доходит до зоны конфликта, а сколько отправляется на нелегальный рынок [4]. В целях предотвращения незаконного ввоза оружия на территорию Российской Федерации целесообразно усиление пограничного контроля, пресечение противоправных действий преступных групп, специализирующихся на организации каналов контрабанды оружия, боеприпасов и военного имущества в Россию, проведение на региональном и межгосударственном уровнях специальных оперативно-разыскных мероприятий, направленных на выявление и устранение незаконного оборота оружия, создание единого международного учета оружия и боеприпасов.

Кроме того, значительным профилактическим эффектом является повышение уровня оружейной культуры у населения, осознание общественной опасности оружия, понимание правовых и этических норм, связанных с его обращением, формирование более глубокого понимания оружия как инструмента, который, с одной стороны, может применяться для защиты и обеспечения безопасности, а с другой – быть причиной разрушительных конфликтов и насилия.

Литература

1. ФГКУ ГИАЦ МВД России // <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 10.09.2025).
2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М. В. Гончарова, М. М. Бабаев, С. А. Невский, Р. В. Черкасов, Е. М. Тимошина, Г. Э. Бицадзе, К. С. Насуев, Г. Ф. Коимшиди, В. Г. Смирнов. – Москва: ВНИИ МВД России, 2024. – 100 с.
3. ФСБ показала кадры рейда по подпольным оружейным мастерским в регионах РФ [Электронный ресурс] // clck.ru/3MUC6Y (дата обращения: 10.09.2025).
4. Глава Пентагона заявил, что США не контролируют поставляемое Украине оружие [Электронный ресурс] // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14540197> clck.ru/3MUC6Y (дата обращения: 10.09.2025).

Насыбуллина Руфия Рафаэлевна,
преподаватель кафедры
профессиональной подготовки
Уфимского юридического института МВД России

Теоретико-правовые и прикладные региональные проблемы противодействия правонарушениям: от предупреждения к расследованию

Эффективность противодействия правонарушениям в Российской Федерации, при формальном единстве правового поля, демонстрирует существенную региональную дифференциацию. Эта вариативность обусловлена комплексом социально-экономических, культурно-исторических, демографических и географических факторов, формирующих уникальный для каждого субъекта Федерации криминогенный ландшафт. Сложность и многогранность проблемы требуют системного научного осмысления, выходящего за рамки узковедомственного подхода.

Разработка и реализация федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации государственных программ профилактики правонарушений являются приоритетным направлением в настоящее время. В соответствии с Федеральным законом от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», а именно со ст. 29, функционирование системы профилактики правонарушений осуществляется на основе государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации, муниципальных программ в сфере

профилактики правонарушений. Исходя из положений данного закона, разработка программ в сфере профилактики правонарушений может осуществляться не только на федеральном и региональном уровнях, но и на муниципальном [1, с. 49].

На теоретико-правовом уровне ключевой проблемой, определяющей эффективность всей системы противодействия правонарушениям, является поиск оптимальной модели распределения полномочий и ответственности между федеральным центром и субъектами Российской Федерации. Закрепленная в законодательстве федеральная природа основных правоохранительных структур и уголовно-процессуального законодательства объективно направлена на обеспечение единого правового пространства. Однако на практике это порождает системное противоречие, которое можно охарактеризовать как дуализм ответственности. Региональные органы государственной власти, обладая крайне ограниченными прямыми полномочиями в сфере публичной безопасности и не располагая действенными рычагами административного воздействия на федеральные силовые структуры, несут тем не менее всю полноту политической и социальной ответственности за состояние правопорядка на своей территории. Это приводит к ситуации, когда субъект, наделенный ответственностью, лишен необходимых для ее реализации властных полномочий, а субъект, обладающий полномочиями, в значительной степени дистанцирован от локальной социальной ответственности.

Другим фундаментальным аспектом является теоретическое осмысление детерминации преступности на региональном уровне. Если на общегосударственном уровне действуют генерализованные криминологические закономерности, то на уровне региона причинный комплекс приобретает ярко выраженную специфику, требующую адекватной диагностики и адресного реагирования [2, с. 231]. Так, для некоторых промышленных регионов, переживающих структурную перестройку экономики, характерно доминирование экономических детерминант, проявляющихся в высокой доле корыстной и корыстно-насильственной преступности, росте правонарушений в сфере предпринимательской деятельности и усилении влияния организованных преступных групп, контролирующих остатки хозяйствующих субъектов. Для приграничных регионов системообразующими становятся такие факторы, как контрабанда, незаконная миграция и транснациональная преступность. Сельскохозяйственные регионы сталкиваются с проблемами правонарушений в сфере оборота земель сельскохозяйственного назначения и хищений ресурсов агропромышленных комплексов. Туристические кластеры, в свою очередь, генерируют специфический массив правонарушений, связанных с обслуживанием туристов, посягательствами на их жизнь и здоровье, а также

нарушениями общественного порядка. Игнорирование этой дифференциации при разработке федеральных стратегий и стандартов приводит к их низкой эффективности и формализации исполнения на местах.

Проблема стандартизации и дифференциации представляет собой еще одну серьезную теоретико-правовую коллизию. Установленные на федеральном уровне единые критерии оценки деятельности правоохранительных органов, такие как процент раскрытия преступлений, сроки проведения проверок и расследования уголовных дел, будучи применены без учета региональной специфики, зачастую порождают негативные последствия. Требования, выполнимые в условиях мегаполиса с развитой инфраструктурой, высокой плотностью населения и концентрацией профессиональных кадров, оказываются заведомо неадекватными для обширных сельских или труднодоступных территорий с низкой плотностью населения, слабой транспортной связанностью и дефицитом квалифицированных специалистов. Следствием этого становится профанация самой идеи оценки, выражающаяся в приписках, искусственной переквалификации составов правонарушений и иных способах формального соответствия отчетности установленным показателям. Таким образом, унификация, призванная повысить управляемость системы, на практике может приводить к снижению реальной эффективности.

Стадия предупреждения правонарушений, являясь краеугольным камнем всей правоохранительной деятельности, на региональном уровне сталкивается с рядом хронических проблем. Одной из наиболее существенных является слабость системы криминологического прогнозирования и планирования профилактических мероприятий [3, с. 66]. Во многих субъектах Российской Федерации отсутствуют собственные научные и аналитические центры, способные проводить глубокий мониторинг и анализ криминогенных факторов, строить достоверные среднесрочные и долгосрочные прогнозы. В результате профилактическая работа зачастую сводится к формальным действиям, таким как беседы с ранее судимыми лицами или обходы неблагополучных семей, которые не оказывают реального воздействия на структуру и динамику преступности. Профилактика носит реактивный, а не проактивный характер, начинаясь лишь после фиксации уже совершившегося правонарушения или резкого обострения криминогенной обстановки.

Серьезным препятствием для эффективного предупреждения и раннего выявления правонарушений является дефицит полноценного межведомственного и межуровневого взаимодействия. Информационные потоки между территориальными подразделениями федеральных правоохранительных органов, органами исполнительной власти субъекта Федерации, органами местного самоуправления, учреждениями социальной

защиты, образования, здравоохранения, миграционной службы и контролирующими органами, такими как Роспотребнадзор или Федеральная налоговая служба, остаются разрозненными. Отсутствие единой межведомственной платформы обмена оперативной информацией в режиме, близком к реальному времени, приводит к тому, что кризисные сигналы, фиксируемые одним ведомством, не становятся достоянием других. Школа, располагающая сведениями о неблагополучии в семье, не всегда имеет эффективные и быстрые каналы передачи этой информации в органы системы профилактики. Налоговые органы, выявляющие признаки финансовых махинаций, не всегда оперативно взаимодействуют с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции. Эта ведомственная разобщенность разрушает целостность восприятия криминогенной ситуации и делает систему предупреждения неспособной к адекватному и своевременному реагированию.

Еще одной значимой прикладной проблемой является низкая вовлеченность местных сообществ и гражданского общества в процессы обеспечения правопорядка. В ряде регионов, особенно с высоким уровнем латентной преступности, такой как семейно-бытовое насилие, коррупция на бытовом уровне или правонарушения в сфере малого и среднего бизнеса, сохраняется устойчивое недоверие населения к правоохранительным институтам. Это недоверие коренится в историческом опыте, низкой эффективности реагирования на ранее поданные заявления, а также в опасениях мести со стороны правонарушителей. В результате значительный пласт информации о готовящихся или совершаемых правонарушениях не поступает в правоохранительные органы, что искусственно занижает уровень регистрируемой преступности и создает искаженную картину благополучия. Преодоление этой латентности требует не разовых публичных акций, а целенаправленной долгосрочной работы по восстановлению доверия и построению партнерской модели отношений между полицией и сообществом.

На стадиях непосредственного силового и процессуального реагирования – пресечения, раскрытия и расследования – региональная специфика проявляется с особой остротой. Наиболее очевидной является проблема ресурсной асимметрии. Материально-техническое оснащение территориальных подразделений правоохранительных органов, особенно в сельской местности и малых городах, зачастую существенно уступает уровню, доступному их столичным и крупнометропольским коллегам. Дефицит современного транспорта, средств связи, систем видеофиксации, криминалистической техники и программного обеспечения для анализа больших данных напрямую снижает оперативность и качество работы следственно-оперативных групп. Время,

затрачиваемое на прибытие к месту происшествия, сбор и фиксацию доказательств, увеличивается, что ведет к их утрате, фальсификации или воздействию на потерпевших и свидетелей.

Кадровый вопрос остается одним из наиболее болезненных для региональной правоохранительной системы. Для многих субъектов Федерации, особенно находящихся вдалеке от федерального центра и не входящих в число экономически развитых, характерен устойчивый отток наиболее амбициозных и профессионально подготовленных кадров. Выпускники ведомственных вузов, а также опытные сотрудники стремятся перевестись в более благополучные регионы, где предлагаются лучшие условия службы, более высокий уровень заработной платы и карьерные перспективы. Это приводит к хроническому кадровому голоду, старению кадрового состава и росту профессионального выгорания среди оставшихся сотрудников, вынужденных работать с повышенной нагрузкой в условиях постоянного стресса и ограниченных ресурсов. Низкая заработная плата сотрудников полиции и следственного аппарата на местах также способствует коррупционной уязвимости и текучести кадров.

Географический фактор вносит свои существенные коррективы. В удаленных, труднодоступных и малонаселенных районах, таких как районы Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока и горные территории, стандартные процедуры раскрытия и расследования преступлений сталкиваются с объективными, непреодолимыми в рамках существующей системы сложностями. Время прибытия следственно-оперативной группы на место происшествия может исчисляться не часами, а сутками из-за отсутствия дорог, зависимости от погодных условий и расписания транспортного сообщения. Организация и производство судебных экспертиз сопряжены с необходимостью транспортировки материалов на большие расстояния в региональные центры, что приводит к критическому увеличению сроков предварительного следствия и дознания. Все это создает зоны сниженной правовой защищенности, где вероятность своевременного раскрытия преступления и привлечения виновных к ответственности значительно ниже, чем в центральных регионах.

Особого внимания заслуживает проблема внешнего давления на органы предварительного расследования. При расследовании преступлений, совершаемых представителями региональных политических или экономических элит либо так или иначе затрагивающих их интересы, следователи и дознаватели сталкиваются с беспрецедентным противодействием. Это противодействие может принимать формы как прямого административного давления и угроз, так и более изощренных методов, включая использование зависимых средств массовой информации для компрометации оперативных работников и

следователей, оказание влияния через вышестоящие инстанции, а также подкуп. Подобные условия ставят под сомнение реальную независимость следствия и создают серьезные препятствия для реализации принципа неотвратимости ответственности, особенно в сфере борьбы с коррупцией и экономическими преступлениями.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что повышение эффективности противодействия правонарушениям на региональном уровне является комплексной, многомерной задачей, требующей системного подхода и сочетания мер правового, организационно-управленческого и ресурсного характера. Преодоление выявленных теоретико-правовых и прикладных проблем невозможно без целенаправленных усилий как на федеральном, так и на региональном уровне.

В качестве первоочередных направлений оптимизации представляется целесообразным разработать и внедрить на законодательном уровне дифференцированные модели оценки эффективности деятельности правоохранительных органов. Эти модели должны учитывать криминогенную специфику, социально-экономические показатели, географические и демографические особенности каждого субъекта Федерации, отказываясь от унифицированных, усредненных критериев в пользу контекстуальных. Это позволит снизить давление на территориальные органы и минимизировать стимулы для манипулирования статистикой.

Крайне актуальным является создание и правовое закрепление постоянно действующих межведомственных ситуационных центров на базе региональных главков МВД и следственных управлений СКР. Эти центры должны стать едиными узлами консолидации информации от всех субъектов профилактики и контроля, функционируя в режиме, близком к реальному времени, и обеспечивая скоординированное реагирование на возникающие угрозы. Технологической основой для таких центров должны стать современные платформы для анализа больших данных, позволяющие выявлять скрытые связи и закономерности.

Для решения кадровых проблем необходима реализация целевых программ так называемого регионального завоза, предусматривающих для выпускников ведомственных вузов и молодых специалистов, согласившихся на распределение в депрессивные и отдаленные регионы, существенные пакеты социальных и финансовых льгот. Эти пакеты могут включать в себя значительные подъемные выплаты, ипотечное кредитование на льготных условиях, ускоренное прохождение службы для получения специальных званий, а также гарантии последующего трудоустройства после определенного срока службы.

Для обеспечения независимости предварительного расследования требуется законодательное закрепление усиленных гарантий для следователей и дознавателей, расследующих дела с участием должностных лиц органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления. Такие гарантии могут включать особый порядок их назначения на должность, перемещения и дисциплинарной ответственности, исключающий возможность произвольного вмешательства со стороны региональных элит.

Наконец, ключевое значение приобретает ускоренная цифровизация и техническое переоснащение региональных подразделений. Внедрение систем мобильного сбора и передачи доказательств, использование технологий дистанционного допроса свидетелей и потерпевших, оснащение патрульных автомобилей системами ГЛОНАСС и видеорегистрации – все эти меры способны частично нивелировать негативное влияние географического фактора и повысить оперативность реагирования.

Реализация предложенного комплекса мер позволит не только смягчить существующие региональные диспропорции в обеспечении правопорядка, но и в конечном итоге повысить общий уровень законности и публичной безопасности в стране, обеспечив тем самым реальное, а не формальное единство правового пространства России при гибком и адекватном учете местной специфики.

Литература

1. Николаева, А. Е., Проблемы правового регулирования профилактики правонарушений на региональном уровне // Символ науки. – 2019. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-pravovogo-regulirovaniya-profilaktiki-pravonarusheniy-na-regionalnom-urovne> (дата обращения: 10.10.2025).

2. Горбань, Д. В., Ефремова, О. С. Основы предупреждения региональной преступности: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11(96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-preduprezhdeniya-regionalnoy-prestupnosti-problemy-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 11.10.2025).

3. Филиппова, Е. О. Предупреждение преступности [Электронный ресурс]: учебное пособие / Е. О. Филиппова. – Оренбург: ОГУ, 2019. – 127 с.

Науров Дмитрий Максимович,
преподаватель кафедры физической подготовки УНК СП
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Модернизация профессиональной физической подготовки в региональных силовых структурах: технологический и методический аспекты

Современная оперативно-служебная деятельность сотрудников силовых структур предъявляет повышенные требования к их физической готовности [1]. Традиционные подходы к физической подготовке, основанные на унифицированных нормативах и стандартизированных методиках, не в полной мере отвечают вызовам времени. Необходимость модернизации данной системы обусловлена возрастающей сложностью задач, стоящих перед правоохранительными органами, а также появлением новых технологических возможностей [2, с. 215].

Цель исследования – разработать научно обоснованные подходы к модернизации профессиональной физической подготовки сотрудников силовых структур на основе интеграции современных технологий и инновационных методик.

В начале анализа рассмотрим технологические аспекты модернизации физической подготовки сотрудников. Они могут включать в себя: системы мониторинга и обратной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности; data-driven подход и искусственный интеллект; биохимический анализ. Рассмотрим каждую составляющую подробнее.

Системы мониторинга и обратной связи создают основу для объективной оценки текущего состояния и адаптации тренировочных нагрузок в реальном времени. Внедрение носимых устройств (фитнес-трекеров, смарт-часов, специализированных датчиков) позволяет осуществлять непрерывный контроль физиологических параметров сотрудников: частоты сердечных сокращений (ЧСС), вариабельности сердечного ритма (BCR), уровня насыщения крови кислородом, энергозатрат.

Технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR) могут использоваться для наложения цифровой информации на реальную среду во время тренировок, например, для отображения метрик выполнения упражнения. VR-тренажеры позволяют моделировать сложные и стрессовые оперативно-служебные ситуации (преследование, задержание, работа в толпе), что способствует развитию не только физических качеств, но и психологической устойчивости, тактического мышления.

Data-driven подход (с англ. – «управляемый данными») – стратегия управления и принятия решений, основанная на анализе данных, а не на

интуиции или предположениях. Широкое название метода – Data Driven Decision Making (DDDM), дословно – «принятие решений на основе данных».

Сбор и анализ больших данных о тренировочном процессе и физическом состоянии сотрудников позволяют:

- выявлять индивидуальные закономерности и риски;
- прогнозировать уровень готовности;
- автоматически формировать персонализированные тренировочные программы с помощью алгоритмов машинного обучения.

Использование систем видеоанализа с компьютерным зрением и датчиков движения позволяет проводить детальный биомеханический анализ техники выполнения упражнений, выявлять ошибки и оптимизировать двигательные действия для повышения эффективности и снижения травматизма [3, с. 45-52].

Изучая методические аспекты модернизации, важно учитывать индивидуализацию и дифференциацию, а также прикладную и функциональную направленность. Не стоит забывать и о психологической составляющей специальной подготовки сотрудников.

Индивидуализация и дифференциация позволят более детально и точно подходить к процессу подготовки.

Она заключается в переходе от унифицированных программ к персонализированным тренировочным планам, учитывающим:

- индивидуальный уровень физической готовности;
- психофизиологические особенности;
- специфику профессиональных задач конкретного подразделения;
- состояние здоровья и динамику восстановления.

Прикладная и функциональная направленность. Смещение акцента с развития общих физических качеств на совершенствование навыков, непосредственно востребованных в служебной деятельности:

- развитие взрывной силы и скорости при коротких дистанциях преследования;
- тренировка устойчивости и баланса в условиях силового противостояния;
- повышение выносливости в режиме «рваного ритма».

Внедрение методик, направленных на одновременное развитие физических и психических качеств:

- выполнение физических упражнений в условиях когнитивной нагрузки и стрессового давления;
- использование технологий биологической обратной связи для обучения саморегуляции в состоянии утомления.

Непрерывность и цикличность учебно-тренировочного процесса имеет особую роль во всем процессе специальной подготовки сотрудников силовых ведомств. Рекомендуется отказ от эпизодической тренировки на сдачу нормативов в пользу построения круглогодичного тренировочного цикла, основанного на принципах спортивной периодизации, с акцентами на разные физические качества в различные периоды.

Предложенные технологические и методические решения позволяют перейти от архаичной системы физической подготовки к современной, гибкой и эффективной модели.

Ключевыми векторами модернизации являются:

- цифровизация: глубокое внедрение технологий сбора данных, анализа и моделирования;
- персонализация: построение тренировочного процесса вокруг индивидуальных характеристик и потребностей сотрудника;
- практико-ориентированный подход: максимальное приближение тренировочных нагрузок и ситуаций к реальным условиям службы;
- комплексность: интеграция физического, тактического и психологического компонентов подготовки.

Внедрение данных подходов потребует не только материально-технического переоснащения, но и переподготовки инструкторского состава, а также изменения нормативной базы. Однако именно такой комплексный путь модернизации позволит существенно повысить профессиональную надежность и эффективность сотрудников силовых структур при выполнении оперативно-служебных задач.

Литература

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 17.10.2025).
2. Петров, В. Г. Инновационные технологии в физической подготовке сотрудников правоохранительных органов. – Москва: Академия МВД России, 2022. – 215 с.
3. Сидоров, К. А., Козлов, Д. В. Применение технологий виртуальной реальности в профессиональной подготовке бойцов спецназа // Вестник спортивной науки. – 2023. – № 4. – С. 45-52.

Подколзин Константин Евгеньевич,
преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

**Особенности доказывания вины в преступлениях, связанных
с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции:
проблемы и перспективы судебной практики**

В последнее время возросло число преступлений, связанных с нелегальным сбытом алкогольной продукции и веществ, содержащих спирт. Нелегальная торговля алкоголем представляет значительную опасность для общественного здоровья, экономики страны и поддержания порядка. Сложность ситуации усиливается тем обстоятельством, что преступники прибегают к современным технологиям и тактикам для сокрытия своей деятельности, что существенно осложняет процедуру выявления и пресечения таких преступлений.

Расследование дел, связанных с незаконной торговлей алкоголем и спиртосодержащими веществами, ведется посредством широкого спектра методов, предназначенных для раскрытия, документирования и предотвращения противоправных действий. Используемые методы различаются в зависимости от особенностей каждого конкретного случая, однако стандартно предусматривается применение следующего набора мероприятий.

В ходе подготовительной работы по формированию материалов предварительной проверки особую важность приобретают оперативно-разыскные меры, обеспечивающие полное и точное формирование доказательной базы, необходимой для последующего уголовного преследования лиц, чьи действия подпадали бы под положения российского уголовного права. Рациональный порядок проведения следственных и процессуальных действий в подобных ситуациях предполагает разработку четкого плана дальнейших шагов, направленных на достижение объективности результатов и всестороннее выявление всех лиц и обстоятельств, значимых для разрешения рассматриваемого дела. Эффективность самого расследования напрямую связана с качеством проведения оперативно-разыскных мероприятий. Быстрая и своевременная реализация оперативно-разыскных мер позволяет оперативно выявлять фигурантов и накапливать достаточно доказательств для обоснования их вины. Это накладывает повышенные требования на органы досудебного расследования относительно внимательного изучения поступающих материалов проверок, полученных от сотрудников правоохранительных органов.

Операционно-разыскная работа выступает важным инструментом противодействия криминальным действиям. Ее суть состоит в сборе информации о людях, подозреваемых в правонарушениях, а также о характере их поведения и взаимоотношениях. Среди основных методов, используемых в ходе фиксации нарушений, относящихся к незаконному обороту алкогольной и спиртосодержащей продукции, выделяются:

- наблюдение. Оно подразумевает визуальное слежение за интересующими объектами, людьми и транспортом с целью обнаружения возможных случаев нарушения законов;

- прослушивание телефонных разговоров. Этот метод применяется для получения убедительных свидетельств незаконных действий. Особенно важен этот способ в делах, связанных с организованными группами преступников, поскольку запись телефонных бесед помогает доказать связь между членами группы и укрепляет позицию обвинителя;

- опрос населения. Обобщение показаний свидетелей и других участников событий также является значимым этапом расследования. Особенное внимание уделяется сведениям, полученным от лиц, наблюдавших изготовление или продажу контрафактной продукции, включая покупателей и случайных наблюдателей;

- проверочные закупки. Под видом обычного клиента осуществляется покупка алкоголя с целью подтверждения факта незаконной торговли или производства.

Кроме того, в ходе проверки надлежит конфисковать продукцию, имеющую признаки незаконности, для последующего анализа. Если собранная информация подтвердится лабораторными тестами и прочими документами, проводится уголовное дело. Для правильной классификации правонарушения важно определить отсутствие или наличие лицензий на работу с этанолом, алкоголем и аналогичными веществами.

Следующим ключевым моментом становится принятие решения о возбуждении уголовного дела. Важно отметить различия между понятиями «алкогольная продукция» и «спиртосодержащие вещества», установленные Федеральным законом № 171-ФЗ от 22 ноября 1995 г., регламентирующим правила производства и обращения соответствующих товаров. Отличия касаются не только уровня содержания спирта, но и назначения продукта: алкоголь предназначен исключительно для употребления человеком, тогда как спиртосодержащий продукт может использоваться иначе, хотя иногда служит компонентом алкогольного напитка.

Отнесение происшествия к конкретной правовой норме (например, статья 171.1 или 171.3 Уголовного кодекса РФ) определяется объемом и характером

выявленных проступков. Например, преступление квалифицируется по части 5 или 6 статьи 171.1 УК РФ (производство, хранение, транспортировка или реализация немаркированной алкогольной продукции), если сумма ущерба превысила крупную сумму (сто тысяч рублей) или особо крупную сумму (один миллион рублей). Аналогично классифицируются случаи по статье 171.3 УК РФ (незаконное производство и распространение спиртовых растворов).

Предпосылкой начала расследования таких преступлений является отчет сотрудника оперативного подразделения, зафиксировавший обстоятельства возможного преступления. Следователи должны сосредоточиться на выяснении полного состава участников преступной сети, занимающейся поддержанием рынка алкоголя и спиртосодержащих продуктов. Обычно подобные деяния требуют участия большого числа заинтересованных сторон, часто действующих согласованно внутри организованной группы, или предварительно договорившихся сообщников.

На начальном этапе расследования производятся необходимые процедуры, включающие:

- допрос лиц, предположительно замешанных в инциденте. Вопросы на допросе охватывают причины и намерения правонарушителей, способы производства и приобретения продукции, пути реализации товара и круг других участников преступления;
- осмотр мест хранения и складирования алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также помещений, где происходил выпуск или продажа контрафактных товаров;
- назначение судебных экспертиз, среди которых наиболее важны физико-химическое исследование, товарная оценка, проверка соответствия стандартам качества и безопасности продукции, криминалистический анализ документации.

Во время физико-химического исследования специалисты определяют, является ли представленная жидкость спиртосодержащим продуктом, соответствует ли она установленным нормам ГОСТа и содержит ли опасные примеси сверх разрешенных уровней. Результаты таких тестов играют важную роль в формировании доказательной базы.

При инициировании товароведческого исследования устанавливают принадлежность продукции к группе спиртосодержащих напитков и оценивают рыночную цену изъятых товаров на момент задержания. Техническо-криминалистическая экспертиза направлена на проверку подлинности специальных марок на упаковке алкогольной продукции.

Проведение осмотров предполагает детальное изучение объектов и подробное фиксирование характеристик упаковки, наличия этикеток, наклеек,

защитных знаков и иной сопутствующей информации. Все найденные товары подлежат упаковыванию и передаче на ответственное хранение.

На последующих этапах, после формирования необходимого объема доказательств, составляется заключение о предъявлении обвинения лицу, привлекаемому к уголовной ответственности. Затем уведомляются участники процесса о завершении следственных мероприятий и предоставляется доступ к делу.

В целом, несмотря на относительную понятность методик расследования подобной категории преступлений, существует целый ряд нюансов и особенностей, которые обязательно должны учитываться при работе над такими делами.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: в действующей ред. // СПС Гарант [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/>. – (Дата обращения: 25.09.2025).

2. Уголовный кодекс РФ: в действующей ред. // СПС Гарант [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/>. – (Дата обращения: 25.09.2025).

3. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ: в действующей ред. // СПС Гарант [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/>. – (Дата обращения: 25.09.2025).

4. Государственное регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции / под ред. Л.В. Чистяковой. – Москва: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2018. – 552 с.

5. Белецкий, И. А. Закупка, перевозка и хранение алкогольной продукции в крупном размере без цели сбыта – преступление? / И. А. Белецкий, А. Н. Маскаев // Адвокатская практика. – 2019. – № 2. – С. 3-6.

Ромашова Марина Владимировна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Производство о применении принудительных мер медицинского характера: региональные аспекты

Процессуальные особенности производства о применении принудительных мер медицинского характера обусловлены особым статусом лица, совершившего преступное посягательство в состоянии невменяемости, что препятствует назначению ему уголовного наказания, исходя из принципов разумности, справедливости и необходимости обеспечения прав граждан на охрану здоровья и получение медицинской помощи.

Назначение правового института принудительных мер медицинского характера заключается в защите личности и общества от преступных посягательств, обеспечении прав потерпевшего по уголовному делу и оказании лицу, страдающему психическим расстройством, необходимой медицинской помощи, что определяет особенности данного вида уголовного преследования.

Актуальность вопроса применения принудительного лечения в отношении невменяемого лица обусловлена необходимостью ограничения конституционно значимых прав граждан, включая право на личную неприкосновенность, защиту чести и доброго имени. Недостатки законодательных конструкций и отсутствие правовой регламентации некоторых аспектов судопроизводства в отношении невменяемого лица вызывают правоприменительные проблемы, разрозненную практику и нарушение прав участников, в связи с чем вопрос применения принудительных мер медицинского характера нуждается в тщательном изучении, а законодательная основа – в совершенствовании.

В 2024 году суды вынесли постановления о применении принудительных мер медицинского характера в отношении 8052 лиц. В 2023 году данный показатель был значительно меньше и составлял 2912, что свидетельствует о негативной тенденции совершения общественно опасных деяний лицами, страдающими психическими расстройствами, исключаящими вменяемость [1].

В течение 2024 года суды удовлетворили 675 ходатайств о временном помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. В удовлетворении шести ходатайств было отказано. В 2023 году удовлетворено 699 подобных ходатайств, отказано в удовлетворении шести. Правовая статистика свидетельствует о стабильно

высоком уровне применения меры уголовно-процессуального характера в виде помещения лица в психиатрический стационар в лечебных целях [2].

На практике актуальным остается вопрос о возможности применения меры пресечения в отношении лица, страдающего психическим расстройством, исключаящим вменяемость. Данный субъект статусом подозреваемого и обвиняемого не обладает, в связи с чем логично предположить, что меры пресечения в отношении него не применяются. В тексте главы 51 УПК РФ законодатель не предусмотрел четкой правовой нормы, регламентирующей порядок решения вопроса о мере пресечения в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости.

Отсутствие четкого законодательного регулирования производства о применении принудительных мер медицинского характера приводит к разрозненной правоприменительной практике в различных регионах. Анализ следственной и судебной практики позволил выявить случаи, когда суды отменяли меру пресечения лицу, помещенному в психиатрический стационар в соответствии со ст. 435 УПК РФ. В ходе расследования других дел суды, рассматривая ходатайства следователей, сначала заключали лицо под стражу, после чего принимали решение о помещении его в психиатрический стационар. Например, Конституционный Суд РФ, рассматривая заявление гражданина, в отношении которого суд принял решение о переводе из следственного изолятора в медицинскую организацию специализированного типа, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, установил, что мера пресечения в виде заключения под стражу была отменена [3].

Воронежский областной суд, рассмотрев 25 апреля 2024 года в порядке апелляции постановление Ленинского районного суда г. Воронежа об изменении меры пресечения с запрета определенных действий на заключение под стражу, установил, что суд удовлетворил данное ходатайство, поместив лицо под стражу, после чего вынес постановление о помещении лица в стационар в лечебных целях. Суд апелляционной инстанции посчитал данные действия незаконными, указав, что при наличии заключения судебной психиатрической экспертизы, подтверждающей наличие психического расстройства у лица, необходимо временно поместить лицо в стационар, а не избирать ему заключение под стражу [4]. Оценить законность судебных постановлений сложно, поскольку необходимое законодательное регулирование и официальные разъяснения высших судебных инстанций по данному вопросу отсутствуют.

В целях совершенствования правовой основы и оптимизации уголовно-процессуальной деятельности следует конкретно указать в ст. 435 УПК РФ, каким образом следователь или суд должны решить вопрос о мере пресечения в отношении лица, подлежащего временному помещению в психиатрический

стационар после проведения экспертизы. Полагаем, что в случае помещения лица в данную медицинскую организацию необходимости в применении какой-либо меры пресечения нет, в связи с чем любую ранее избранную меру пресечения целесообразно отменить.

Если психическое состояние лица улучшится, то, исходя из результатов психиатрического освидетельствования, лицо подлежит освобождению на основании постановления суда. В этом случае при наличии законных оснований лицу может быть избрана мера пресечения или иная мера процессуального принуждения.

Законодатель в п. 10 ст. 435 УПК РФ указал на возможность применения к лицу, находящемуся в психиатрическом стационаре, меры пресечения в случае улучшения его психического состояния. Данное положение считаем необоснованным и нарушающим принцип процессуальной экономии, поскольку во время нахождения лица в стационаре отсутствует необходимость в применении любой меры пресечения и возможность проконтролировать ее исполнение.

Сомнения и неясности на практике также возникают в связи с тем, что порядок помещения лица в психиатрический стационар в лечебных целях, закрепленный в ст. 435 УПК РФ, касается только лиц, заключенных под стражу. В отношении лиц, не содержащихся под стражей, при необходимости помещения в стационар для получения психиатрической помощи в уголовно-процессуальном законе имеется только одна отсылочная норма, предписывающая руководствоваться положениями ст. 203 УПК РФ. Исходя из анализа содержания ст. 203 УПК РФ, следует, что данная процессуальная мера осуществляется на основании судебного решения, что является важной гарантией защиты прав граждан и элементом судебного контроля, однако сроки нахождения лица в медицинской организации в ст. 203 УПК РФ не обозначены, поскольку подозреваемый или обвиняемый туда помещается для производства экспертизы. Отсутствие процессуальных сроков нахождения лица, не содержащегося под стражей, в психиатрическом стационаре, очевидно, не отвечает принципам справедливости и нарушает личную неприкосновенность гражданина. Для обеспечения прав лиц, не содержащихся под стражей, подлежащих временному помещению в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, считаем необходимым предусмотреть на законодательном уровне для них тот же порядок помещения в стационар, который установлен для лиц, заключенных под стражу, предусматривающий обязанность суда устанавливать срок нахождения лица в психиатрическом стационаре. Установление четких временных рамок для нахождения в стационаре будет являться гарантией защиты прав лиц, не

находящихся под стражей, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

На судебном этапе производства в отношении лица, находящегося в состоянии невменяемости, проблемы нередко возникают на завершающем этапе, при решении вопроса о необходимости предоставить лицу последнее слово. Законодатель прямо не указал на данное право лица, страдающего психическим расстройством, однако, исходя из смысла уголовно-процессуального закона и анализа процессуального статуса лица, совершившего преступное деяние в состоянии невменяемости, следует закономерный вывод о наличии у данного субъекта права на последнее слово. Данное положение следует закрепить в ст. 441 УПК РФ для устранения проблем правоприменительного характера. Изучение судебной практики позволило выявить данную проблему, что привело к отмене постановления суда первой инстанции. Ленинский районный суд г. Ярославля, рассмотрев апелляционную жалобу защитника на постановление мирового судьи судебного участка № 2 Ленинского судебного района г. Ярославля о применении принудительных мер медицинского характера к лицу, совершившему общественно опасное деяние, предусмотренное п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, пришел к обоснованному выводу о нарушении прав лица, которому мировой судья не предоставил возможность выступить с последним словом [5].

Выявленные недостатки законодательного регулирования производства о применении принудительных мер медицинского характера влекут формирование противоречивой правоприменительной практики следственных и судебных органов в разных регионах. Для соблюдения законности, обеспечения прав лица, страдающего психическим расстройством и нуждающегося в лечении в условиях психиатрического стационара, соблюдения принципов разумности, справедливости и равенства всех перед законом предлагаем внести ряд изменений в уголовно-процессуальный закон. Представляется необходимым указать в ст. 97 УПК РФ на возможность избрания меры пресечения не только подозреваемому, обвиняемому, но и лицу, в отношении которого ведется производство в соответствии с главой 51 УПК РФ. Порядок временного помещения лица в медицинскую организацию стационарного типа для оказания психиатрической помощи, закрепленный в ст. 435 УПК РФ, распространить на лиц, не находящихся под стражей. В данной статье уголовно-процессуального закона также указать, что мера пресечения на период нахождения лица в психиатрическом стационаре подлежит отмене. Данное решение следует оформить отдельным постановлением после помещения лица в стационар. В тексте ст. 441 УПК РФ предусмотреть право лица, в отношении которого ведется производство в порядке, установленном главой 51 УПК РФ, на последнее слово. Соблюдение указанных рекомендаций будет способствовать оптимизации

производства о применении принудительных мер медицинского характера и формированию единообразной правоприменительной практики в различных регионах страны.

Литература

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции за 12 месяцев 2024 года. – Текст : электронный // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : официальный сайт. – URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2024%2FF1-svod_vse_sudy-2024.xls&wdOrigin=BROWSELINK. – (Дата обращения: 07.10.2025).

2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции за 12 месяцев 2023 года. – Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. – URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2FStatistika_2023%2FF1-svod_vse_sudy-2023.xls&wdOrigin=BROWSELINK. – (Дата обращения: 07.10.2025).

3. По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.: определение Конституционного Суда РФ от 24 мая 2018 г. № 20-П // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 07.10.2025).

4. Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1119/2024 от 24 апреля 2024 г. по делу № 3/11-2/2024. – Текст: электронный // Воронежский областной суд: официальный сайт. – URL: https://oblsud-vrn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=32369359&delo_id=4&new=4&text_number=1. – (Дата обращения: 07.10.2025).

5. Апелляционное постановление Ленинского районного суда г. Ярославля № 10-23/2019 от 27.11.2019. – Текст: электронный. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xrOrB5XnDkUb/?ysclid=mgqe40wega173825273>. – (Дата обращения: 07.10.2025).

Рясов Александр Алексеевич,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

К вопросу об изъятии электронных носителей информации при производстве следственных действий

В контексте современного уголовно-процессуального регулирования Российской Федерации законодателем предусмотрены специализированные нормы, регламентирующие процедуры изъятия электронных носителей информации и копирования содержащихся на них данных в процессе осуществления следственных действий. В частности, общие принципы проведения таких действий закреплены в статье 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в то время как статья 164.1 УПК РФ детализирует особенности, специфические для электронных носителей. Дополнительно статья 165 УПК РФ определяет механизм получения судебного разрешения на следственные действия, которые могут ограничивать конституционные права участников уголовного судопроизводства.

Однако детальный анализ указанных положений выявляет наличие определенных правовых несогласованностей и коллизий, требующих дальнейшей законодательной проработки. Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части изъятия и копирования информации с электронных носителей» в главу 24 УПК РФ были интегрированы новые нормы, включая введение статьи 164.1, которая устанавливает порядок изъятия электронных носителей информации. Данная статья позиционируется как неотъемлемый элемент общих правил производства следственных действий, поскольку она конкретизирует условия и последовательность изъятия таких носителей, адаптируя их к специфике цифровой среды.

Законодателем введен запрет на изъятие электронных носителей информации в делах о преступлениях, связанных с предпринимательской деятельностью, с одновременным установлением ряда исключений, предусмотренных частью 1 статьи 164.1 УПК РФ. Тем не менее практическая реализация этой нормы вызывает обоснованные сомнения в эффективности. В частности, нормативные положения предполагают возможность изъятия электронных носителей исключительно в контексте назначения судебной экспертизы, что, в свою очередь, подразумевает необходимость

предварительного проведения иных следственных мероприятий, в рамках которых может осуществляться изъятие носителей. Такая конструкция создает логический круг, потенциально затрудняющий оперативность и эффективность расследования в условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности.

Таким образом, выявленные противоречия указывают на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства для обеспечения баланса между защитой конституционных прав и потребностями эффективного уголовного преследования.

До вступления в силу указанных изменений изъятие электронных носителей было возможно исключительно в ходе обыска и выемки. Новые редакции расширяют перечень следственных действий, в рамках которых допускается изъятие, однако сохраняют требование предварительного судебного решения для действий, ограничивающих конституционные права граждан. В этой связи возникает вопрос о логической последовательности применения статьи 164.1 УПК РФ, поскольку изъятие носителей возможно только после проведения других следственных действий, что делает ее применение затруднительным на практике.

В теоретическом аспекте изъятие электронных носителей информации может производиться в рамках различных следственных мероприятий, таких как обыск, выемка в жилом помещении, контроль и запись переговоров. После осуществления изъятия обязательным процессом является проведение осмотра носителей, что служит необходимым условием для признания полученной информации в качестве допустимого вещественного доказательства. Однако остается открытым вопрос о возможности изъятия электронных носителей в ходе осмотра, не связанного с жилым помещением, когда отсутствует необходимость получения судебного решения.

Помимо прочих случаев, данная ситуация, регламентируемая статьей 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, охватывает сценарии, при которых владелец информации приобрел ее посредством противоправных действий, а равно ситуации, характеризующиеся реальной угрозой утраты данных, что диктует необходимость срочного копирования информации. В этой связи возникает актуальный правовой вопрос: допустимо ли принятие решения о копировании информации исключительно на основании ходатайства владельца электронных носителей или же в качестве обязательного условия выступает заключение специалиста, подтверждающее техническую возможность и безопасность данной процедуры?

Анализируемая норма статьи 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующая порядок изъятия электронных носителей

информации и копирования данных в ходе следственных действий, наглядно демонстрирует необходимость нахождения оптимального баланса между быстротой и эффективностью процессуальных действий и гарантиями их законности и прозрачности, особенно в ситуациях повышенного риска потери цифровых доказательств. Процессуальная надежность в условиях цифровой среды приобретает особую значимость, поскольку малейшие нарушения могут поставить под сомнение достоверность и допустимость полученных доказательств.

Ключевым механизмом, обеспечивающим объективность и предотвращающим злоупотребления, выступает заключение специалиста. Однако практика применения указанной статьи выявляет ряд правовых коллизий и неясностей, требующих дальнейшей интерпретации и уточнения. В частности, вызывает озабоченность вопрос о том, в каких случаях присутствие специалиста является обязательным, а в каких допустимо самостоятельное изъятие накопителей компьютерной информации следователем. Противоречивые подходы в правоприменительной практике свидетельствуют о необходимости выработки единых стандартов и критериев привлечения специалистов.

Одновременно остро встает вопрос о роли понятых в процедуре изъятия электронных носителей информации. Нормы, предусмотренные частью 5 статьи 164 УПК РФ, предоставляют следователю широкие полномочия по привлечению участников уголовного судопроизводства, однако вызывают сомнения относительно надлежащего разграничения функций и полномочий понятых и специалистов. Недостаточно четкое законодательное урегулирование приводит к разночтениям и разногласиям в правоприменительной практике, что негативно влияет на гарантии прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Статья 164.1 УПК РФ описывает процесс изъятия электронных носителей и создания копий их содержимого. Согласно части 2 этой статьи, изъятие обязательно проводится в присутствии специалиста. Однако часть 3 допускает, чтобы следователь самостоятельно выполнял копирование данных, без упоминания о необходимости специалиста. Возникает резонный вопрос: обязательно ли привлекать специалиста для копирования и нужно ли для этого судебное разрешение?

Анализируя эти нормы, можно увидеть несогласованность: обязательное участие специалиста при изъятии контрастирует с его отсутствием при копировании, что рискует нарушить целостность доказательств и принципы объективности (ст. 7 и 85 УПК РФ). Специалист обеспечивает техническую точность (ст. 58 УПК РФ), а понятые – прозрачность (ст. 60 УПК РФ). Кроме того, отсутствие требования судебного решения для копирования противоречит общим правилам следственных действий (ст. 165 УПК РФ), где ограничение

прав требует санкции суда. Для устранения этих пробелов целесообразно унифицировать нормы, сделав участие специалиста обязательным на всех этапах, чтобы повысить надежность доказательств и снизить практические противоречия.

Судебная практика по данному вопросу весьма разнородна и противоречива. Некоторые суды полагают, что участие специалиста необязательно, если следователь ограничивается простым осмотром изъятого электронного носителя, без вмешательства в его содержимое и копирования информации. Другие же судебные инстанции склонны полагать, что вмешательство в содержимое электронных носителей требует обязательного участия специалиста. Конституционный Суд Российской Федерации также принимал решения по подобным вопросам, однако его постановления не внесли полной ясности в ситуацию.

Участие понятых при производстве следственных действий с электронными носителями также вызывает разночтения. Так, при производстве обыска понятые участвуют в обязательном порядке, тогда как при иных следственных действиях, связанных с изъятием электронных носителей, их участие не предусмотрено. В то же время статья 164.1 УПК РФ предписывает обязательное участие понятых при изъятии электронных носителей, что вступает в противоречие с общей практикой и нормами, установленными в других частях Кодекса.

Возникает парадоксальная ситуация, когда законодательные нормы, призванные регулировать однородные процессы, вступают в противоречие друг с другом, вызывая неопределенность в правоприменительной практике. Это, в свою очередь, приводит к увеличению числа жалоб в вышестоящие судебные инстанции, оспаривающих нарушения конституционных прав и свобод граждан.

Процедура изъятия и последующего копирования информации с электронных носителей в рамках уголовного процесса регулируется отдельными положениями УПК РФ. В частности, статья 164.1 УПК РФ устанавливает специальные правила, касающиеся изъятия электронных носителей информации и копирования с них данных. Однако анализ указанных норм выявляет ряд существенных противоречий и пробелов, препятствующих их эффективному применению на практике.

Особенно удивляет норма, закрепленная в части 2 статьи 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Согласно ей при подаче ходатайства от законного обладателя изымаемых электронных носителей или содержащейся в них информации специалист производит копирование данных на предоставленные этими лицами носители. Это порождает закономерный вопрос: каким образом следователь вправе изымать носитель в присутствии

специалиста, но не наделен полномочиями выполнять копирование информации на другой носитель при том же специалисте? Видимо, такая конструкция нормы не гарантирует последовательности и внутренней логики в регулировании этих процессов.

Далее, важно различать сценарии: непосредственное изъятие электронного носителя и ситуацию, когда происходит лишь копирование данных на другой носитель, который затем присоединяется к делу. В последнем варианте законодательство не требует обязательного привлечения специалиста, что вызывает дополнительные вопросы о критериях его вовлечения.

Относительно оправданности участия специалиста при изъятии электронных носителей мнения экспертов сильно расходятся. Многие ученые вопреки требованиям закона считают, что привлекать специалиста следует по усмотрению следователя, в зависимости от характера носителя. Например, И.С. Федотов и П.Г. Смагин подчеркивают необходимость специалиста, если цель – сама информация на носителях (например, сервер с данными). Напротив, если изымается физический объект (скажем, похищенный смартфон), его участие признается необязательным [1, с. 3-8].

Другие исследователи, такие как А.Н. Осипенко и А.И. Гайдин, полагают, что участие специалиста излишне даже при изъятии внешних накопителей (жестких дисков, CD, флеш-карт), найденных во время обыска. По их взгляду, такие предметы могут быть самостоятельно упакованы следователем без вреда для дела и интересов владельцев [2, с. 156-163].

Таким образом, изучение статьи 164.1 УПК РФ, введенной федеральным законодателем, выявляет ряд неточностей и лакун, осложняющих ее применение в уголовном судопроизводстве. Нормативное регулирование изъятия и копирования электронных носителей требует дальнейшего уточнения для обеспечения согласованности практики и усиления эффективности расследований преступлений с цифровыми элементами.

В связи с этим необходимо устранить выявленные несоответствия и разработать единый подход к применению норм о роли специалиста и понятых в следственных действиях с электронными носителями. Возможным решением станут поправки в соответствующие статьи УПК РФ или разъяснения Верховного Суда РФ через постановление Пленума, что обеспечит унифицированное толкование и укрепит защиту прав граждан в уголовном процессе.

Литература

1. Васюков, В. Ф. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования

и правоприменения / В. Ф. Васюков, А. В. Булыжкин // Российский следователь. – 2016. – № 6. – С. 3-8.

2. Осипенко, А. Л. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации / А. Л. Осипенко, А. И. Гайдин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 156-163.

Седых Татьяна Викторовна,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат политических наук

Защита прав личности в уголовном судопроизводстве: важные аспекты

Следует заметить, что термины «свобода личности», «неприкосновенность личности» и «личная неприкосновенность» имеют различия, которые играют ключевую роль в контексте уголовного судопроизводства. Свобода личности подразумевает возможность индивида действовать по своему усмотрению в рамках закона, в то время как неприкосновенность личности акцентирует внимание на защите индивида от вмешательства со стороны государства или третьих лиц. Личная неприкосновенность, в свою очередь, фокусируется на недопустимости вторжения в личную жизнь и целостность человека, гарантируя защиту его физических и моральных прав.

Право человека – неотъемлемый элемент человеческой личности и человеческого бытия. Прежде чем обратиться к рассмотрению исторического развития концепции права человека, необходимо уяснить понятийный аппарат.

Право человека – это универсальные, неотъемлемые и нормативно закрепленные принципы и свободы, обеспечивающие каждому индивиду возможность свободно развиваться и взаимодействовать с обществом и государством, независимо от каких-либо различий, и гарантирующие защиту от произвола.

Историческое развитие концепции права человека началось с естественно-правовой теории о врожденных правах, затем перешло к позитивистской, где права определялись государством. Конфликт между универсализмом, утверждающим всеобщность прав, и культурным релятивизмом, учитывающим культурные особенности, сформировал современное понимание прав человека.

Концепции права человека развивались не изолированно, а в диалоге друг с другом, поэтому каждая последующая концепция учитывает недостатки

предыдущей, что свидетельствует о постоянном поиске наиболее эффективного подхода к защите прав личности.

Система защиты прав человека – это совокупность институтов, процедур и механизмов, направленных на предотвращение нарушений прав человека, восстановление нарушенных прав и привлечение виновных к ответственности.

Современный мир сталкивается с новыми вызовами, требующими адаптации и совершенствования механизмов защиты прав человека на национальном, региональном и международном уровнях, поэтому такая система находится в постоянном развитии, отражая изменяющиеся условия.

Одной из тенденций развития системы защиты прав человека можно назвать расширение линейки этих прав. По мере расширения возможностей экономики увеличивается количество прав человека.

Во второй половине XX в. в конституционном праве некоторых стран мира получили нормативное закрепление общечеловеческие ценности. В их числе: права личности на полноценную жизнь, равенство возможностей, социальная справедливость, многополярность гражданского общества, объединенного взаимопомощью между людьми разных групп населения, смешение методов управления государством и самоорганизации общества и другие базовые гуманистические нормы.

Со временем перечень основных прав человека непрерывно увеличивается. Под влиянием социального прогресса меняются сами понятия ценностей, составляющих основу индивидуальных прав, изменяется их структура, объем, назначение и способы воздействия на общественные процессы. Эти свободы приспосабливаются к новым условиям жизни, становясь более универсальными и адаптированными.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что принцип неприкосновенности личности должен обеспечить не только защиту от физического лишения свободы, но и от неправомерного вмешательства в личные дела граждан. Более того, этот принцип должен быть дополнен эффективными механизмами контроля за действиями правоохранительных органов, которые зачастую превышают свои полномочия, что ведет к нарушению прав граждан.

В.М. Корнуков характеризует ограничения как самостоятельный способ правового регулирования, который определяет не только юридически, но и фактически невозможный вариант поведения [1].

Неприкосновенность личности в уголовном производстве может быть представлена как правовой режим, который определяет юридическое и фактическое положение личности подозреваемого, обвиняемого.

Таким образом, принцип неприкосновенности личности является важной конституционной основой и своего рода фундаментальным, базовым в правовой

системе России, ведь он имеет конституционное основание, а значит, без сомнения, обязателен для соблюдения в уголовном процессе.

Литература

1. Корнуков, В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 136 с.
2. Васильева, Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе: дисс... канд. юрид. наук. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. – 193 с.
3. Кучинский, В. А. Личность, свобода, право / В. А. Кучинский. – Москва: Юрид. лит, 2018. – 208 с.

Сериков Роман Владимирович,
преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Финансовые отношения в содержании объекта неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ)

Одной из ключевых проблем современной уголовно-правовой науки остаётся необходимость согласования юридической конструкции задач уголовного права, закрепленных в статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, с актуальными реалиями общественного развития и стратегическими потребностями государства. Задачи уголовного права не могут ограничиваться декларативным значением, а их содержание должно находить отражение как в научной доктрине, так и в правоприменительной практике, выступая ориентиром для формирования, реализации и корректировки уголовной политики. Последняя, в свою очередь, способна выполнять свои функции только при условии целостного, системного понимания задач уголовного права, которое предполагает их наполнение не только юридическим, но и социальным, экономическим и нравственным содержанием.

В рамках данной концепции представляется оправданным отождествление объекта преступления и объекта уголовно-правовой охраны, поскольку в обоих случаях речь идет об общественных отношениях, интересах и ценностях, на которые направлено преступное посягательство и которые подлежат защите средствами уголовного закона. Уголовно-правовая охрана, следовательно, охватывает весь спектр общественных отношений, признанных государством значимыми и нуждающимися в защите от преступных посягательств, включая

экономические и финансовые отношения, обеспечивающие устойчивость функционирования национальной экономики.

Анализ положений ст. 2 УК РФ позволяет заключить, что перечень охраняемых уголовным законом общественных отношений, приведенный в ее части первой, не является исчерпывающим. В ней не упомянут целый ряд объектов, реально находящихся под защитой уголовного закона и прямо фигурирующих в нормах Особенной части [1]. Подобная избирательность приводит к нормативной неопределенности и теоретическим разночтениям относительно круга охраняемых ценностей.

Особенно показателен пример финансовых отношений, которые составляют непосредственный объект ряда составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, в том числе преступлений, совершаемых в сфере обращения средств платежей (ст. 187 УК РФ). Несмотря на это, финансовые отношения не нашли прямого отражения в тексте ст. 2 УК РФ, что создает разрыв между задачами уголовного права и фактическим содержанием уголовно-правовой охраны. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении ряда составов преступлений в сфере экономической деятельности (например, ст. 172–174¹, 176–185 УК РФ), объектом которых выступают отношения в сфере финансового оборота, инвестирования, кредитования и расчетных операций.

В связи с этим обоснованной представляется позиция, согласно которой финансовые отношения должны быть прямо закреплены в числе объектов уголовно-правовой охраны, указанных в части первой ст. 2 УК РФ, как разновидность экономических отношений, обеспечивающих стабильность денежного обращения и функционирование финансовой системы государства [2].

Следовательно, охрана финансовых отношений как одна из задач уголовного права должна пониматься как деятельность государства, направленная на обеспечение их устойчивости, законности и защищенности от преступных посягательств, включая неправомерный оборот средств платежей. Реализация этой задачи достигается посредством установления уголовной ответственности за деяния, нарушающие установленный порядок функционирования финансовой системы (в частности, в диспозиции ст. 187 УК РФ), а также возложения на правоохранительные органы обязанности по предупреждению и пресечению подобных преступлений.

Вопрос о признании финансовых отношений самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны приобретает особую значимость при анализе преступлений, объединенных в разделе VIII «Преступления в сфере экономики» и главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». В системе указанных преступлений ст. 187 УК РФ, устанавливающая

ответственность за неправомерный оборот средств платежей, занимает одно из центральных мест, поскольку она отражает необходимость защиты устойчивости финансового оборота и доверия к национальной платежной системе как важнейших элементов финансовых отношений. Данный состав ярко демонстрирует, что именно финансовые отношения – как в их традиционной, так и цифровой формах – выступают объектом непосредственной уголовно-правовой защиты, поскольку посягательство на установленный порядок обращения платежных инструментов подрывает доверие к ним и тем самым угрожает стабильности всей кредитно-финансовой системы государства.

В условиях современной экономики, основанной на непрерывном товарно-денежном обороте, государство использует финансы как универсальный регулятор социально-экономических процессов, средство обеспечения национальной безопасности и инструмент удовлетворения общественных потребностей. В этом контексте финансовые отношения, являясь разновидностью экономических, приобретают самостоятельное значение в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Их нарушение затрагивает не только имущественные интересы отдельных субъектов, но и устойчивость финансово-кредитной системы, стабильность денежного обращения и, в конечном счете, экономическую безопасность государства.

Особое значение данное положение имеет применительно к составу неправомерного оборота средств платежей. В нем непосредственным объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие законность, надежность и стабильность функционирования платежных инструментов, а также доверие к ним со стороны граждан, организаций и финансовых институтов. Тем самым состав ст. 187 УК РФ направлен на охрану именно финансовых отношений, образующих структурную основу современной экономики и выступающих гарантией нормального оборота имущественных благ.

В экономико-правовой литературе финансы традиционно определяются как система денежных отношений, возникающих в процессе формирования, распределения и использования фондов денежных средств государства, муниципальных образований и хозяйствующих субъектов. Их основное предназначение состоит в обеспечении реализации функций государства, создании условий для расширенного воспроизводства и контроле за удовлетворением общественных потребностей. Наиболее ярко сущность финансов проявляется на стадии распределения и перераспределения валового общественного продукта и национального дохода, когда они служат инструментом балансировки интересов личности, общества и государства.

Полагаем, стоит согласиться с мнением М.В. Карасевой, предлагающей рассматривать в содержании финансовых отношений денежные отношения,

возникающие на стадии распределения общественного продукта и принимающие форму финансовых ресурсов [3]. Автор выделяет две ключевые группы таких отношений:

- отношения, связанные с формированием и использованием централизованных фондов денежных средств, включая уплату налогов и неналоговых платежей, распределение бюджетных средств и функционирование внебюджетных фондов;

- отношения, опосредующие формирование и использование децентрализованных фондов хозяйствующих субъектов, связанных с распределением доходов и прибыли.

Учитывая изложенные выше особенности, представляется возможным выделить основные качественные признаки финансовых отношений как родового объекта уголовно-правовой охраны. Во-первых, они представляют собой исключительно денежные отношения, выражающиеся в движении стоимости в денежной форме и не предполагающие эквивалентного обмена. Во-вторых, финансовые отношения носят распределительный характер, поскольку возникают не на стадиях производства, обмена или потребления, а в процессе перераспределения стоимости между различными звеньями экономической системы. В-третьих, им присуща безэквивалентность, выражающаяся в одностороннем движении денежных средств (например, при уплате налогов или иных обязательных платежей), что отличает их от отношений товарного обмена. В-четвертых, реализация финансовых отношений осуществляется через систему централизованных и децентрализованных денежных фондов, обладающих целевым назначением и относительной самостоятельностью функционирования, что придает им институционально оформленный характер.

Следует подчеркнуть, что финансовые отношения обладают властно-имущественной природой, сочетая в себе элементы публичного (властного) регулирования и имущественного содержания. Они возникают по поводу денежных ресурсов, как в части поступления средств в доход государства, так и их расходования, и тем самым непосредственно связаны с обеспечением устойчивости и надежности финансовой системы.

Неправомерный оборот средств платежей затрагивает не только сферу безналичных расчетов, но и значительно более широкий комплекс финансовых отношений, охватывающих использование электронных и цифровых платежных инструментов, а также цифрового рубля [4]. Эти процессы обуславливают необходимость переосмысления объекта уголовно-правовой охраны с учетом трансформации финансовой системы и появления новых угроз ее стабильности.

В продолжение данного тезиса представляется справедливой позиция Е.А. Соловьевой, которая обосновывает, что непосредственным объектом

преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок обращения средств платежа, тогда как факультативным объектом следует считать имущественные интересы физических и юридических лиц [5]. Данный подход заслуживает поддержки, поскольку точно отражает двойственную природу платежных отношений: с одной стороны, они регулируются публично-правовыми механизмами, обеспечивающими законность и устойчивость платежной системы, а с другой – опосредуют частноправовые имущественные связи между участниками экономического оборота.

При этом следует подчеркнуть, что презумпция правомерности использования платежных инструментов возможна лишь при строгом соблюдении установленных законом правил эмиссии и функционирования платежных систем. Право на выпуск (эмиссию) средств платежа принадлежит оператору платежной системы, а право их использования – исключительно законному держателю. Нарушение этого порядка разрушает доверие к платежной инфраструктуре, подрывает стабильность финансовой системы и делает невозможной идентификацию принадлежности имущественных прав конкретным субъектам.

Таким образом, устойчивость системы безналичных и электронных расчетов прямо коррелирует с устойчивостью законного порядка обращения средств платежей, что подтверждает необходимость выделения соответствующих общественных отношений в качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

В то же время ошибочным представляется отождествление непосредственного объекта данного состава исключительно с «порядком оборота средств платежей», поскольку подобный подход ведет к искусственному расширению пределов уголовно-правовой охраны. Показателен пример цифрового рубля, являющегося третьей, наряду с наличной и безналичной формами, разновидностью национальной валюты Российской Федерации. Несмотря на то, что цифровой рубль выполняет функции средства платежа, его незаконная эмиссия или введение в обращение образует состав иного преступления – ст. 186 УК РФ, направленной на защиту денежного обращения. Следовательно, объект преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, не тождественен объекту преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ, и требует более точного определения с учетом границ между денежными и платежными отношениями.

Исходя из изложенного, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, следует признавать общественные отношения, обеспечивающие законность, устойчивость и надежность функционирования

платежных систем, включая установленный порядок эмиссии, использования и обращения средств платежа, вне зависимости от их формы: традиционной, электронной или цифровой. При этом уголовно-правовая охрана распространяется не только на национальную платежную систему, но и на иностранные платежные системы, легально действующие на территории Российской Федерации [6]. Такая позиция согласуется с современными тенденциями интернационализации финансового оборота и соответствует обязательствам России в рамках ЕАЭС, БРИКС, ШОС, ЕС, ОЭСР и FATF, где особое внимание уделяется обеспечению прозрачности транснациональных платежных операций и противодействию их криминализации.

Таким образом, родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере экономики; видовым объектом – отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности; а непосредственным объектом – отношения, обеспечивающие законность и устойчивость функционирования платежных систем и средств платежа в их различных формах. В качестве дополнительного (факультативного) объекта выступают имущественные интересы физических и юридических лиц, затрагиваемые вследствие неправомерного оборота средств платежей. В зависимости от конкретных обстоятельств деяния они могут иметь обязательное либо факультативное значение – от причинения прямого имущественного ущерба до создания угрозы его возникновения.

Следовательно, объект преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, носит комплексный характер, объединяя публично-правовые отношения, направленные на обеспечение устойчивости финансовой системы и доверия к платежным инструментам, с частноправовыми интересами участников экономического оборота, требующими эффективной уголовно-правовой защиты от неправомерных посягательств.

Литература

1. Нудель, С. Л. Категория «нравственность» в контексте задач уголовного законодательства // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 12. – С. 53–60.
2. Нудель, С. Л. Уголовная политика Российской Федерации в области обеспечения финансовой безопасности // Журнал российского права. – 2021. – № 7. – С. 81–93.
3. Карасева, М. В. Финансовое правоотношение. Монография. – Москва: Норма, 2001. – 288 с.

4. Борануков, А. М. Проблемные аспекты уголовной ответственности за неправомерный оборот средств платежей // Закон и право. – 2021. – № 5. – С. 123–125.

5. Соловьева, Е. А. Преступления, совершаемые в платежных системах: дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов, 2019. – 254 с.

Васильева, Е. Г. Цифровая валюта: уголовно-правовой аспект // Вестник СурГУ. – 2021. – № 2(32). – С. 91–98.

Соболева Анастасия Евгеньевна,
адъюнкт кафедры
управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России

Категория целесообразности в уголовном судопроизводстве: понятие и сущность

В современном уголовном процессе категория целесообразности приобретает особую значимость в связи с тенденциями гуманизации уголовной политики. Введение альтернативных мер уголовной ответственности и развитие института примирительных процедур требуют поиска баланса между формальной законностью и эффективным разрешением уголовных дел. При этом отсутствие четкого доктринального оформления категории целесообразности порождает риск ее смешения с произволом, что актуализирует необходимость разработки научно обоснованных критериев [1].

Понятие «целесообразность» традиционно трактуется как соответствие действия заранее определенной цели [2], а в праве – как способность правоприменительного выбора обеспечивать достижение задач отрасли без выхода за пределы закона. В уголовном процессе это означает принятие решений, одновременно отвечающих букве и духу закона, назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), принципу законности (ст. 7 УПК РФ) и требованиям справедливости. Дискуссионность категории обусловлена ее пограничностью: целесообразность опирается на усмотрение, но не тождественна произволу. Практическая значимость темы возрастает в условиях расширения альтернатив наказанию и развития восстановительных практик.

Еще античная мысль поднимала проблему соотношения «пользы» и «правды» (справедливости): неписанные нормы естественного права рассматривались как моральное основание писаных законов, придавая последним устойчивость и легитимность. В рамках классического позитивизма закрепились установка, что всякая законная норма целесообразна сама по себе, поскольку выражает публичный интерес. Данное понимание обеспечивало

стабильность правопорядка, но одновременно порождало формализм, ярким выражением которого стала римская максима «Fiat Justitia, ruat caelum» («Да свершится правосудие, пусть даже рухнет небо»). Исторический опыт свидетельствует, что слепое следование букве закона при игнорировании его социальной функции ведет к дефициту материальной справедливости, что актуализирует потребность в инструменте, позволяющем адаптировать применение норм к конкретным обстоятельствам без разрыва с принципом законности.

Такой инструмент и описывает категория целесообразности, которая в философском и правовом смысле понимается как соответствие результата заранее поставленной цели. Античные мыслители указывали на необходимость морального основания закона как гарантии его справедливости, в то время как римская правовая традиция акцентировала абсолютное соблюдение формальных требований, что обеспечивало стабильность, но вело к формализму. В условиях современного правового государства акцент смещается на поиск баланса: законность должна дополняться целесообразностью, обеспечивающей реальную практическую эффективность правосудия [3].

Подобный подход фактически разделялся многими представителями отечественной юридической науки. Так, М.С. Строгович включал ее в состав законности, указывая, что она конкретизирует ее содержание [4]. С.В. Познышев рассматривал ее как элемент усмотрения, позволяющий достичь максимально эффективного результата. М.А. Чельцов и П.С. Элькинд подчеркивали, что целесообразность допустима лишь в пределах закона, а А.Я. Вышинский утверждал, что целесообразность фактически растворяется в самой норме права [5–8].

Целесообразность в уголовном судопроизводстве не может рассматриваться изолированно, она соотносится с ключевыми принципами процесса и реализуется только в их рамках. Так, в связке с назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) она выступает инструментом достижения материального равновесия при неизменном сохранении процессуальных гарантий. В контексте законности (ст. 7 УПК РФ) целесообразность не подменяет действие нормы, а служит ориентиром при выборе между несколькими допустимыми законом альтернативами. В условиях состязательности и равноправия сторон (ст. 15 УПК РФ) целесообразность выражается в прозрачности переговорных процедур, возможности заявлять возражения и реализовывать право на обжалование. Относительно требования об уважении прав личности (ст. 9 УПК РФ) она проявляется в необходимости защиты интересов как потерпевшего, так и обвиняемого, а также в недопустимости ухудшения положения участников без веских и объективных

оснований. Наконец, принцип разумного срока (ст. 6.1 УПК РФ) получает дополнительное содержание за счет целесообразного использования процессуальных ресурсов: решения, принятые с учетом их практической пользы, позволяют сократить продолжительность процесса без ущерба для качества и полноты правосудия.

Целесообразность не тождественна усмотрению и произволу. Усмотрение – предоставленная законом свобода выбора между несколькими правомерными альтернативами [4]. Целесообразность – критерий выбора варианта, который наилучшим образом служит задачам правосудия, правам личности и публичным интересам при соблюдении принципов законности и пропорциональности [5; 6]. Произвол – выбор вне правовых пределов (или вопреки им) ради нелегитимных целей [7]. Разграничение возможно через обязательные элементы мотивировки и контроля: 1) указание цели решения (связь со ст. 6 УПК РФ); 2) фиксацию правовых оснований и пределов; 3) анализ альтернатив и их последствий; 4) оценку пропорциональности вмешательства; 5) ссылку на внешнюю проверяемость (контроль суда/прокурора) [1].

На основе изученной литературы и научных трудов сформулировано авторское определение «целесообразности» – как обусловленной назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и ограниченной рамками закона возможности уполномоченных субъектов принимать процессуальные решения, направленные на справедливый, эффективный и социально оправданный результат, при соблюдении принципов законности, пропорциональности и правовой определенности, с обязательной проверяемостью мотивов и последствий.

Целесообразность проявляется в ряде институтов УПК РФ:

- прекращение по примирению сторон (ст. 25 УПК РФ) – баланс частных и публичных интересов; проверка добровольности, возмещения вреда, отсутствия угроз общественной безопасности;

- прекращение в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) – оценка посткриминального поведения, своевременности содействия и полноты возмещения;

- прекращение с назначением судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) – минимизация репрессивности при достижении целей наказания и превенции;

- досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) – взвешивание общественной пользы раскрытия преступлений и смягчения ответственности; требования к проверяемости сведений и недопущение «торга справедливостью»;

- иные формы восстановительного подхода – медиативные/примирительные практики (в рамках действующих норм УПК РФ)

и с учетом общих принципов), ориентированные на устранение вреда и ресоциализацию при процессуальных гарантиях.

В результате проведенного исследования можно констатировать, что целесообразность в уголовном процессе представляет собой не факультативное, а системообразующее начало, обеспечивающее гибкость правоприменения при строгом соблюдении принципа законности. Анализ историко-правовых предпосылок, философских концепций и доктринальных подходов показал, что на протяжении веков категория целесообразности понималась либо как угроза стабильности права, либо как инструмент его гуманизации и адаптации к меняющимся социальным условиям. Современное уголовное судопроизводство демонстрирует потребность в институциональном признании целесообразности в качестве оценочного критерия, позволяющего учитывать индивидуальные обстоятельства дела, баланс интересов личности и общества, а также необходимость процессуальной экономии.

Систематизация рисков и злоупотреблений, а также предложения *delegelata* и *delegeferenda* свидетельствуют о необходимости как практического совершенствования действующих процедур прокурорского и судебного контроля, так и нормативного закрепления стандартов мотивировки при использовании альтернативных институтов уголовного судопроизводства. В совокупности данные меры обеспечат гармоничное соотношение законности и целесообразности, позволят укрепить принципы справедливости и гуманизма, а также повысят эффективность уголовной политики в целом.

Литература

1. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – Санкт-Петербург: Юридический центр – Пресс, 2002. – 544 с.
2. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Ст. «Целесообразность».
3. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – Москва: Юрайт, 2025. – 607 с.
4. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. – Москва: Наука, 1970. – 516 с.
5. Познышев, С. В. Основные вопросы учения о наказании: Исслед. прив.-доц. Имп. Моск. ун-та С.В. Познышева. – Москва: Университетская типография, 1904. – 407 с.
6. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс. – Москва: Юриздат, 1951. – 624 с.
7. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – Москва: Госюриздат, 1941. – 352 с.

8. Элькинд, П. С. Вопросы теории доказательств в советском уголовном процессе. – Москва: Юридическая литература, 1970. – 179 с.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. действующая) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 16.10.2025).

Сотникова Юлия Николаевна,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат философских наук

Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях частного обвинения

Уголовные дела частного обвинения представляют собой по своей сути обвинение одного частного лица другим частным лицом. Поводом для возбуждения уголовного дела частного обвинения является заявление потерпевшего. Обвинение по таким делам поддерживается самим потерпевшим.

В соответствии со ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации к делам частного обвинения относятся преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ч. 1 ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), ч. 1 ст. 128.1 УК РФ (клевета) [1].

С 27 декабря 2018 года подсудность ч. 1 ст. 116.1 УК РФ отнесена к районным судам. Но вся процедура рассмотрения уголовных дел частного обвинения закреплена в главе 41 УПК РФ «Производство по уголовным делам, подсудным мировому судье».

Такие преступления в силу требований УПК РФ относятся к делам частного обвинения, так как они не представляют значительную угрозу для общества, как правило, совершаются по личным мотивам, на бытовой почве, что говорит о нецелесообразности вмешательства государства в частную жизнь граждан [2]. Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства раскрытие таких преступлений не требует проведения следственных действий для доказывания вины обвиняемого. Но часто по уголовным делам частного обвинения необходимо провести такие следственные действия, например, назначить судебную экспертизу для определения характера и степени вреда, причиненного здоровью потерпевшего.

Безусловно, у данного института есть положительные стороны, такие как упрощенный доступ к правосудию, возможность прекращения уголовных дел частного обвинения в порядке ч. 2 ст. 20 УПК РФ в связи с примирением с потерпевшим.

Однако скорый и упрощенный доступ к правосудию частных обвинителей не всегда возможен по причине отсутствия у них соответствующего образования и квалификации. Часто такие преступления совершаются на бытовой почве между близкими людьми, соседями, склонными к конфликтным ситуациям. Большая часть заявлений о возбуждении уголовных дел частного обвинения не могут быть приняты судьями к производству из-за их ненадлежащего оформления и не соответствия требованиям, установленным ч. 5 и ч. 6 ст. 318 УПК РФ.

Согласно процессуальным нормам функции обвинения, изложение в заявлении события преступления, обстоятельства его совершения, сведения о лице, которое хотят привлечь к уголовной ответственности, другие доказательства, список свидетелей передаются в силу правовых норм потерпевшему (частному обвинителю). По своей сути заявление потерпевшего о привлечении лица к уголовной ответственности является обвинительным актом. К заявлению необходимо приобщить достоверные доказательства обвинения, обладающие свойством допустимости.

Как показывает практика, потерпевшие по данной категории дел не всегда могут осуществлять сбор соответствующих сведений и доказательств самостоятельно. Это обусловлено в том числе отсутствием у них властных полномочий, которыми обладают дознаватели, судьи и т.д. Все предоставленные потерпевшим доказательства по уголовному делу не имеют государственно-властного признака.

Специальными публичными государственно-властными полномочиями по приобщению доказательств к материалам уголовного дела, их оценке обладает суд, наделенный также правом оценки представленных доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Роли потерпевшего и обвиняемого в уголовном процессе по делам частного обвинения отличаются не в пользу частного обвинителя даже по той причине, что при рассмотрении дела обвиняемому суд обязан предоставить адвоката за счет федерального бюджета. Потерпевший (частный обвинитель) имеет право пользоваться услугами представителя, с которым он может заключить договор, оплатив его услуги. Потерпевший (частный обвинитель) обязан доказывать фактические обстоятельства по делу данной категории. Он обязательно предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос о совершении преступления. Обязанность поддерживать

обвинение в суде по делам частного обвинения также возлагается на потерпевшего в силу требований ст. 43 УПК РФ.

Учитывая вышеизложенное, материалы уголовного дела частного обвинения, содержащие письменные, а иногда и вещественные доказательства, собирает потерпевший (частный обвинитель), в том числе при помощи суда (при наличии соответствующего ходатайства). При этом основной функцией суда является правосудие, а не сбор доказательств по делу.

Судья по собственной инициативе не собирает доказательства по делам частного обвинения, так как это не согласуется с принципом состязательности сторон в уголовном процессе. Также судья не дает поручения органу дознания о производстве следственных действий по уголовному делу частного обвинения, которое находится у него в производстве. Такие поручения не будут эффективными, поскольку производство судебной экспертизы может назначить судья самостоятельно, равно как и допросить участников процесса. Однако у судьи есть право истребовать сведения, имеющие значение для уголовного дела, при отсутствии соответствующего ходатайства.

Из практики рассмотрения уголовных дел данной категории усматривается, что судья, разрешая ходатайство стороны об истребовании и исследовании доказательства, не осуществляет функцию стороны обвинения или стороны защиты и не проявляет несвойственную ему как органу правосудия инициативу – он лишь использует властные полномочия, которые в судебных стадиях уголовного судопроизводства имеются у него и отсутствуют у сторон [3].

Процессуальные особенности собирания доказательств по уголовным делам частного обвинения отчасти свидетельствуют о неэффективности данной категории дел, с точки зрения неотвратимости наказания в том числе. Как показывает практика, многие дела о преступлениях частного обвинения прекращают в судах, по ним выносят оправдательные приговоры. Мы полагаем, что упразднение данной категории дел не является правильным решением, необходима трансформация данного правового института.

Вопросы, изложенные в данной статье, неоднократно являлись предметом дискуссий в юридической литературе. Учеными предлагались изменения в законодательство, связанные с отнесением вышеперечисленных противоправных деяний в разряд административных правонарушений и исключением понятия уголовных дел частного обвинения из уголовно-процессуального закона путем их отнесения к делам частно-публичного обвинения [4].

Учитывая изложенное, полагаем, что необходимо урегулировать некоторые процессуальные вопросы по уголовным делам частного обвинения, особенно в части сбора и предоставления доказательств по уголовным делам.

Отнесение дел частного обвинения к частно-публичным упростит сбор доказательств, позволит направлять такие уголовные дела в соответствующие суды с обвинительным актом. Как правило, суды принимают заявления по уголовным делам о преступлениях частного обвинения только при наличии медицинской справки, заключение судебно-медицинской экспертизы к заявлению не приобщается, поскольку такого основания для отказа в принятии заявления УПК РФ не предусматривает. Судья имеет право вынести постановление о назначении соответствующей судебной экспертизы, однако ее проведение увеличивает срок рассмотрения уголовного дела.

Это один из немногих примеров нарушения прав граждан – участников уголовного судопроизводства, связанный с длительным принятием итогового решения по делу. Вынесение приговора суда возможно только после исследования всех доказательств по уголовному делу. У частного обвинителя не всегда есть возможность представить судье все необходимые доказательства.

Полагаем, что сбор доказательств по уголовным делам любой категории является функцией оперуполномоченных, участковых уполномоченных полиции, дознавателей, следователей. При обращении в органы полиции по делам частного обвинения граждане могут оперативно получить необходимую помощь, связанную с расследованием преступлений.

Предварительное расследование уголовных дел о вышеперечисленных преступлениях квалифицированными сотрудниками правоохранительных органов согласуется прежде всего с принципами законности, доступа к правосудию, неотвратимости наказания.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2021 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 29.09.2025).

2. Тихонов, В. А. Особенности доказывания по делам частного обвинения // Вестник науки и творчества. – 2024. – № 1(92). – С. 24–27.

3. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.А. Школьник [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2023 г. № 36-П // Консультант

Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 29.09.2025).

4. Михеев, Д. С. О некоторых проблемах рассмотрения уголовных дел частного обвинения // Российский судья. – 2024. – № 10. – С. 34–38.

Таран Александра Владимировна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Интеллектуальные системы поддержки принятия решений следователями на стадии возбуждения уголовного дела

Применение интеллектуальных систем поддержки принятия решений кардинально повышает продуктивность начального этапа расследования преступлений. Такие инновационные технологии обеспечивают следователям эффективные инструменты для глубокого анализа обширных массивов данных, выявления ключевых зависимостей и формулирования научно обоснованных рекомендаций, что существенно способствует повышению обоснованности и правильности процессуальных решений.

Современная практика предварительного следствия характеризуется значительным объемом информации, требующей быстрой и точной обработки, что подчеркивает важность внедрения интеллектуальных систем поддержки принятия решений. Следователям приходится обрабатывать значительные объемы информации, которые включают в себя свидетельские показания, вещественные доказательства и выводы экспертов по назначенным судебным экспертизам, что предопределяет обязательность использования автоматизированных средств для благополучного расследования.

Интеллектуальные системы значительно уменьшают объем времени на первоначальную обработку сведений, предоставляя следователям значимую и проверенную информацию для законного принятия решений. Вместе с тем такие системы способны устанавливать скрытые связи между различными категориями преступлений, облегчая сбор доказательной базы на первоначальном этапе, что позволяет эффективнее организовать данный этап расследования и повысить его результативность.

Использование технологий искусственного интеллекта позволяет минимизировать предвзятость в действиях следователей, обеспечивая рост объективности и прозрачности предварительного расследования.

Внедрение интеллектуальных систем с информационными ресурсами правоохранительных органов даст способность оперативно получать важные сведения об участниках уголовного судопроизводства по конкретному расследуемому уголовному делу и аналогичных ситуациях, при этом давая возможность следователям сосредотачиваться на сложных аналитических задачах. Такие системы уменьшают риск совершения технических ошибок и разных упущений при оформлении материалов проверок и улучшают качество составления процессуальных документов.

Интеграция инновационных решений усовершенствует рабочий процесс органов предварительного следствия, освободит их от трудоемких повседневных операций, в то же время увеличивая общую производительность труда.

Необходимость интеллектуализации стадии возбуждения уголовного дела определена возрастающими требованиями к качеству и скорости реагирования следственных органов на совершенные правонарушения, диктуемыми современными условиями общественной безопасности.

Автоматизация заметно оптимизирует рабочую нагрузку на следователей, избавляя их от многочисленных процедур сбора и обработки исходных данных, что позволяет принимать точные и обоснованные решения, гарантирует оперативный доступ к актуальной криминалистической информации, необходимой для детального анализа ситуации и компетентного планирования последующих действий.

Алгоритмы машинного обучения позволяют обнаруживать латентные закономерности и корреляции в больших массивах данных, тем самым существенно упрощая задачу следователя по поиску значимых признаков и фактов. Сокращение временных затрат благодаря автоматизации положительно сказывается на сроках предварительного следствия, ускоряя процесс возбуждения уголовных дел. Также возможность параллельной обработки множества запросов и документов значительно ускоряет проведение первичных проверочных мероприятий.

Применение технологий интеллектуальной поддержки способствует формированию объективного представления о произошедшем событии и помогает избежать необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела. Оптимизированные процессы позволяют следователю уделять больше внимания тактическим аспектам расследования, разрабатывая стратегию выявления преступления и привлечения виновных лиц.

Однако, несмотря на очевидные преимущества интеллектуальных систем поддержки принятия решений следователями, их внедрение сопряжено с рядом серьезных трудностей. Среди основных препятствий выделяются этические дилеммы, вызванные угрозой нарушения приватности персональных данных

граждан. Не менее значимым барьером выступают юридические ограничения, возникающие ввиду отсутствия полноценного законодательного регулирования данной сферы. Следующая группа проблем включает трудности организационного характера, связанные с необходимостью перестройки привычных рабочих процессов и сопротивлением сотрудников к переменам. Дополнительным риском становится нехватка квалифицированного персонала, готового грамотно эксплуатировать и обслуживать высокотехнологичные системы. Финансовые расходы на реализацию проектов по цифровизации представляют собой еще одну существенную проблему, особенно ощутимую для организаций небольших размеров.

Успешное объединение интеллектуальных систем с существующими информационными платформами правоохранительных органов служит залогом успешной реализации инновационных технологий. Высокий уровень совместимости новых решений с действующей инфраструктурой ускоряет освоение современных инструментов сотрудниками. Стандартизация форматов хранения и передачи данных существенно упрощает процесс интеграции и минимизирует риски потерь критически важной информации. Технологическое объединение существующих ресурсов и инновационных продуктов укрепляет взаимодействие подразделений внутри правоохранительной структуры.

Не стоит забывать, что одним из важнейших аспектов внедрения интеллектуальных систем поддержки принятия решений следователями является подготовка сотрудников правоохранительных органов к эффективному использованию новых технологий. В связи с чем актуальна разработка специализированных учебных программ и методических рекомендаций и пособий, которые будут учитывать функциональные особенности внедряемых систем и специфику профессиональной деятельности следователей.

Кроме того, предлагается организация образовательного процесса, доступного круглосуточно, с использованием электронного формата учебных пособий и инструкций. Последовательные очные занятия, семинары и отработка практических способностей будут содействовать регулярному обновлению профессиональных навыков и обеспечению высокого уровня квалификации сотрудников.

Таким образом, интеллектуальные системы поддержки принятия решений являются мощным инструментом, существенно повышающим эффективность деятельности следователей на этапе возбуждения уголовного дела. Их способность обрабатывать огромные объемы информации, выявлять скрытые зависимости и вырабатывать обоснованные рекомендации оказывает значительное положительное воздействие на ход досудебного разбирательства. Несмотря на имеющиеся препятствия, такие как недостаток правовых норм,

высокие финансовые затраты и проблемы адаптации сотрудников, перспективы развития данных технологий весьма многообещающи. Последующее улучшение алгоритмов анализа данных, расширение предиктивной аналитики и укрепление информационно-технологической инфраструктуры укрепят потенциал интеллектуальных систем.

Вместе с тем дальнейшее повышение профессионального уровня сотрудников и разработка соответствующих образовательных программ станут важнейшими факторами успеха. В конечном итоге интеллектуализированные решения преобразуют практику предварительной проверки сообщений о преступлениях, создавая предпосылки для качественного улучшения работы правоохранительных органов и укрепления общественного порядка.

Литература

1. Информационная система поддержки принятия процессуальных решений / Р. Р. Рзаев, Ф. Б. Агаев, А. И. Гоюшов, З. Р. Джамалов // Системы и средства информатики. – 2016. – Т. 26, № 1. – С. 182–198.

Трусов Александр Игоревич,
начальник кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук

Особенности применения нового основания прекращения уголовного преследования

Внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство в части расширения перечня оснований прекращения уголовного преследования связано с добавлением нового основания, в связи с прохождением военной службы (ст. 28.2 УПК РФ).

Указанные изменения носили двухэтапный характер, и изначально законодатель реанимировал институт отсрочки исполнения приговора в военное время, существовавший ранее в советском законодательстве, не предусмотрев внесения изменений в действующий Уголовный кодекс РФ, а также механизм как приостановления, так и прекращения уголовного преследования по таким делам в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. С целью недопущения неизбежных коллизий и ошибок следственной и судебной практики последовали очередные изменения, устранившие пробелы такого регулирования [1, с. 29–35].

Прекращение уголовного дела в связи с прохождением военной службы допустимо не по всем составам преступлений (исключения определены ч. 1 ст. 78.1 УК РФ), предусмотрено для конкретных лиц, не возражающих против этого, и требует соблюдения ряда условий.

Новизна внесенных изменений выражена в юридической конструкции, основанной на нормах материального и процессуального права, а также в категории лиц, на которых она рассчитана. Конечно же, о последнем обстоятельстве можно говорить весьма условно, ведь действующий УК РФ не впервые определяет специальный круг лиц.

Само название ст. 78.1 УК РФ не содержит самостоятельного основания освобождения от уголовной ответственности, а отражает обстоятельства, при наступлении которых такое освобождение возможно, и соответствующий круг лиц. Что не является новым подходом для законодателя: аналогичное название имеет ст. 76.2 УК РФ. В такой же логике сформулирована и процессуальная основа: ни название, ни содержание ст. 28.2 УПК РФ не отражают основания прекращения уголовного преследования. Прекращение уголовного преследования и освобождение от уголовной ответственности возможны лишь при награждении государственной наградой, увольнении с военной службы по строго определенным основаниям или в связи с окончанием боевых действий. Причем указанные обстоятельства являются самостоятельными и не зависят друг от друга: решение о прекращении будет принято как при их совокупности, так и при наличии одного из них [2, с. 75–83].

Среди особенностей, выделяющих данный вид освобождения от уголовной ответственности из всех ранее рассмотренных, можно выделить следующие:

1) законодательно не предусмотрено требование о совершении преступления впервые;

2) освобождение от уголовной ответственности предусмотрено, в частности, по тяжким и особо тяжким составам преступлений (за исключением обозначенных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ);

3) не предусмотрено требование возместить ущерб потерпевшему или загладить причиненный преступлением вред, как и необходимость способствовать раскрытию или расследованию совершенного преступления;

4) действие данной нормы распространяется на определенные промежутки времени и на строго установленную категорию лиц;

5) условиями освобождения от уголовной ответственности выступают конкретные юридические события, которые не зависят от волеизъявления лица, совершившего преступление, или потерпевшего, то есть имеют объективный характер: призыв на военную службу, получение государственной награды, окончание мобилизации или военного времени, увольнение с военной службы.

Таким образом, указанные особенности делают рассматриваемый вид освобождения от уголовной ответственности специальным, не в части отражения самого основания, а отражения обстоятельств, наступление которых делает освобождение допустимым.

Литература

1. Колесник, В. В. Понятие договорных уголовно-процессуальных отношений (часть 1) / В. В. Колесник, П. С. Пастухов // Российский судья. – 2025. – № 3. – С. 29–35.
2. Стельмах, В. Ю. Прекращение уголовного преследования мобилизованного военнослужащего / В. Ю. Стельмах // Уголовное право. – 2024. – № 11. – С. 75–83.

Уваров Игорь Алексеевич,
доцент кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Пенитенциарное насилие как социальная проблема

Насилие традиционно относится к одной из наиболее проблемных сфер социальных отношений. Особое внимание к этой проблеме обусловлено тем, что от него страдают наименее защищенные члены различных социальных образований. Законодатель активно старается найти наиболее приемлемые с точки зрения адекватной правоприменительной практики средства воздействия на противоправное насилие.

Специалисты в области криминологии и социологии фиксируют в качестве обстоятельств, детерминирующих рост насильственных деликтов, изменение социально-экономической ситуации в стране. Следствием этих изменений являются негативные тенденции, определяющие уровень и качество жизни основной массы населения. В социокультурной сфере фиксируются тенденции потери традиционных для нашей страны духовно-нравственных ориентиров. Все это не могло не отразиться и на состоянии и структуре преступности.

В сфере наших научных интересов находится пенитенциарная профилактика как одна из форм противодействия преступности в нашей стране. Для пенитенциарного социума как специфического социального образования насилие может рассматриваться как один из базовых – системообразующих – его элементов. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных

авторов убедительно доказывают, что насилие оказывает влияние на психологический климат в пенитенциарном социуме. В силу своей конфликтогенности оно здесь рассматривается как причина социальной напряженности во всех стратификационных категориях, образующих пенитенциарный социум.

В поздние годы существования советской исправительно-трудовой системы ведущий отечественный криминолог И.И. Карпец предлагал выделить пенитенциарное насилие в самостоятельное научное направление [1, с. 285]. Однако такое видение проблемы не вписывалось в существовавшую в тот период государственную пенологическую доктрину, и идея не получила своего развития. Справедливости ради необходимо отметить, что отдельные криминологи-новаторы предпринимали попытки рассмотрения некоторых аспектов данного вида противоправной деятельности осужденных [2, 3]. Авторы исходили из того, что физическое насилие является широко распространенным в системе социальных отношений осужденных, что говорило о криминогенной природе пенитенциарного социума. Базовым императивом здесь выступали представления о том, что в замкнутом пространстве исправительного учреждения концентрировались лица, имеющие криминальный опыт. Другим, не менее криминогенным фактором в этой среде, по мнению специалистов, выступало то, что данное социальное образование формировалось исключительно по половому признаку [4] (отдельные авторы путают его с гендерным) [5]. Одного этого фактора было вполне достаточно для повышенной агрессивности такой среды. Причем эмпирические исследования фиксировали повышенную агрессивность не только среди осужденных мужчин, но и женщин [6].

Все вышесказанное позволяет констатировать не только факт наличия в среде осужденных специфических форм насильственных посягательств, но и выделить специфические факторы, его детерминирующие. К сожалению, до настоящего времени в пенитенциарной криминологии этому направлению не уделяется достаточно внимания [7, с. 149-170]. Чего нельзя сказать о решении аналогичной проблемы органами внутренних дел, которые постоянно взаимодействуют с органами власти и местного самоуправления. Практически все субъекты Российской Федерации воспользовались правом регионального нормотворчества и приняли соответствующие законы. Единственным недостатком такой нормотворческой деятельности является крен в сторону такого вида противоправного посягательства, как домашнее насилие. Не отрицая факт актуальности данной криминологической проблемы, мы все же не склонны исключать ее детерминированности другими формами и видами криминального насилия.

Говоря же о проблемах предупреждения пенитенциарного насилия, очень важно определить характер тех отношений, которые являются менее криминогенными в среде осужденных. Традиционно это предлагают относить к деятельности соответствующих структурных подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы. С такого рода постановкой проблемы можно согласиться лишь отчасти. Принципы формирования пенитенциарного социума строятся исключительно на системе неформальных норм, на которые сотрудники исправительных учреждений не всегда могут иметь влияние. Более того, сталкиваясь с такими фактами по роду своей профессиональной деятельности, многие сотрудники не могут демонстрировать эффективное воздействие в силу незнания или непонимания специфики неформальных отношений в пенитенциарном социуме.

С целью установления наиболее уязвимых направлений в качественной оценке такого негативного явления, как пенитенциарное насилие в деятельности исправительных учреждений, нами был проведен опрос экспертов. В число экспертов нами были включены руководители различных структурных подразделений исправительных учреждений, которые непосредственно контактируют с осужденными. Ранее мы неоднократно обращали внимание на то, что многие «исследователи» не знают характера работы каждого из структурных подразделений исправительных учреждений. Вследствие чего допускают ряд методологических ошибок как в вопросах, касающихся выбора респондентов, так и в формулировках задач эмпирического обоснования.

Непосредственными субъектами противодействия пенитенциарному насилию в исправительных учреждениях являются сотрудники отдела безопасности и оперативного отдела. Именно из их числа нами выбирались эксперты. Помимо формального признака принадлежности респондента к соответствующему подразделению, нами был выбран еще и качественный критерий – опыт работы в должности руководителя соответствующего структурного подразделения не менее пяти лет.

Основная масса экспертов подтвердили, что в своей профессиональной деятельности они сталкивались с применением насилия осужденными в отношении других осужденных, – 98,6%. В то же время достаточно незначительное количество опрошенных подтвердили факты применения мер безопасности в отношении осужденных со стороны сотрудников отделов безопасности – 11,3%. По мнению экспертов, чаще всего применяют насилие те осужденные, которые характеризуются отрицательно, – 69,7%. К их числу относятся не только те, которые злостно нарушают установленный порядок и условия отбывания наказания, но и те, кто является активными членами

пенитенциарного сообщества. Ранее проведенные нами исследования фиксировали, что насилие выступает в качестве основного средства неформального воздействия представителей пенитенциарного сообщества в отношении иных лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы [8].

По мнению экспертов, объектами пенитенциарного насилия чаще всего становятся осужденные с низким неформальным статусом, как правило, из числа так называемых отвергаемых. Незначительная часть указала в качестве жертв насилия осужденных из числа так называемых мужиков (около 5%). По мнению экспертов, насилие в отношении отвергаемых носит системный характер и не имеет сдерживающих императивов в неформальных нормах. Признание этой проблемы говорит о ее остроте в части, касающейся предупреждения пенитенциарного насилия.

Эксперты отмечают, что в пенитенциарном социуме в большей степени эта проблема осознается представителями разных социальных объединений осужденных. Кроме того, эксперты вынуждены констатировать, что в реально сложившейся ситуации у представителей администрации исправительного учреждения не так много возможностей для предотвращения такого рода насильственных проявлений. Одной из проблем такого распространения насильственных форм разрешения спорных ситуаций в среде осужденных эксперты называют наличие неформальных отношений традиционного характера (80,5% – сотрудники оперативных отделов и 71% – сотрудники отделов безопасности). Респонденты констатируют, что насилие – это социально-психологическая проблема, отражающая характер отношений в закрытой социальной среде. Осужденные, ставшие жертвой насилия со стороны других осужденных, воспроизводят такой тип поведения в отношении более слабых оппонентов. Опрошенные сотрудники отмечают, что такого рода причина стоит на первом месте в отношении «отвергаемых» – 71,3%, и на втором в отношении равных по неформальному статусу, но физически слабых – 48,1%. Более половины экспертов констатируют, что насилие в пенитенциарном социуме рассматривается в качестве единственного средства разрешения конфликтов между осужденными.

В завершение можно отметить, что отечественные пенитенциарные криминологи и социологи находятся в довольно сложной ситуации. Определить реальные масштабы распространения пенитенциарного насилия не представляется возможным в силу вполне объективных причин закрытости пенитенциарного социума. Эффективность предупредительного воздействия на распространение пенитенциарного насилия среди осужденных зависит от качества той первичной информации, которая позволяет объективно судить о масштабах проблемы. Большую работу в этом направлении осуществляют

сотрудники отделов безопасности и оперативных отделов. Стоит также отметить, что эксперты выделяют определенные недостатки в организации работы по преодолению кризисов, являющихся следствием применения насилия. Но, как показывает правоприменительная практика, их усилий для решения данной проблемы недостаточно.

Важную роль, по мнению экспертов, в противодействии пенитенциарному насилию может сыграть качественное изменение кадрового состава отделов безопасности исправительных учреждений. Такого рода работа должна носить системный характер. В противном случае это может решить проблему только на небольшой промежуток времени. Потом она вернется уже в новом, более сложно структурированном виде.

Литература

1. Карпец, И. И. Преступность: иллюзии и реальность / И. И. Карпец. – Москва: Рос. право, 1992. – 431 с.

2. Расторопов, С. В. Борьба с умышленными тяжкими телесными повреждениями, совершаемыми осужденными в исправительно-трудовых колониях: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / С. В. Расторопов. – Рязань, 1996. – 25 с.

3. Уваров, И. А. Преступления, совершаемые с особой жестокостью в исправительных учреждениях: правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И. А. Уваров. – Рязань, 1997. – 25 с.

4. Гаджимурадов, Н. Д. Дифференциация осужденных по половой принадлежности при учете практики зарубежных государств: проблемные вопросы и пути решения / Н. Д. Гаджимурадов // Пермский период: Сборник материалов V Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов, Пермь, 14–19 мая 2018 года. Том 1. – Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2018. – С. 27-29.

5. Тоболевич, О. А. Гендерные различия осужденных и их учет в исправительном процессе / О. А. Тоболевич // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2011. – № 10(113). – С. 29–33.

6. Касимова, Э. Р. Криминологическая типология личности осужденных женщин, совершающих насильственные преступления в исправительных колониях / Э. Р. Касимова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1(29). – С. 266–269.

7. Пенитенциарная криминология: Учебник для слушателей, студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, практических работников уголовно-исполнительной системы / Е. А. Антонян, Ю. М.

Антонян, Н. С. Артемьев [и др.]. – Издание второе, исправленное и дополненное. – Москва: Проспект, 2025. – 304 с.

8. Уваров, И. А. Нарушение осужденным нравственных норм как фактор пенитенциарного насилия / И. А. Уваров // Уголовная ответственность и наказание: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова, Рязань, 17 февраля 2017 года / Под редакцией В.Ф. Лапшина. – Рязань: Академия ФСИН России, 2017. – С. 264-271.

Цындра Владимир Николаевич,
начальник кафедры специальных дисциплин
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Характеристика основных этапов доставления сотрудниками полиции граждан, нарушающих порядок проведения публичных мероприятий

Доставление лиц, совершивших правонарушения, посягающие на порядок проведения публичных мероприятий, является одной из мер административного принуждения, применяемых полицией и другими правоохранительными органами в процессе выполнения возложенных на них задач по обеспечению безопасности граждан и охране общественного порядка.

В свою очередь, доставление правонарушителей характеризуется набором определенных действий нарядов полиции, которые могут быть рассмотрены в единстве тактического и процедурного аспектов.

Исходя из современного понимания содержания понятий «тактика охраны общественного порядка», «тактика действий нарядов полиции», тактику доставления правонарушителей рассматривают как «...обусловленную нормативно-правовыми предписаниями, сложившейся обстановкой, основанную на опыте совокупность решений и действий наряда полиции (отдельного полицейского), направленную на применение данной меры государственного принуждения» [1–3].

В теории охраны правопорядка под тактическими приемами понимается «...совокупность действий, осуществляемых при решении задач по предупреждению, выявлению, пресечению и фиксации правонарушений» [4].

Реализация таких приемов базируется на разработке и внедрении в практику алгоритмов действий нарядов полиции в типовых ситуациях несения службы.

В юриспруденции алгоритмы используются как основа для оптимизации процессов принятия решений в типовых юридических ситуациях (например, при формировании криминалистических версий, разработке планов повторяющихся мероприятий (оперативно-профилактических, по охране общественного порядка и т.п.), изложения порядка реализации полномочий сотрудников полиции в нормативных правовых актах (например, инструкциях, наставлениях, уставах, положениях, административных регламентах, порядках) и обеспечения единообразия их исполнения, а также формирования умений и навыков сотрудников полиции в ходе их обучения как в образовательных организациях МВД России, так и непосредственно в подразделениях территориальных органов внутренних дел.

В свою очередь, разнообразие ситуаций, которые связаны с действиями граждан, нарушающих порядок проведения публичных мероприятий, требует от сотрудников полиции применения рациональных способов (приемов) пресечения противоправных действий, в том числе и связанных с изъятием правонарушителей из общественного места и их доставления в территориальный орган внутренних дел (иное место) для разбирательства, учитывающих обстановку, складывающуюся на месте совершения противоправного деяния [5–10].

Например, в ходе проведенного нами опроса сотрудников полиции выявлена частота (по критериям «никогда», «редко», «часто») возникновения ситуаций, связанных с доставлением граждан, совершивших административные правонарушения в ходе публичных мероприятий. В результате ранжирования сотрудники полиции отмечают, что чаще всего граждане не оказывают противодействия сотрудникам полиции и добровольно следуют с ними (89 опрошенных из 144 (61,8%)), далее по убыванию: гражданин пребывает в состоянии сильного опьянения, утратил способность ориентироваться в пространстве, агрессию не проявляет (50% респондентов), гражданин пребывает в состоянии опьянения, проявляет агрессию по отношению к другим лицам и сотрудникам полиции (34,72%), гражданин, совершивший административное правонарушение, подстрекает других граждан к неповиновению сотрудникам полиции (33,3%), гражданин, заведя приближающихся сотрудников полиции, пытается скрыться (27,7%), гражданин при доставлении оказывает физическое сопротивление (23,6%), гражданин при доставлении нападает на сотрудника полиции с использованием оружия (1,38%).

В то же время, поставив отметку «редко», сотрудники полиции не исключают возможности таких ситуаций, которые связаны с оказанием физического сопротивления (75%), попытками скрыться от сотрудников полиции (68,75%), применением в отношении сотрудника полиции оружия

(65,9%), подстрекательством других граждан к неповиновению сотрудникам полиции (60,4%), пребыванием лица в состоянии опьянения и проявлением агрессии по отношению к другим лицам и сотрудникам полиции (56,9%).

В связи с этим сотрудникам полиции рекомендуется принимать превентивные меры по обеспечению безопасности граждан, личной безопасности, исключению возможности для правонарушителей скрыться, вовлечь в конфликт с сотрудниками полиции случайных лиц, создать чрезвычайную ситуацию при перемещении в служебном транспорте и др.

Кроме этого, к ситуациям, обуславливающим специфику доставления лиц, нарушающих порядок проведения публичных мероприятий, относятся также случаи, в которых требуется препровождение лиц, находящихся в определенном физиологическом состоянии или имеющих специальный правовой статус. По нашему мнению, к ним следует относить: лиц, находящихся в состоянии алкогольного или иного опьянения; несовершеннолетних; родителей, имеющих при себе несовершеннолетних; иностранных граждан, пользующихся иммунитетом от административной юрисдикции российского государства; представителей средств массовой информации (журналистов).

На основе обобщения изученных нами материалов и результатов общения с сотрудниками полиции, которые регулярно осуществляют доставление правонарушителей, нами выделены подготовительный, основной и заключительный этапы процедуры доставления и предлагается следующий алгоритм их действий в условиях нарушения порядка проведения публичных мероприятий.

1) Подготовительный этап включает в себя следующие группы действий наряда полиции:

а) принятие решения о доставлении, предусматривающее: определение оснований для доставления (в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным, решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте);

б) защиту гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе, либо если опасности невозможно избежать иным способом;

в) предварительную оценку обстановки доставления (вид, место и время публичного мероприятия, количество лиц, которые будут подлежать доставлению, их возраст, состояние (агрессивное, пассивное), наличие признаков опьянения (алкогольного, иного), оружия или предметов, которые могут быть использованы правонарушителями для нанесения вреда здоровью

окружающих или себе;

г) установление принадлежности к категориям лиц, которые обладают полным или частичным иммунитетом от применения административно-юрисдикционных мер (например, дипломатическим, депутатским, журналистским) или являются иностранцами, наличия при правонарушителе несовершеннолетних;

д) определение состава наряда полиции, необходимого для доставления правонарушителя, а также целесообразности привлечения дополнительных (приданных) сил (например, сотрудников других подразделений полиции или правоохранительных органов, представителей общественности), а также использования служебной собаки;

е) выбор момента изъятия лица с места проведения публичного мероприятия для осуществления доставления, а также маршрута его перемещения к месту доставления (разбирательства): служебные помещения территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иные служебные помещения, а также передвижной пункт полиции;

ж) представление сотрудника полиции при обращении к гражданину, информирование его об основаниях доставления, характере применяемых к нему мер принуждения, а также его правах и обязанностях, возникающих в связи с доставлением;

и) преодоление воспрепятствования или противодействия доставляемого (других лиц) в случае отказа гражданина выполнить законные распоряжения сотрудника полиции; фактическое ограничение возможности правонарушителя самостоятельно передвигаться и его наружный (внешний) осмотр;

к) сопровождение правонарушителя к патрульному автомобилю (иному транспортному средству) и помещение его в специальный отсек для задержанных (иное выделенное место).

2) Основной (исполнительный) этап, включающий в себя:

а) препровождение правонарушителя с использованием патрульного автомобиля (иного транспортного средства), а в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, в пешем порядке к выбранному месту доставления в возможно короткий срок и с соблюдением мер предосторожности, исключающих возможность получения доставляемым лицом травм, нападения их на сотрудников полиции и порчи имущества;

б) перемещение правонарушителя от транспортного средства до служебного помещения полиции или иного места;

в) передачу доставленного оперативному дежурному (иному должностному лицу, уполномоченному осуществлять разбор с доставленным).

3) Заключительный этап, в ходе которого осуществляется составление сотрудниками полиции необходимых служебных и/или процессуальных документов по факту доставления (рапорт о доставлении, протокол о доставлении, запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании).

Думается, что учет выявленных нами особенностей процесса доставления граждан, совершивших противоправные деяния в условиях публичных мероприятий, позволит сотрудникам полиции построить алгоритм правомерных и тактически обоснованных действий на месте происшествия, а также снизить риск нарушения прав и свобод участников соответствующих акций.

Литература

1. Кулакова, Т. Г. Организационно-правовые основы несения службы рядовым и младшим начальствующим составом строевых подразделений и специальных учреждений полиции: курс лекций / Т. Г. Кулакова, И. В. Ковалева; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – 172 с.

2. Дизер, О. А. Проблемы доставления полицией граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться, в медицинские организации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4(34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-dostavleniya-politsiey-grazhdan-nahodyaschihsya-v-obschestvennyh-mestah-v-sostoyanii-alkogolnogo-opyaneniya-i-utrativshih> (дата обращения: 27.09.2025).

3. Марковский, М. С. Основы тактики несения патрульно-постовой службы: учебно-практическое пособие / М. С. Марковский, Д. А. Пичугин. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2018. – 54 с.

4. Казинский, Н. Е. Тактические основы несения службы по охране общественного порядка и обеспечению безопасности: учебное пособие / Н. Е. Казинский. – Москва: КноРус, 2025. – 240 с.

5. Водяная, М. Ю. Действия нарядов полиции при выявлении административных правонарушений: учеб. пособие / М. Ю. Водяная, А. В. Ляшук. – Омск: Омская академия МВД России, 2023. – 76 с.

6. Действия нарядов полиции при групповых нарушениях общественного порядка и угрозе блокирования объектов транспорта: методические рекомендации / А. Н. Александров, С. Н. Котарев, Л. В. Столбина [и др.]. – Белгород: БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. – 34 с.

7. Деятельность сотрудников органов внутренних дел по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности при проведении публичных мероприятий: учебное пособие. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2023. – 48 с.

8. Памятка сотрудникам органов внутренних дел по типовым тактическим действиям при несении патрульно-постовой службы. – Москва: ДГСК МВД России, 2017. – 52 с.

9. Памятка сотрудникам органов внутренних дел по тактике действий при нарушении общественного порядка и общественной безопасности в местах массового пребывания людей. – Москва: ДГСК МВД России, 2017. – 26 с.

10. Помогалова, Ю. В. Административное задержание, доставление и привод в системе мер административного принуждения: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.14. – Саратов, 2004. – 28 с.

Челпанова Марина Михайловна,
начальник кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат экономических наук, доцент

Взаимодействие органов внутренних дел и учреждений образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних

Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних – это не просто одна из задач, а краеугольный камень современной государственной политики, направленной одновременно на обеспечение защиты прав и интересов детей, находящихся в уязвимом положении, и на создание безопасной общественной среды, в которой могли бы функционировать несовершеннолетние. В контексте Российской Федерации, где социальные и экономические факторы оказали многоплановое и зачастую противоречивое влияние на институт семьи, традиционные ценностные ориентации и, как следствие, на поведение подростков, проблема участия несовершеннолетних в различных правонарушениях продолжает оставаться актуальной.

Эффективное решение столь комплексной проблемы невозможно без системной и скоординированной работы всех субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних: от семьи и общественности до специализированных государственных органов. Однако особое, стратегическое значение в этом процессе приобретает взаимодействие подразделений по делам несовершеннолетних, входящих в состав органов внутренних дел Российской

Федерации, и учреждений образования Российской Федерации. Именно эти два субъекта профилактики непосредственно контактируют с детьми и подростками, выявляя ранние признаки девиантного или делинквентного поведения и имея возможность оказать профилактическое воздействие на несовершеннолетнего. Их целенаправленное и профессионально организованное взаимодействие, воплощенное в рамках четко определенной модели, выступает не просто как форма сотрудничества, а как мощнейший инструмент, позволяющий комплексно предупреждать, выявлять и пресекать противоправные и иные антиобщественные проявления среди молодежи, создавая условия для их законопослушного и гармоничного развития.

Прежде чем углубляться в особенности, необходимо определить саму дефиницию «модель взаимодействия». В контексте нашего исследования модель взаимодействия органов внутренних дел, а в частности ПДН и учреждений образования Российской Федерации, в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних представляет собой систему научно обоснованных, нормативно закрепленных и практически реализуемых принципов, форм, методов и механизмов сотрудничества субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних с целью предупреждения, выявления и пресечения противоправного поведения несовершеннолетних, а также оказания им правовой, социальной и психологической помощи [1].

Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о сотрудничестве, а именно о модели. Модель подразумевает наличие определенной структуры, логики, целенаправленности и прогнозируемости. Она отражает оптимальные пути и способы достижения поставленных целей, учитывая особенности деятельности каждого из участников.

При этом необходимо отметить, что термин «взаимодействие» понимается нами как сложноорганизованный процесс, характеризующийся взаимосвязью и взаимообусловленностью деятельности субъектов, направленный на решение единых задач. В контексте нашего исследования приведенное определение приобретает особую значимость, поскольку под единой задачей понимается комплексная профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. Это подчеркивает, что речь идет не просто о параллельных действиях, а о целенаправленном, скоординированном и взаимозависимом комплексе мер, где успех каждого участника напрямую связан с эффективностью действий другого.

Модель взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних имеет внутреннюю структуру [2], основными элементами которой выступают:

1) целеполагание. Четкое определение общих и частных целей профилактической деятельности субъектов профилактики (снижение уровня

правонарушений среди несовершеннолетних, повышение правовой грамотности несовершеннолетних, своевременное выявление детей, входящих в группы риска, и т.д.);

2) четко определенный субъектный состав (сотрудники ПДН, участковые уполномоченные полиции, педагоги, психологи, социальные педагоги, администрации образовательных учреждений и т.д.). В контексте профилактики правонарушений среди несовершеннолетних ключевыми субъектами являются сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН), ответственные за выявление и учет детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, проведение индивидуально-профилактической работы с правонарушителями и постановку их на учет, привлечение к ответственности в случае совершения несовершеннолетними противоправных деяний, а также участковые уполномоченные полиции, осуществляющие надзор на прикрепленной территории и выявляющие потенциальные факторы риска;

3) нормативно-правовая база. Основой для построения и функционирования любой эффективной модели взаимодействия служит четко выстроенная нормативно-правовая база. Она представляет собой систему взаимосвязанных законов, постановлений, указов, ведомственных приказов и методических рекомендаций, которые детально регламентируют порядок, условия, формы и методы сотрудничества между органами внутренних дел и учреждениями образования;

4) принципы взаимодействия в процессе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Успешность и эффективность модели взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования напрямую зависят от четкого следования основополагающим принципам, которые определяют общий вектор и этические рамки сотрудничества (например: законность, гуманизм, индивидуальный подход, комплексность, своевременность и т.д.). Следование данным принципам позволяет не только повысить результативность профилактической работы, но и укрепить доверие между подростками, их семьями и представителями правоохранительных органов и образовательной системы;

5) формы и методы. Конкретные виды деятельности, осуществляемые в рамках модели взаимодействия (совместные рейды, лекции, беседы, профилактические операции, индивидуальная работа с несовершеннолетними и их семьями, обмен информацией и т.д.). Важно подчеркнуть, что эффективность данных форм и методов напрямую зависит от их систематичности, скоординированности и соответствия конкретным условиям и потребностям конкретного образовательного учреждения и контингента обучающихся;

6) механизмы реализации. Инструменты, обеспечивающие функционирование модели взаимодействия (создание рабочих групп, разработка планов совместных мероприятий, организация обучения, использование информационных систем и т.д.). Эти механизмы, работая в комплексе, обеспечивают непрерывность, адаптивность и результативность модели взаимодействия, превращая ее из теоретической конструкции в действенный инструмент профилактики;

7) оценка эффективности. Для того чтобы модель взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования была не только концептуально проработанной, но и действительно результативной, необходима систематическая и объективная оценка эффективности проводимой профилактической работы. Это позволяет не только измерить достигнутый прогресс, но и выявить наиболее действенные формы и методы, а также определить направления для дальнейшего совершенствования модели. Оценка эффективности основывается на комплексе определенных критериев и показателей, которые могут включать:

- динамику уровня правонарушений среди несовершеннолетних;
- статистику повторных правонарушений среди несовершеннолетних;
- показатели безнадзорности и беспризорности среди несовершеннолетних;
- уровень правовой грамотности несовершеннолетних;
- результативность просветительской работы;
- качество межведомственного взаимодействия;
- показатели вовлеченности семьи в профилактику правонарушений со стороны несовершеннолетнего и т.д.

Важно подчеркнуть, что оценка должна проводиться не только на основе статистических данных, но и с учетом качественных показателей, таких как изменение поведения и установок самих несовершеннолетних правонарушителей, их социальная адаптация и уровень доверия к представителям правоохранительных органов и образовательной системы.

Стоит отметить, что именно наличие и грамотная реализация всех этих элементов в совокупности позволяют говорить о существовании полноценной модели взаимодействия, способной эффективно решать задачи профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

Модель взаимодействия ОВД и учреждений образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних в Российской Федерации имеет ряд характерных особенностей, обусловленных как спецификой деятельности самих субъектов, так и общими тенденциями развития системы профилактики в стране.

Во-первых, взаимодействие между ОВД и учреждениями образования регламентируется целым комплексом нормативных актов [3]. Ключевыми из них являются:

– Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4]. Этот нормативно-правовой акт является фундаментальным для всех форм профилактической деятельности. Он определяет основные направления, принципы, формы и методы работы, а также устанавливает роль и функции различных ведомств, включая ОВД (ПДН) и органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования;

– Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [5]. Указанный документ определяет задачи и полномочия полиции, в том числе в части обеспечения общественного порядка и профилактики правонарушений.

Немаловажными выступают другие законодательные акты, формирующие правовой каркас, в рамках которого осуществляется профилактическая деятельность. Так, Семейный кодекс РФ определяет правовые основы регулирования семейных отношений, обязанности родителей по воспитанию и содержанию детей, а также меры, применяемые к родителям, не исполняющим свои обязанности [6]. Трудовой кодекс РФ имеет значение в контексте трудоустройства несовершеннолетних, предотвращения их эксплуатации и обеспечения безопасных условий труда [7]. Законодательство об образовании устанавливает права и обязанности образовательных учреждений в части создания безопасной и благоприятной среды, а также их роль в раннем выявлении и оказании помощи детям, испытывающим трудности. Кроме того, ведомственные приказы и инструкции, издаваемые МВД России, Министерством просвещения РФ и другими профильными министерствами, детализируют порядок межведомственного взаимодействия, устанавливают конкретные процедуры, формы и сроки осуществления профилактических мероприятий, а также регулируют обмен информацией между субъектами.

Эта многоуровневая система правового регулирования создает необходимую основу для скоординированных и легитимных действий всех участников профилактического процесса.

Во-вторых, четкое разделение функций и полномочий между ОВД и учреждениями образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. Основной задачей сотрудников ПДН является выявление и учет несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном

положении, проведение профилактических мероприятий, привлечение к ответственности виновных лиц, а также защита прав и интересов несовершеннолетних. В свою очередь, образовательные учреждения выступают в роли «первого эшелона» системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Их роль заключается в раннем выявлении признаков неблагополучия у детей, создании благоприятной образовательной среды, формировании у учащихся правосознания и законопослушного поведения. Наряду с этим учреждения образования играют ключевую роль в оказании первичной помощи детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, осуществляя социальное и психолого-педагогическое сопровождение, а в случае необходимости – своевременное информирование и передачу информации соответствующим органам, включая органы внутренних дел, для принятия дальнейших необходимых мер [4].

В-третьих, эффективность модели во многом зависит от комплексности предпринимаемых мер и информационного взаимодействия между субъектами профилактики. Комплексный подход предполагает одновременное воздействие на различные факторы, способствующие правонарушениям среди несовершеннолетних: социальные (семья, окружение), психологические (индивидуальные особенности личности), педагогические (отношения в школе, успеваемость) и другие.

При этом информационное взаимодействие является критически важным элементом, обеспечивающим системность и оперативность профилактической работы. Органы образования благодаря постоянному контакту с детьми могут своевременно информировать подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) о случаях прогулов, низкой успеваемости, школьных конфликтах, агрессивном поведении учащихся, а также о любых других признаках, свидетельствующих о возможном неблагополучии или риске вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность. Эта информация позволяет сотрудникам ПДН раньше выявлять детей группы риска и семьи, находящиеся в социально опасном положении, и применять к ним соответствующие профилактические меры.

В свою очередь, сотрудники ПДН, обладая информацией о несовершеннолетних, состоящих на учете, их родителях, а также о выявленных склонностях к определенным видам правонарушений, могут предоставлять образовательным учреждениям соответствующую информацию [8, 9]. Это позволяет педагогам и школьным психологам эффективнее выстраивать индивидуальную работу с такими учащимися и их семьями, прогнозировать возможные риски и заблаговременно принимать меры по их нейтрализации.

В-четвертых, модель взаимодействия предполагает использование широкого спектра форм и методов:

- совместные профилактические рейды и операции, направленные на выявление несовершеннолетних, находящихся в общественных местах в ночное время без сопровождения взрослых, употребляющих алкоголь или наркотики, а также посещение неблагополучных семей [10];

- лекции, беседы, правовые уроки, проводимые сотрудниками ОВД в образовательных учреждениях по различным темам, связанным с правовой культурой, ответственностью за правонарушения, профилактикой употребления наркотиков и алкоголя и пр. [11];

- проведение сотрудниками ПДН индивидуальных бесед с несовершеннолетними, состоящими на учете, их родителями (законными представителями), а также с педагогами и психологами [12, 13];

- организация межведомственных совещаний и создание координационных органов для обсуждения актуальных проблем, выработки совместных решений и планирования профилактической деятельности [14].

Таким образом, понятие модели взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних охватывает сложную, многоуровневую систему, основанную на четком нормативном регулировании, определенном субъектном составе, руководствующуюся основополагающими принципами и воплощенную в конкретные формы и методы деятельности. Ее наличие и эффективное функционирование через отлаженные механизмы реализации и систему оценки являются залогом успешного противодействия девиантному поведению подрастающего поколения, что, в свою очередь, способствует обеспечению общественной безопасности и защите прав детей.

Только при условии скоординированных, системных и научно обоснованных действий, основанных на четкой и эффективно функционирующей модели, органы внутренних дел и учреждения образования смогут добиться значимых результатов в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, способствуя формированию законопослушного и ответственного подрастающего поколения.

Литература

1. Казанцева, Е. В. К вопросу о взаимодействии органов внутренних дел о образовательными организациями в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2020. – № 1. – С. 30-41.

2. Муратов, А. В. Взаимодействие школы и органов внутренних дел в процессе социальной защиты старшеклассников: дис. ...канд. пед. наук: 13.00.02. – Ярославль, 2003. – 181 с.

3. Писаревская, Е. А. Правовая регламентация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 3(32). – С. 16–20.

4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 09.09.2025).

5. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6789/ (дата обращения: 03.09.2025).

6. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9378/ (дата обращения: 03.09.2025).

7. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5478/ (дата обращения: 03.09.2025).

8. Марианов, А. А., Абдуллаев, Г. М. Роль участкового инспектора в профилактике правонарушений несовершеннолетних // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – № 3(28). – С. 102-105.

9. Денисенко, Д. В. Деятельность инспекторов по делам несовершеннолетних и участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних: проблемы и пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 2(66). – С. 59-62.

10. Межведомственный профилактический рейд в рамках проведения операции «Ночь» // Официальный сайт администрации Солнечного муниципального района Хабаровского края. – URL: <https://solnechniyadm.khabkrai.ru/events/Novosti/7506> (дата обращения: 03.09.2025).

11. Дорошенко, О. М. Содержание социально-педагогического взаимодействия подразделения полиции по делам несовершеннолетних с социальным педагогом образовательного учреждения // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2018. – № 2. – С. 10–14.

12. Маздогова, З. З. Деятельность инспектора по делам несовершеннолетних по взаимодействию с образовательными учреждениями // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 8. – С. 89–90.

13. Никитская, Е. А., Никитина, Е. О. К вопросу о необходимости совершенствования работы субъектов профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Наука и школа. – 2018. – № 5. – С. 182–188.

14. Кумышева, М. К. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 2-2. – С. 28–31.

Черников Сергей Владимирович,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

О субъектах признания доказательства недопустимым

В уголовном судопроизводстве доказательства играют важную роль, создают значимые последствия. При этом это относится как к допустимым, так и недопустимым доказательствам.

Допустимые доказательства используются в сферах принятия решений, проведения действий, позволяющих ограничить права граждан, провозгласить виновность или невиновность лиц. При этом не любые сведения могут быть таковыми, а лишь прошедшие процессуальную проверку, оценку, отвечающие установленным требованиям.

В свою очередь, доказательство, признанное недопустимым, не может быть употреблено в уголовном процессе. Так, согласно части 3 статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) оно не подлежит включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление. Провозглашение доказательства недопустимым также облачено в определенную процессуальную процедуру, имеет основания, субъектов. При этом под соответствующими субъектами мы понимаем лиц, уполномоченных законом на принятие такого решения.

В частности, согласно части 3 статьи 88 УПК РФ прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым. Такие полномочия имеются и у суда. Они используются в порядке, установленном статьями 234 и 235 УПК РФ, что предусмотрено в части 4 статьи 88 УПК РФ. Случаи вынесения акта указаны в части 2 статьи 75 УПК РФ.

Таким образом, рассматриваемым правом наделен ограниченный перечень лиц. Это следователь и дознаватель как субъекты предварительного следствия и дознания по конкретному уголовному делу, при принятии его к своему производству. Это прокурор как надзорный орган, обеспечивающий соблюдение законности уголовно-процессуальной деятельности в пределах своей компетенции. Это суд как орган, получивший уголовное дело для разрешения по существу и принимающий решение о недопустимости доказательства в рамках предварительного слушания.

Как видно, из числа субъектов вынесения анализируемого решения выведены некоторые участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения. В частности, речь идет о нормативно предусмотренных лицах, а именно руководителе следственного органа, начальнике подразделения дознания, начальнике органа дознания. Каждый из них выполняет существенные функции, призван обеспечивать законность и обоснованность производства, его качество, результативность в пределах своей компетенции и ведомственной принадлежности, является обязательным элементом процесса.

Полагаем, что решение о признании доказательства допустимым или недопустимым является весьма важным средством придания правомерного характера всей уголовно-процессуальной деятельности, ее отдельным этапам и актам.

Тогда возникают вполне уместные вопросы: почему законодатель принял такое решение и оправданно ли непредоставление такого права иным контрольным органам в виде руководителей органов следствия и дознания?

Однако в контексте данного исследования обратим внимание на один аспект сложившегося положения – исключение из числа уполномоченных лиц руководителя следственного органа.

Прежде всего, вспомним нормативное понимание этого субъекта уголовного судопроизводства, что позволит осознать его назначение, полномочия, формы реагирования на те или иные случаи.

Итак, он отнесен к числу участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, что отражено в главе 6 УПК РФ. Соответственно этому и представляя такую группу, лицо наделяется ее чертами, например функцией обвинения, полномочиями по ее реализации. При этом он занимает индивидуальное место в этой системе, что обуславливает наличие особых

признаков, например, ведомственной принадлежности, определенной подследственности.

Руководитель следственного органа – должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель (п. 38.1 ст. 5 УПК РФ). Здесь имеется структурная и составная характеристика, но нет функционального назначения. Тем не менее, исходя из приведенного нормативного утверждения, он занимает главенствующее положение во вверенном ему органе. Тогда естественно допустить, что он организует, проверяет, обеспечивает его работу, законность и обоснованность производства и имеет надлежащие возможности.

В статье 39 УПК РФ «Руководитель следственного органа», призванной развить понятийный аппарат и определить статус, нет, так сказать, его общего представления. Законодатель сразу в первой части указанной нормы называет полномочия. Тем не менее их совокупный анализ позволяет сделать вывод о его назначении, задачах, функциях, особенностях работы.

Для сравнения укажем, что в отношении некоторых иных лиц, например прокурора и следователя, используется иной подход и, по сути, предлагаются их понятия, содержащие функцию и иные черты. Приведем соответствующие тезисы. Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ). Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу (ч. 1 ст. 38 УПК РФ).

Для полноты картины важно обратиться к теоретическим основам понимания руководителя следственного органа. Однако попутно отметим, что именно нормативные установления должны быть базой для учебного осмысления и правоприменения.

Руководить означает направлять чью-нибудь деятельность, быть во главе чего-нибудь [1, с. 561]. Руководитель следственного органа является самостоятельным участником процесса со стороны обвинения, имеет полномочия по процессуальному руководству следствием, ведомственному контролю деятельности следователя [2, с. 97, 98].

Руководителям следственных органов предоставлены определенные процессуальные полномочия по руководству предварительным следствием. Они организуют работу следователей, контролируют своевременное осуществление следственных действий по раскрытию преступлений, осуществляют

непосредственное оперативное руководство следователями, оказывают помощь в их работе [3, с. 67].

Объединение приведенной и иной изученной информации позволяет сказать, что руководитель следственного органа выполняет организационно-процессуальные функции, обеспечивая соблюдение законности и обоснованности принимаемых решений, проводимых действий, достижение целей уголовного судопроизводства.

На этом фоне представляется правильным подумать над вопросом о делегировании руководителю следственного органа полномочия по признанию доказательства недопустимым. Наличие такого права является прямым средством обеспечения правомерности отдельного акта, всего производства по уголовному делу, достижения назначения осуществляемой работы.

Решение этих задач возможно посредством реализации разных предложений.

Во-первых, руководителя следственного органа можно включить в число субъектов принятия такого решения, что позволит ему действовать инициативно и самостоятельно, ситуационно и оперативно. Тогда необходимо дополнить часть 3 статьи 88 УПК РФ словосочетанием «руководитель следственного органа».

Во-вторых, ему можно предоставить полномочия по даче указания следователю о рассмотрении возможности признания того или иного доказательства недопустимым. Такой подход соответствует статусу руководителя следственного органа, процессуальной самостоятельности следователя. Обзор указаний, изложенных в части 3 статьи 39 УПК РФ, позволяет сделать несколько выводов. С одной стороны, имеется неограниченное право руководителя следственного органа давать указания в письменном виде, обязательные для исполнения следователем. Это позволяет говорить о том, что они могут быть любыми. С другой – перечисляются указания, обжалование которых следователем приостанавливает их исполнение. Среди них, например, привлечение лица в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения. При этом в таком перечне нет прямого указания на решение о признании доказательства недопустимым, однако наблюдаются акты, в основе которых лежат именно доказательства. Они могут быть сомнительными и нуждаться в бесспорном ответе на вопрос об их допустимости или недопустимости.

Среди причин формулирования перечисленных возможностей прежде всего назначение и функция руководителя следственного органа, необходимость своевременного принятия решения, экономия процессуальных ресурсов,

недопущение употребления спорных сведений при принятии решений и проведении действий.

Руководитель следственного органа должен обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства, определенного в статье 6 УПК РФ, в работе каждого следователя вверенного ему подразделения. При этом, детализируя его цель во взаимосвязи с темой статьи, можно уточнить, что он призван действовать так, чтобы каждое доказательство было допустимым и позволило решить поставленные задачи и достичь цели в рамках отдельного уголовного производства. Это возможно, когда у него имеются необходимые права. Среди них, на наш взгляд, и возможность изъятия из дела тех сведений, которые вызывают сомнения, посредством инициирования подходящего процесса.

Следователю бывает сложно оценить свои действия как незаконные и, соответственно, признать ошибку и начать процедуру признания доказательства недопустимым. Вместе с тем категория «недопустимые доказательства», а равно соответствующие основания и процедура определения недостаточно точно и полно определены в законе, на что обращают внимание многие ученые, в том числе и автор данного исследования [4, с. 208-213]. Тогда помощь руководителя будет вполне уместной и полезной.

Доводить решение такой задачи до уполномоченных лиц, коими являются прокурор, суд, неоправданно. В таких случаях откладывается сиюминутно востребованный механизм, тратятся процессуальные ресурсы, проблема выводится из внутрисистемного решения, проводятся процедуры на основании недопустимого, вероятно, доказательства, подвергая сомнению их результаты и итоги отдельного этапа расследования, всего производства.

Кроме того, на конкретный момент деятельности уже становится очевидным, что имеются основания инициирования рассмотрения вопроса здесь и сейчас. И руководитель следственного органа, реализуя свои полномочия по проверке материалов уголовного дела, может установить их наличие, исключить недопустимое доказательство.

При этом гарантиями для следователя, как процессуально самостоятельного лица, также будут внутри служебное обсуждение вопроса, его право на обжалование в порядке главы 16 УПК РФ.

Итак, руководитель следственного органа, обеспечивая правомерность производства предварительного следствия, должен быть наделен своевременными и эффективными возможностями участия в изъятии из материалов дела недопустимого доказательства.

Литература

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык, 1988. – 797 с.
2. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. Л. А. Воскобитова. – Москва: Проспект, 2013. – 169 с.
3. Уголовный процесс: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И. И. Сыдорука, А. В. Ендольцевой. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 431 с.
4. Черников, С. В. Получение доказательства в соответствии с законом как условие его допустимости // Юрист-Правоведъ. – 2024. – № 2(109). – С. 208-213.

Чехлатая Ольга Александровна,
аспирант

Московского финансово-промышленного университета «Синергия»,

ассистент кафедры права

Азовского государственного педагогического

университета им. П.Д. Осипенко

Криминалистические методы выявления и фиксации цифровых следов экстремизма в молодежной среде

В условиях текущего исторического этапа происходит всеобъемлющая цифровая трансформация общества, проникающая во все сферы жизни, включая криминальную. Молодежная среда, в силу своей восприимчивости к новым технологиям и активного присутствия в цифровом пространстве, оказалась особенно уязвимой для распространения деструктивной идеологии. Экстремистские группировки целенаправленно используют интернет-платформы, социальные сети и мессенджеры для вербовки новых адептов, пропаганды радикальных идей и координации противоправной деятельности. Транснациональный и скрытый характер этой угрозы выдвигает на первый план необходимость разработки и совершенствования специализированных криминалистических методик, ориентированных на работу с цифровыми следами.

Актуальность настоящего исследования детерминирована резкой эскалацией противоправной активности, что находит прямое подтверждение в статистических данных: за первые восемь месяцев 2025 года было зарегистрировано 4034 преступления террористического характера (прирост 81,5%) и 1543 преступления экстремистской направленности (прирост 34,1%) [1,

с. 4]. Эта тревожная динамика усугубляется стремительной эволюцией тактик цифрового экстремизма, создающей устойчивый разрыв между оперативными возможностями правоохранительных структур и методами противоправной деятельности.

В свете стратегических установок Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [2] указанная проблема трансформируется в системный вызов национальной безопасности. Настоящее исследование нацелено на его разрешение через разработку научно обоснованной модели, синтезирующей ретроспективную оценку действующего криминалистического инструментария с принципами проактивного противодействия.

Практическая значимость работы заключается в консолидации разрозненных криминалистических методов и разработке целостного алгоритма их адаптации для задач профилактики и расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых в молодежной среде. Предлагаемый подход позволяет сместить акцент с реактивного документирования уже совершенных деяний на превентивную нейтрализацию цифровых угроз и деструктивного влияния на указанные социальные группы.

Цифровые следы экстремистской деятельности представляют собой информацию о фактах, событиях и обстоятельствах противоправных действий, зафиксированную на электронных носителях или в сетевом пространстве [3, с. 4]. Их специфика в молодежной среде определяется используемыми коммуникационными каналами и форматами контента. Ключевыми источниками таких следов выступают социальные сети, где экстремистский контент маскируется под субкультурные паблики, музыкальные сообщества или группы по интересам. Мессенджеры с шифрованием трафика используются для создания закрытых чатов и каналов, где осуществляется координация и идеологическая обработка.

Дополнительным измерением цифровой картины становятся многопользовательские игровые платформы и форумы. Их интерактивная и геймифицированная природа предоставляет злоумышленникам уникальные возможности для вербовки, трансформируя игровые механики и виртуальную экономику в инструменты установления доверия и обмена закодированными сообщениями [4]. Социальная инженерия в данной среде опирается на общие интересы, что значительно повышает эффективность вовлечения целевой аудитории.

Цифровые следы экстремистской деятельности в молодежной среде, детерминированные спецификой ее медиапотребления, обладают комплексом дифференцирующих признаков. С содержательной точки зрения их систематизация позволяет выделить три ключевые категории [5, с. 33-35].

1) Коммуникативные следы интегрируют текстовые сообщения, посты и комментарии, транслирующие идеи насилия, национальной или религиозной розни. Их отличительная черта – применение кодированного языка, включающего сленговые выражения, эвфемизмы, а также символику, предназначенную для узкого круга посвященных. Данная особенность существенно осложняет автоматизированное выявление подобных материалов методами контент-анализа.

2) Визуальные следы представлены графическими изображениями, видеороликами и коллажами, демонстрирующими атрибутику запрещенных объединений либо сцены жестокости. Идеологический посыл в них часто имплантирован в контент, стилизованный под элементы молодежной и игровой культуры, что обеспечивает его высокую усваиваемость целевой аудиторией.

3) Технические следы, образующие метаданные (IP-адреса, геолокационные отметки, идентификаторы устройств, журналы сетевых соединений), служат основой для установления корреляции между анонимной виртуальной личностью и конкретным физическим пользователем. Их криминалистический анализ предоставляет возможности для реконструкции путей распространения информации и идентификации координаторов деструктивной деятельности.

Распространение происходит в среде, изначально трудно поддающейся мониторингу – мессенджерах и соцсетях с их закрытыми сообществами. Главной проблемой для выявления становится тактика создания отказоустойчивых структур: блокировка одного канала лишь запускает переход аудитории в его дубликаты, что маскирует истинные масштабы сети и обеспечивает ее устойчивость.

Эту структурную устойчивость дополняет смысловая маскировка. Смысловое своеобразие проявляется в стратегии применения «эзопова языка» – передаче запрещенных смыслов через аллегории, намеки на исторические события и игровые метафоры, что позволяет избегать прямой конфронтации с модерацией. Коммуникации выстраиваются по децентрализованному принципу, при котором участники консолидируются вокруг культурного или развлекательного контента, маскирующего идеологическую подоплеку сообщества. Эта структурная организация целенаправленно затрудняет идентификацию организаторов и установление иерархических связей внутри сети.

Исторически сложившийся подход к выявлению цифрового экстремизма базировался на реактивных методах. Основным инструментом являлся мониторинг открытых источников, осуществляемый вручную или с помощью простейших систем поиска по ключевым словам. Фиксация следов заключалась

в составлении скриншотов и протоколов осмотра страниц, что не гарантировало сохранения целостности и допустимости доказательств в суде. Криминалистический анализ изъятых носителей информации, таких как жесткие диски или мобильные телефоны, проводился постфактум, после возбуждения уголовного дела, и был направлен на поиск уже известных артефактов. Данный подход страдал существенными недостатками: низкой скоростью реакции, невозможностью обработки больших массивов данных и высокой зависимостью от человеческого фактора.

Современная методология криминалистического анализа демонстрирует выраженную тенденцию к переходу на проактивные модели работы, основанные на применении технологий интеллектуальной обработки информации. В настоящее время идентификация противоправного контента преимущественно базируется на использовании больших данных и алгоритмов машинного обучения [6; 7]. Специально обученные на обширных корпусах экстремистских материалов нейросетевые модели осуществляют лингвистический анализ текстовых произведений, распознавание визуальных образов, выявляя неявные смысловые связи, структурные шаблоны и признаки аномальной активности в сетевых коммуникациях. Данный аналитический инструментарий открывает возможности для обнаружения устойчивых поведенческих моделей пользователей, реконструкции каналов распространения идеологически заряженного контента и построения прогнозных сценариев развития деструктивной активности.

Фиксация цифровых следов эволюционировала в сторону обеспечения строгой процессуальной достоверности. На смену простым скриншотам пришли специализированные мрол56, которые осуществляют не просто копирование информации, а создание ее криминалистически корректной копии – образа носителя. При этом автоматически рассчитываются контрольные суммы данных, а все действия оператора протоколируются с фиксацией даты, времени, полного имени и версии программного обеспечения, формируя юридически значимую цепочку документации цифровых доказательств (chain of custody) [8]. Соблюдение этих процедур, регламентированных статьями 84 и 166 УПК РФ, критически важно для признания доказательств допустимыми, поскольку любое упущение может привести к их отклонению судом, даже если они технически достоверны.

Сравнение традиционных и современных подходов обнаруживает принципиальное расхождение их философских позиций. Традиционные методы носят пассивный и фрагментарный характер, тогда как современные стремятся к созданию целостной цифровой картины противоправной деятельности. Ручной мониторинг, несмотря на свою простоту, несостоятелен в условиях

информационной перегрузки. Автоматизированные системы на основе искусственного интеллекта, напротив, позволяют обрабатывать колоссальные объемы данных в режиме, близком к реальному времени, выявляя неочевидные корреляции.

Однако внедрение сложных технологий порождает необходимость решения новых задач. Высокая стоимость разработки и внедрения таких систем, необходимость привлечения высококвалифицированных экспертов – киберкриминалистов и специалистов по анализу больших данных – могут быть препятствием для широкого практического применения. Кроме того, существует риск ошибок алгоритмов, так называемых ложных срабатываний, что может привести к необоснованному вмешательству в частную жизнь. Традиционные методы, при всей их ограниченности, сохраняют значение на финальной стадии расследования для детального анализа уже выявленных артефактов и их интерпретации человеком.

Наиболее эффективным представляется не выбор одного метода в ущерб другому, а их взаимодополняющее сочетание в рамках комплексной многоуровневой модели. На макроуровне должны применяться автоматизированные системы мониторинга и анализа больших данных для скрининга цифрового пространства и выявления подозрительных активностей и сообществ. На микроуровне требуется применение традиционных криминалистических методик в модернизированном виде – в частности, экспертиза электронных устройств с использованием современных инструментов, обеспечивающих детальное исследование целевых объектов и фиксацию доказательств. Такой гибридный подход позволяет нивелировать недостатки каждого из методов в отдельности: автоматизация решает проблему масштаба, а последующий углубленный экспертный анализ обеспечивает качество и достоверность собранных доказательств. Эффективность данной модели определяется ее адаптивностью к быстро меняющейся цифровой среде, а практическая значимость – возможностью интеграции в повседневную деятельность правоохранительных и профилактических структур.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что проблема выявления и фиксации цифровых следов экстремизма в молодежной среде требует применения специализированного криминалистического инструментария, адекватного технологической сложности данного явления. Трансформация экстремистской деятельности в цифровую форму диктует необходимость перехода от реактивных, ручных методов к проактивным, основанным на интеллектуальном анализе данных.

В качестве основного вывода предлагается внедрение комплексной многоуровневой системы, сочетающей возможности технологий искусственного

интеллекта для мониторинга и первичного анализа открытых и закрытых цифровых платформ с классическими криминалистическими процедурами, обеспечивающими юридическую безупречность полученных доказательств. Практическая реализация данной системы видится в следующих конкретных шагах.

Целесообразно разработать и внедрить в практику правоохранительных органов автоматизированные рабочие места специалиста-криминалиста, ориентированные на задачи киберследствия. Такие комплексы должны включать программное обеспечение для сбора данных из социальных сетей и мессенджеров, инструменты для сетевого анализа и визуализации связей, а также модули для криминалистически корректного создания копий онлайн-контента. Параллельно требуется формирование и постоянное обновление эталонных баз данных цифровых артефактов экстремистского характера, включая изображения, видео, аудио и текстовые образцы, для обучения нейросетевых моделей.

Важнейшим направлением является подготовка кадров. Необходимо расширить образовательные программы для сотрудников оперативных и следственных подразделений, включив в них модули по цифровой криминалистике, основам работы с большими данными и психологическим особенностям молодежного экстремизма в Интернете. На межведомственном уровне следует наладить механизм оперативного обмена информацией между органами внутренних дел, службами безопасности и образовательными учреждениями для раннего выявления признаков радикализации в студенческой и школьной среде.

Практическое применение разработанных стратегий обеспечит двойной эффект: повышение результативности раскрытия совершенных экстремистских преступлений и создание действенного механизма их профилактики. Ключевым элементом последнего является своевременное выявление и купирование угроз в цифровой среде, что выступает фундаментальным условием для укрепления общественной безопасности и стабильности.

Литература

1. Состояние преступности в России за январь–август 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. Главный информационно-аналитический центр. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/70644759> (дата обращения: 15.10.2025).

2. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 //

Справочная правовая система Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191 (дата обращения: 15.10.2025).

3. Льянов, М. М. Криминалистическое значение электронно-цифровых следов преступлений экстремистской и террористической направленности в сети Интернет: автореферат дис. ...кандидата юридических наук: 5.1.4 / Льянов Муса Микаилович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева»]; диссовет 24.2.426.04 (24.2.426.04)]. – Екатеринбург, 2025. – 25 с.

4. Крутько, Е. А. Воздействие видеоигр на распространение идей экстремизма среди молодежи / Е. А. Крутько, Е. В. Доманская, М. М. Увайдова // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 2. – С. 27–30.

5. Махтаев, М. Ш. Основы расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: монография / М. Ш. Махтаев. – Москва: Юрлитинформ, 2023. – 150 с.

6. Баранов, В. В. Перспективные направления противодействия экстремизму в сети Интернет органами внутренних дел Российской Федерации / В. В. Баранов, И. Ю. Захватов // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 70–79.

7. Попков, Д. В. Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом в условиях цифровизации государства и общества / Д. В. Попков, А. А. Лежнева // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 116–119.

8. Цепочка Custody в цифровой криминалистике 2025: юридические аспекты работы с Open-Source инструментами (DFIR ORC, CyLR) в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/aIepsk6kUSEAXRQD> (дата обращения: 15.10.2025).

Шелпаков Роман Олегович,
аспирант

Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Актуальные проблемы обработки персональных данных

В условиях активно развивающейся цифровой среды параллельно растет количество предоставляемых персональных данных различных категорий, а также увеличиваются риски их утечки. Поэтому за цифровым развитием старается успевать законодательное развитие в области защиты персональных

данных. Однако спешка в данном вопросе порождает правовые пробелы, создающие проблемы операторам персональных данных.

К примеру, с 1 сентября 2025 года в Федеральный закон «О персональных данных» были внесены изменения, согласно которым согласие на обработку персональных данных клиента должно быть расположено отдельно от любого другого документа [1]. В совокупности с обязанностью оператора брать отдельные согласия для осуществления каждой отдельной цели данное условие создает практически неосуществимое обязательство в отношении правомерного следования данному закону.

Именно подобным проблемам посвящено данное исследование, так как во время развития защиты персональных данных физических лиц нельзя забывать об обязанностях оператора по обработке персональных данных планомерно исполнять свои обязанности.

По мере цифрового прогресса растет как количество типов предоставляемых персональных данных, так и количество способов обработки таких данных. Уместно отметить, что скорость технологического развития непосредственно влияет на скорость развития защиты персональных данных. Как пример подобного развития можно привести биотерминалы оплаты, с помощью которых возможно проводить оплату путем предоставления биометрических персональных данных.

Для обсуждения актуальных проблем в области обработки персональных данных необходимо дать определение персональным данным и отметить условия их обработки.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 3 № 152-ФЗ «О персональных данных» персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Статья 6 152-ФЗ фиксирует условия обработки персональных данных, однако в рамках рассматриваемой темы стоит отметить только три из них:

- 1) обработка персональных данных осуществляется с согласия субъекта персональных данных на обработку его персональных данных;
- 2) обработка персональных данных необходима для достижения целей, предусмотренных международным договором Российской Федерации или законом, для осуществления и выполнения возложенных законодательством Российской Федерации на оператора функций, полномочий и обязанностей;
- 3) обработка персональных данных необходима для исполнения договора, стороной которого либо выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных, а также для заключения договора по инициативе субъекта персональных данных или договора, по

которому субъект персональных данных будет являться выгодоприобретателем или поручителем.

На сегодняшний день закон делит предоставляемые персональные данные на три категории, каждая из которых имеет свою специфику обработки: общие, специальные и биометрические.

К биометрической категории относятся физиологические и/или биологические данные физических лиц, с помощью которых можно определить личность физического лица. Роскомнадзор выделяет ряд подобных признаков, чаще других используемых при обработке: дактилоскопические данные, радужная оболочка глаз, голос, анализы ДНК, а также иные физиологические или биологические характеристики человека, в том числе изображение человека (фотография и видеозапись).

Необходимо отметить, что взятие биометрических данных возможно только с согласия субъекта или в случаях, напрямую указанных в ч. 2 ст. 11 Закона о персональных данных.

Перечень специальных категорий носит закрытый характер и включает в себя следующие виды персональных данных: расовая, национальная принадлежность, политические взгляды, религиозные и/или философские убеждения, состояние здоровья, интимная жизнь. Выделение указанных данных в отдельную категорию объясняется возможными негативными последствиями, которые может понести субъект персональных данных в случае незаконного распространения таких данных. К примеру, осуществление преступления на основе расовой нетерпимости.

К общей категории относятся так называемые анкетные данные физических лиц: фамилия, имя, отчество, возраст, дата, место рождения и т.д.

Однако с развитием законодательства в области защиты персональных данных непомерно растет нагрузка на операторов, так как любые действия законодателя, направленные на защиту персональных данных субъектов персональных данных, порождают новые обязанности оператора. Увеличение обязанностей оператора в конечном итоге выражается либо в умышленном их игнорировании, либо в увеличении финансовых затрат на осуществление требований закона, которые в конечном счете перекладываются на потребителя – субъекта персональных данных.

Из вышеперечисленного видно, что видов персональных данных очень много, а сбор каждого из них должен обуславливаться какой-либо целью, в соответствии с целевым принципом обработки персональных данных, обязывающим оператора собирать только те данные, которые необходимы для достижения цели, и запрещающим объединять базы персональных данных, формирующиеся под какие-либо цели. Законодатель при этом не дает

операторам никаких критериев или способов, по которым они могли бы объединять схожие цели обработки, тем самым снижая бюрократическую нагрузку и минимизируя риски неисполнения норм закона.

Изменения ФЗ-152 «О персональных данных», вступившие в силу 1 сентября 2025 года, еще больше обременяют операторов, так как обязывают брать согласие на обработку персональных данных отдельно от иной информации и/или документов. При этом ни законодатель, ни надзорный орган не дают никаких разъяснений о том, как именно это должно выглядеть. Это может быть отдельный бумажный носитель или просто расположение на одном носителе с иной информацией, но явно сепарировано от нее. До указанных изменений у операторов была распространена практика взятия разных согласий путем указания всех целей на одном документе, в котором субъект подписывался в тех пунктах, с которыми согласен. Однако теперь оператор, чтобы гарантированно исполнить требование закона, должен составлять согласие по каждой цели на отдельном носителе, что вызывает целый ряд проблем:

- 1) увеличение стоимости оформления согласия для оператора, так как требуется больше расходных материалов;
- 2) снижение доверия субъекта персональных данных, так как обильное количество бумаг, которое он должен подписать, вызывает сомнение в добросовестности оператора;
- 3) повышение вероятности нарушения требований закона из-за человеческого фактора, так как сотрудники оператора могут просто забыть, потерять или запутаться в большом количестве бумаг.

Из вышеперечисленного следует, что оператор должен формировать множество документов по каждому субъекту, создавать множество баз данных по каждой цели и не имеет права на их объединение. Так как за каждый этап обработки, от взятия согласия до формирования баз данных, отвечают люди, повышается риск совершения ошибки сотрудником оператора, отвечающим за сбор и/или обработку персональных данных, которая может привести к административной ответственности. Помимо этого, так как повышенная нагрузка влечет необходимость в увеличении количества сотрудников либо в повышении оплаты труда ответственных сотрудников, оператор может счесть экономически более выгодным решение несоблюдения закона, а не повышения затрат на сотрудников. Подобные действия, конечно, негативно скажутся на защищенности персональных данных субъектов.

Еще одной актуальной проблемой оператора по обработке персональных данных является почти неизбежный избыточный сбор персональных данных. В данный момент в Российской Федерации набирает популярность практика оформления самозапретов на осуществление каких-либо действий. Одним из

таких самозапретов является ограничение на оформление услуг связи. Перед заключением договора подвижной связи с клиентом оператор должен проверить наличие самозапретов у клиента с помощью государственных информационных систем. Однако в данный момент часты ситуации, когда различные интернет-платформы недоступны. В таком случае оператор сотовой связи, также являющийся оператором по обработке персональных данных, должен взять у клиента (субъекта персональных данных) согласие на обработку персональных данных, чтобы проверить наличие ограничений позднее, даже несмотря на то, что необходимые персональные данные будут обрабатываться по требованию закона, что согласно 152-ФЗ «О персональных данных» не требует взятия согласия. В данной ситуации оператор обязан прибегнуть к избыточной обработке персональных данных, так как не имеет права отказать клиенту в заключении договора и не может осуществить действия по идентификации и аутентификации клиента, ради которых собирает необходимые данные.

Еще одна проблема, вытекающая из указанных ранее аспектов, содержится в обработке персональных данных в трудовых правоотношениях. Исходя из целевого принципа обработки персональных данных, закрепленного в ч. 4 ст. 5 ФЗ-152 «О защите персональных данных», работодатель должен удалять персональные данные соискателя вне зависимости от принятого по итогам рассмотрения решения. Даже если соискатель в итоге становится сотрудником этого работодателя, персональные данные физического лица должны быть удалены и после взяты вновь как у сотрудника, так как первая цель обработки персональных данных была достигнута и была поставлена новая. В данной ситуации явно отображается излишняя нагрузка на оператора, которая может быть устранена путем установления критериев для возможных объединений целей обработки персональных данных [2, с. 68].

Законодатель активно работает над совершенствованием мер по защите персональных данных физических лиц, однако забывает про обязательства, которые возлагаются на операторов. Описанные ситуации показывают, что операторам крайне сложно соблюдать нововведения, так как это требует дополнительной рабочей силы или просто сильно повышает риски нарушения в силу человеческого фактора.

В Федеральный закон «О персональных данных» необходимо ввести положения, которые позволят операторам объединять цели обработки персональных данных, если они имеют схожие конечные результаты (к примеру, смена статуса физического лица с соискателя на работника). Последние изменения привели к резкому увеличению количества бумаг, которые необходимо дать физическому лицу на подпись, так как каждое согласие, которое берется для каждой самостоятельной цели, должно быть представлено

отдельным документом. Составление критериев возможности смешивания целей позволит уменьшить количество документов, тем самым снизив нарушения законодательства, совершаемые просто из-за человеческого фактора, а также повысит степень доверия субъекта оператору, так как ему не нужно будет подписывать целую кипу бумаг.

Также одной из актуальных проблем является неопределенность типов данных, которые признаются биометрическими [3, с. 196]. Согласно ч. 1 ст. 11 ФЗ-152 «О персональных данных» биометрические персональные данные – это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные) и которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных.

Физиологическими данными являются дактилоскопические данные, радужная оболочка глаза, ДНК, рост, вес, а также изображение человека.

Исходя из данного перечня можно сделать вывод, что при фотографировании или видеосъемке физического лица происходит обработка его биометрических данных [4, с. 2]. Но если изображение лица используется не с целью идентификации, то применяются положения ст. 152.1 ГК РФ, а не ст. 11 ФЗ-152, так как обработка биометрических персональных данных не производится.

В то же время, если речь идет о фотографии на пропуске, используемом для прохода на охраняемую территорию, то применяются нормы обработки биометрических персональных данных, так как фотография используется для идентификации лица [5].

Указанные выше разночтения, касающиеся использования изображения физического лица, не разъясняются законом, а формируются только исходя из практики. В такой ситуации операторы биометрических персональных данных не имеют четкой нормы, которая позволила бы безошибочно осуществлять обработку биометрии. Данный пробел права дает почву для злоупотребления правом со стороны субъектов персональных данных.

В настоящее время законодатель всецело направлен на совершенствование защиты персональных данных субъектов, однако совершенно не обращает внимания на оператора, на которого ложатся обязанности по соблюдению новых мер защиты. Такая направленность повышает затраты оператора, увеличивает вероятность совершения ошибок сотрудниками оператора, что является правонарушением. При этом ряд проблем сформировался из-за незавершенности существующих норм.

Чтобы решить сложившиеся проблемы, законодателю необходимо дополнить уже существующие, нормы, обеспечивающие защиту персональных

данных, положениями, которые упростят процесс обработки для оператора. Подобные действия приведут к снижению затрат операторов на обеспечение процесса обработки и уберегут от непреднамеренного нарушения закона.

31 октября 2025 года глава Роскомнадзора заявил, что институт согласия на обработку персональных данных устарел, так как с развитием защиты персональных данных количество согласий, которое берется у субъекта, стало таким, что сам субъект уже не в силах следить за ними, а потому требуется новое решение. Как пример подобного решения Андрей Липов предложил введение отраслевых стандартов, могущие стать теми самыми критериями, по которым станет возможно объединение различных целей, для достижения которых операторы берут согласия [6].

Литература

1. О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 19.10.2025).

2. Тишкович, К. С. Актуальные проблемы обработки персональных данных в трудовых правоотношениях // Вестник Омского университета. – 2023. – № 20(1). – С. 66-74.

3. Хандрыга, Д. О. Правовое регулирование биометрических персональных данных в Российской Федерации // Вестник РПА. – 2024. – № 1. – С. 192-201.

4. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций разъясняет вопросы отнесения фото- и видеоизображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки // <https://25rkn.gov.ru/news/news54167.htm> (дата обращения: 15.10.2025).

5. О направлении информации по протоколу совещания: Письмо Роскомнадзора от 10.02.2020 № 08АП-6782 (вместе с Практическими рекомендациями по применению положений Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» при обработке биометрических персональных данных несовершеннолетних) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 19.10.2025).

6. Глава РКН заявил о необходимости отказаться от согласий на обработку персональных данных // [interfax.ru](https://www.interfax.ru/russia/1055703). – URL: <https://www.interfax.ru/russia/1055703> (дата обращения: 05.11.2025).
7. Криволапова Л. В. Защита персональных данных // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 6(186). – С. 88-91.
8. Фролова, А. Д. Основные тенденции правового регулирования персональных данных в России и Европейском союзе и их влияние на бизнес // Экономика. Право. Общество. – 2022. – № 3(31). – С. 56-61.
9. Савинова, С. В. Защита персональных данных: проблемы и решения // Молодой ученый. – 2024. – № 9(508). – С. 18-21.
10. Жарова, А. К., Елин, В. М. Источник понятий «персональные данные» и частная жизнь лица в российском праве // Вестник Академии права и управления. – 2017. – № 1(64). – С. 69-78.
11. Степенко В.Е. Биометрические персональные данные // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 4(73). – С. 15-19.
12. Зюбанов, В. А. Согласие на обработку персональных данных // Вестник РУДН. – 2024. – № 3(28). – С. 622-633.
13. Рузанова, В. Д. Персональные данные как гражданско-правовая категория // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3(69). – С. 77-83.
14. Петрищева, Е. Д. Современное состояние правового регулирования защиты персональных данных // Молодой ученый. – 2024. – № 49(548). – С. 588-590.
15. Савинова, С. В. Защита персональных данных: проблемы и решения // Молодой ученый. – 2024. – № 9(508). – С. 18-21.

Юшкевич Антон Андреевич,
старший преподаватель
кафедры огневой подготовки УНК СП
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Арутюнов Александр Александрович

Малофей Александр Олегович,
начальник кафедры тактико-специальной подготовки
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат технических наук, доцент

Алгоритм устранения сложных задержек, возникающих при стрельбе из автомата Калашникова

По общепринятой в Российском университете спецназа имени В.В. Путина концепции, все задержки при стрельбе из автомата можно условно разделить на простые и сложные. И если простыми задержками считаются те из них, которые произошли по вине одного патрона или гильзы, мешающих дальнейшей стрельбе [1], то под «сложными» задержками понимаются ситуации, когда ведению огня препятствуют более одного патрона [2].

В Наставлении по стрелковому делу в отношении 5,45-мм автомата Калашникова такая задержка называется «Неизвлечение гильзы»: гильза в патроннике, очередной патрон упирается в нее пулей, подвижные части остановились в среднем положении [3]. В этом случае Наставление предписывает отвести рукоятку затворной рамы назад и, удерживая ее в заднем положении, отделить магазин и извлечь уткнувшийся патрон. Далее необходимо извлечь гильзу из патронника (затвором или шомполом) и продолжать стрельбу.

Вариацией такого рода задержки является «двойная (тройная) подача», когда затвор пытается дослат сразу два или даже три патрона в патронник. То есть передние концы пуль двух или трех патронов одновременно оказываются в патроннике. При этом затворная рама остается в среднем положении, а попытки перезарядки автомата отводом рамы чаще всего заканчиваются усугублением ситуации, когда вышедшие из магазина патроны еще сильнее расклиниваются у входа в патронник, делая дальнейшую стрельбу невозможной без разбора оружия. Данная ситуация не описана в Наставлении по стрелковому делу, но при этом довольно распространена.

Основными причинами возникновения такой задержки являются использование неисправного магазина с изношенной пружиной подавателя, а

также повреждения или внутренние загрязнения корпуса магазина. В этом случае подаватель не обеспечивает необходимого давления наверх и, соответственно, стабильной подачи патронов. Это приводит к свободному выпаданию боеприпасов в пространство ствольной коробки при откате затворной группы после выстрела.

Также известны случаи недоотката затвора со стреляной гильзой, когда он не доходит до отражателя, но при этом подхватывает патрон из магазина во время движения вперед. В этой ситуации в задержке участвуют и не выброшенная после выстрела гильза, и целый патрон.

Ситуация возникновения «сложной» задержки характеризуется попыткой спуска курка с боевого взвода без последующего выстрела. Мы уже знаем, что стрелку следует уметь отличать такую ситуацию от случаев полного израсходования патронов в магазине. И если стрелком установлено, что задержка произошла до окончания боеприпасов, то вот что необходимо сделать.

Быстро осмотреть положение рукоятки затворной рамы относительно ствольной коробки. Для этого, согласно общему правилу, необходимо наклонить оружие влево и заметить положение рамы относительно ствольной коробки. Если рама дошла до крайнего переднего положения и затвор закрыт, стрелку следует действовать по ранее описанному алгоритму устранения «простой» задержки. Но если при быстром осмотре видно, что рама явно не дошла до нормального переднего положения, то следует выполнить следующие действия:

- прекратить прицеливание, убрать автомат с линии огня и зафиксировать приклад под предплечье правой руки. При этом оружие сохраняет свое нормальное положение относительно земли, без наклона;

- правой рукой оттянуть затворную раму максимально назад и удерживать ее с силой, достаточной, чтобы освободить от удержания оружия левую. Левая рука понадобится для выполнения дальнейших действий;

- левой рукой отсоединить магазин. При необходимости экстренного устранения задержки магазин сбрасывается на землю, это экономит время;

- пальцами левой руки снизу через окно ствольной коробки освободить ее внутреннее пространство от оставшихся там патронов и гильз;

- осмотреть сверху внутреннее пространство ствольной коробки и убедиться, что никаких препятствующих дальнейшей стрельбе предметов в ней не осталось;

- вернуть левую руку на цевье, отпустить затворную раму и переместить правую руку на рукоятку оружия.

- левой рукой присоединить к автомату магазин, дослать патрон в патронник и продолжить стрельбу.

Необходимо помнить, что рассматриваемая задержка в большинстве случаев возникает по причине неисправности магазина. Поэтому сброшенный во время устранения задержек такого рода магазин будет считаться неисправным и не должен быть использован снова до момента его осмотра и ремонта.

Также следует отметить, что приведенный выше алгоритм действий, с одной стороны, лишает стрелка возможности вести огонь на довольно длительное время, а с другой – указанные действия крайне затруднительно выполнять на ходу и тем более – во время перебежки. Поэтому первоочередной задачей для стрелка, столкнувшегося со сложной задержкой при ведении огня вне укрытия, является как можно более быстрый уход с линии встречного огня и поиск относительно безопасного места для выполнения действий по устранению задержки.

Формирование устойчивого навыка по устранению сложной задержки происходит посредством выполнения соответствующих учебных упражнений. На первом этапе отрабатывается сам алгоритм и техника ее устранения. Для этого стрелок располагается стоя, лицом к мишени, досылает патрон в патронник, ставит автомат на предохранитель, принимает изготровку ожидания (или прицеливается в мишень) и докладывает о готовности. По команде руководителя стрельб: «Огонь!» – обучающийся в положении стоя начинает производить (или имитировать) прицельные выстрелы по мишени до команды инструктора: «Сложная задержка».

При получении этой команды стрелок производит быстрый осмотр положения затворной рамы, подтягивает автомат к себе таким образом, чтобы приклад оказался зафиксирован внутренней частью плечевого сгиба (подмышкой), правой рукой отводит затворную раму назад и удерживает ее в таком положении.левой рукой последовательно производится сброс магазина, очистка внутреннего пространства ствольной коробки через ее окно и переход на удержания цевья. После этого стрелок осматривает ствольную коробку и, убедившись в отсутствии препятствующих стрельбе предметов, отпускает затворную раму правой рукой и перехватывает ей рукоятку автомата, а левой рукой присоединяет другой магазин. Далее левой рукой досылает патрон в патронник и продолжает вести огонь. Выполнив требуемое количество выстрелов (или симитировав выстрел) после устранения задержки, стрелок разряжает оружие, ставит его на предохранитель и поднимает сброшенный магазин.

Количество повторений упражнения определяется инструктором на основе результатов обучающегося [4]. Несколько первых повторений производятся в спокойном медленном темпе, без резких ускорений и спешки.

Существует мнение, что описанный выше процесс можно оптимизировать, если присоединить новый магазин к автомату, не отпуская перед этим удерживаемую в заднем положении затворную раму. В таком случае последующее освобождение рамы приведет к досылу патрона в патронник без необходимости делать это отдельным движением. И это действительно несколько ускоряет процедуру подготовки автомата к выстрелу. Однако такой вариант действий авторы статьи считают неправильным, так как в этом случае нарушается последовательность унифицированного навыка экстренной перезарядки оружия, согласно которому после экстренного сброса пустого магазина необходимо сначала присоединить очередной магазин, а потом дослать патрон в патронник отдельным движением. Выполнение технического элемента по досылу патрона в патронник после перезарядки различными (более, чем одним), а не унифицированным способом, может привести к ошибке с критическими последствиями для стрелка.

В дальнейшем перед началом описанных технических действий добавляется тактический элемент быстрого ухода стрелка за укрытие, где будет происходить непосредственно устранение задержки [5].

Следует заметить, что автомат Калашникова, как основное автоматическое стрелковое оружие Вооруженных Сил и правоохранительных органов Российской Федерации, при правильном обращении и надлежащем уходе является надежным и практически безотказным оружием. По этой причине в образовательных учреждениях МВД России зачастую не уделяется должного внимания изучению вопроса устранения задержек при стрельбе из автомата и практически не отрабатываются соответствующие практические навыки.

Вместе с тем в современных реалиях террористической опасности и нарастающей военной угрозы для России со стороны недружественных стран освоение обучающимися образовательных учреждений МВД России навыков обращения с огнестрельным оружием в условиях боевых действий становится важной и актуальной задачей. Уверенные действия сотрудников при устранении задержек в этих условиях являются важнейшим элементом профессионального владения автоматом и помогут сберечь здоровье и жизнь полицейского в критической ситуации огневого контакта.

Литература

1. RAZVEDOS A (2022) Огневая подготовка: устранение простых задержек [учебно-методический видеоклип] // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LfaBcRLzjCM>. – (Дата обращения: 15.10.2025).

2. RAZVEDOS A (2022) Огневая подготовка: устранение сложных задержек [учебно-методический видеоклип] // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SVCGQKkEBPw>. – (Дата обращения: 15.10.2025).

3. Чайка, В. М. Наставления по стрелковому делу. – Москва: Воениздат, 1987. – 640 с.

4. Малофей, А. О., Кубекин, Д. Н. О влиянии отдельных индивидуальных физиологических особенностей стрелка на его подготовку // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: региональные аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: СФ КРУ МВД России, 2024. – С. 106–112 .

5. Бабаева, Б. Д., Малофей, А. О. Применение тактико-огневых элементов в обучении курсантов образовательных организаций МВД России огневой подготовке // Актуальные вопросы подготовки сотрудников правоохранительных органов в свете новых угроз. Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции / под редакцией В. Н. Гонтаря – Домодедово: ВИПК, 2022. – С. 243–246.

Юшкевич Антон Андреевич,
старший преподаватель
кафедры огневой подготовки УНК СП
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Параскевич Пётр Сергеевич,
старший преподаватель
кафедры огневой подготовки УНК СП
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

Ким Степан Александрович,
преподаватель
кафедры огневой подготовки УНК СП
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

**Комплексные стрелковые упражнения из пистолета как средство
повышения мотивации и поддержания интереса обучающихся к огневой
подготовке**

Согласно приказу МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» стрелковые упражнения, выполняемые

сотрудниками органов внутренних дел России в рамках практических занятий по огневой подготовке, являются основным средством формирования умений и навыков стрельбы из различных видов оружия [1].

Принцип дифференцированного подхода к профессиональной подготовке сотрудников, основанный на учете специфики выполняемых ими оперативно-служебных задач, предписывает курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России усиленный уровень подготовки, который предусматривает определенный перечень выполняемых упражнений стрельбы из пистолета и устанавливает их периодичность – не реже одного раза в две недели.

В соответствии с этими принципами обучающиеся образовательных организаций МВД России выполняют общие упражнения стрельбы из пистолета, которые подразделяются на подготовительные, учебные и учебно-специальные упражнения.

Несмотря на довольно внушительный список доступных для работы с курсантами и слушателями «пистолетных» упражнений (21 упражнение), можно заметить, что контрольными упражнениями, определяющими уровень профессиональной подготовленности сотрудников по огневой подготовке и выступающими по сути показателем качества учебного процесса, являются всего три из них – № 5, 6 и 7.

Очевидно, что именно на отработку указанных контрольных упражнений будут направлены основные усилия преподавателей образовательных организаций МВД России при определении приоритетных задач огневой подготовки в закреплённых учебных взводах.

В то же время практика проведения занятий показывает, что большинство обучающихся довольно быстро теряет интерес к выполнению регулярно повторяющихся однотипных стрелковых упражнений, что напрямую связано со снижением их мотивации [2]. Это обстоятельство приводит к замедлению развития и совершенствования стрелковых навыков сотрудников, а в некоторых случаях и к ухудшению результатов стрельбы.

Вместе с тем специфика деятельности обучающихся в рамках образовательной организации МВД России не позволяет многим из них посещать практические занятия по огневой подготовке регулярно. Различные наряды, участие в спортивных и строевых мероприятиях, служба по охране общественного порядка, пропуски по болезни и другие причины приводят к тому, что средняя посещаемость в учебных взводах колеблется от 61 до 78 процентов и составляет в среднем 70%. Это означает, что от четверти до трети курсантов и слушателей регулярно пропускают практические занятия по огневой

подготовке с тренировкой элементов одного из упражнений стрельбы из пистолета.

В этих обстоятельствах важное значение приобретает задача дать возможность обучающимся при посещения практического занятия проработать наибольшее количество элементов стрельбы из учебной программы. Это, с одной стороны, позволяет курсанту в рамках одного занятия поддерживать свои стрелковые навыки хотя бы на минимально требуемом уровне, а с другой – помогает преподавателю выявлять слабые места в конкретных элементах подготовки сотрудников. Выявленные недостатки помогут сориентировать обучающегося на дополнительную работу в часы самоподготовки.

Становится очевидным, что для достижения поставленной выше задачи необходимо сочетание стрелковых элементов в рамках одного упражнения. В утвержденном Приказе № 44 выполнение такого рода упражнений допускается пунктом 205.2 и называется комбинированием.

По мнению авторов данной статьи, комплексные (комбинированные) упражнения стрельб должны отвечать следующим требованиям (условиям):

1. содержать разнообразные стрелковые элементы учебной программы, но при этом соответствовать уровню подготовки обучающихся [3];
2. состоять из нескольких этапов, каждый из которых направлен на отработку отдельного элемента стрелковой подготовки или их сочетание;
3. должны быть оптимизированы для стрельбы сменой, использовать максимальную пропускную способность тира (стрельбища) и соответствующие мишени;
4. учебная смена последовательно выполняет все этапы упражнения без перерыва на стрельбу другой смены;
5. не должны требовать замены или заклейки мишени (отметки пробоин) между этапами;
6. критерии оценки упражнений должны соответствовать требованиям Приказа № 44.

Рассмотрим указанные требования подробнее. Сочетание стрелковых элементов из учебной программы для каждого семестра обучения в рамках комплексного упражнения позволяет в ходе одного занятия повторять и развивать широкий диапазон стрелковых навыков. Согласно Приказу № 44 такими элементами стрельбы являются:

1. стрельба по неподвижной цели (грудная, поясная, ростовая, силуэт собаки, колесо);
2. стрельба из различных положений (стоя, с колена, лежа);
3. стрельба на различные дистанции (5, 7, 10, 15, 20, 25 метров);
4. первый выстрел в ограниченное время;

5. выстрел после смены магазина;
6. серия выстрелов в ограниченное время;
7. серия выстрелов с переносом огня между областями поражения;
8. стрельба из салона автомобиля по неподвижной и движущейся цели;
9. стрельба в условиях ограниченной возможности для прицеливания (сильно ограниченное время);
10. стрельба после подачи голосовых команд;
11. стрельба с уходом с линии атаки;
12. стрельба по руке с огнестрельным или холодным оружием;
13. стрельба по силуэту ног;
14. стрельба со сменой огневой позиции;
15. стрельба с обозначением зоны поражения руководителем стрельб.

При определении набора элементов для конкретного комплексного упражнения нужно принимать в расчет не только методическую целесообразность такого комбинирования, но и количество боеприпасов, доступных обучающимся в рамках установленных норм положенности. В зависимости от этого комплексное упражнение может быть рассчитано, например, на 4, 8, 10 и т.д. выстрелов.

Разрабатывая комплексное стрелковое упражнение, оптимально будет начинать его с этапа стрельбы на близкую дистанцию (до 7 метров), а каждый следующий этап увеличивать расстояние до цели в случае необходимости.

Рассмотрим пример. Существует необходимость в рамках одного практического занятия, учитывая, что на каждого обучающегося доступно по восемь патронов, отработать такие виды скоростной стрельбы из пистолета, как:

- поражение зоны «рука с холодным оружием» стоя с близкой дистанции;
- поражение зон «голова» и «живот» со сменой положения для стрельбы со средней дистанции;
- поражение зон «грудь» и «живот» стоя с дальней дистанции.

Для определения необходимой мишени, последовательности обстрела указанных зон и времени, отводимого для производства выстрелов, обратимся к Приказу 44:

- для стрельбы по зонам, обозначающим верхние конечности человека, определено расстояние 5-7 метров и время 6 секунд на производство трех выстрелов, с учетом наличия патрона в патроннике (упражнения № 13, 15);
- для стрельбы со сменой положения по зонам, обозначающим голову и живот человека, определено расстояние 10 метров и время 12 секунд на производство четырех выстрелов (упражнение № 6);

– стрельба с заданными областями поражения (грудь, живот) с дальней дистанции, определено расстояние 20 метров и время 12 секунд на производство четырех выстрелов (упражнения № 7 и 19).

Таким образом, нас интересуют дистанции 5, 10 и 20 метров. Именно в этой последовательности и рекомендуется выполнять стрельбу: первый этап – с 5 метров, второй – с 10 метров, третий – с 20 метров. При такой очередности ведения огня обучающиеся после выполнения первых выстрелов имеют возможность наблюдать свои результаты, даже не покидая огневого рубежа, а преподаватель – оперативно комментировать их ошибки и вносить коррективы. Если наблюдение пробоин с линии огня затруднено или невозможно, целесообразно будет позволить стрелкам осмотреть мишени, совместив этот процесс со снаряжением магазинов патронами для выполнения следующего этапа упражнения. При этом отметка пробоин на мишенях в целях экономии времени не осуществляется.

В случае если при обстреле одной области мишени пробоина располагается в другой области, руководитель стрельб или его помощник делает соответствующую запись в ведомости результатов или непосредственно на мишени. Спорные пробоины, результат которых может повлиять на итоговую оценку, целесообразно зафиксировать на фото или видео для детального разбора после окончания выполнения упражнения.

Учитывая ранее озвученное условие оптимизации процесса выполнения комплексного упражнения, касающееся единственной для всех этапов стрельбы мишени, необходимо определить соответствующую мишень. Под условия нашего примера наиболее подходящей будет являться мишень № 2н (специальная поясная фигура с ножом). Данная мишень имеет все необходимые зоны поражения: руки, голова, грудь, живот. Хотя изображенная фигура не предполагает деление зоны № 3 на сегменты «грудь» и «живот», это возможно сделать самостоятельно, проведя горизонтальную линию на уровне талии силуэта. Для одинакового деления рассматриваемых зон на всех задействованных мишенях рекомендуется ориентироваться на изображения кистей рук.

Анализируя требования нормативов по огневой подготовке и время, отведенное на производство выстрелов по условиям упражнений Приказа № 44, можно вывести следующие рекомендации для временных условий комплексного упражнения стрельбы из пистолета.

Стрельба на 5 метров (для одной и двух рук):

- первый выстрел «из кобуры» стоя на 5 м – 4 секунды (норматив);
- время на выстрел после первого выстрела на 5 м – 1 секунда.

Стрельба на 10 метров:

- первый выстрел «из кобуры» стоя на 10 м – 4 секунды;
- первый выстрел «из кобуры» с колена на 10 м – 6 секунд;
- первый выстрел «из кобуры» лежа на 10 м – 9 секунд;
- время на выстрел после первого выстрела на 10 м – 2 секунды;
- первый выстрел после смены магазина стоя на 10 м – 6 секунд;
- первый выстрел после смены магазина с колена на 10 м – 7 секунд;
- первый выстрел после смены магазина лежа на 10 м – 9 секунд.

Стрельба на 20 метров:

- первый выстрел «из кобуры» стоя на 20 м – 4,5 секунды;
- время на выстрел после первого выстрела на 20 м – 2,5 секунды.

Общие рекомендации:

- смена изготовления между выстрелами – 2 секунды;
- перенос огня в пределах одной мишени – 1 секунда.

В итоге, определив все условия стрельбы и учитывая располагаемые боеприпасы, мы получаем следующие этапы комплексного упражнения.

1. Скоростная стрельба стоя по зоне поражения «рука с оружием» с близкой дистанции:

огневой рубеж: 5 метров;

количество патронов: 2 штуки (по 1 выстрелу в каждую руку);

время на выполнение упражнения: не более 6 секунд;

исходное положение: стоя, пистолет в руке, патрон в патроннике;

положение для стрельбы: стоя.

2. Скоростная стрельба по зонам поражения «голова» и «живот» со сменой положения для стрельбы со средней дистанции:

огневой рубеж: 10 метров;

количество патронов: 2 штуки;

время на выполнение упражнения: не более 8 секунд;

исходное положение: стоя, пистолет в кобуре, патронник пуст;

положение для стрельбы: 1 выстрел стоя в голову, 1 выстрел с колена в живот.

3. Скоростная стрельба по неподвижной цели (зона поражения «грудь») с дальней дистанции:

огневой рубеж: 20 метров;

количество патронов: 4 штуки;

время на выполнение упражнения: не более 12 секунд;

исходное положение: стоя, пистолет в кобуре, патронник пуст;

положение для стрельбы: стоя.

Критерии оценки комплексных упражнений разрабатываются в соответствии с критериями оценивания упражнений стрельб Приказа № 44:

- оценка «отлично» выставляется, если поражены все зоны и не менее 75% выстрелов поразили цель;
- оценка «хорошо» выставляется, если поражено не менее 75% зон и более 50% выстрелов поразили цель;
- оценка «удовлетворительно» выставляется, если поражено не менее 50% зон и не менее 50% выстрелов поразили цель.

После окончания выполнения комплексного упражнения проводится осмотр мишеней с занесением результатов в специальную ведомость. Для удобства заполнения ведомости рекомендуется оформлять ее таким образом, чтобы обстреливаемые зоны на мишени соответственно располагались и в самой ведомости. Рекомендуется также фотографирование всех мишеней учебной смены для разрешения возможных спорных моментов.

После записи результатов пробойны на мишени рекомендуется заклеивать специальными заклейками для мишеней в цвет пораженной области или использовать для этого малярный скотч-ленту соответствующего цвета. Заклеивание мишени значительно упрощает поиск пробойн стрелков следующих смен и позволяет продлить срок службы мишени.

В случае если в мишень было произведено восемь и более выстрелов, рекомендуется осуществлять ее заклейку вне рубежа осмотра. При такой схеме вторая смена обучающихся прибывает на исходный рубеж со своим комплектом мишеней, а отстрелявшая первая смена снимает стреляные мишени и относит их на обозначенное руководителем учебное место, где производит заклейку и передает их третьей смене. Использование двух комплектов мишеней позволяет сократить время нахождения отработавшей упражнение смены в боевой зоне тира и тем самым увеличить пропускную способность стрелковой галереи в рамках учебного занятия.

Рекомендуется предварительно ознакомлять обучающихся с условиями предстоящего комплексного упражнения. Это делается для экономии времени на инструктаже, предварительное ознакомление обучающихся с упражнением через каналы связи ускоряет процесс проведения занятия. Лучше всего для этих целей подходит текстово-графическое объявление с условиями выполнения упражнения.

Комплексные упражнения стрельбы из пистолета позволяют не только разнообразить учебный процесс по огневой подготовке при освоении ее практического раздела, но и оптимизировать обучение на этапах совершенствования стрелковых навыков. Комбинирование элементов стрелковых упражнений из пистолета стимулирует интерес обучающихся к

посещению практических занятий и повышает их самооценку, мотивацию к профессиональному росту и общую мотивацию.

Литература

1. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>. – (Дата обращения: 14.10.2025).

2. Константинов, В. Н., Егошин, И. В. Повышение учебной мотивации к огневой подготовке курсантов образовательных организаций МВД России // Полицейская деятельность. – 2022. – № 2. – С. 51–66.

3. Хараев, А. А., Чайченко, Д. В. Обязательные элементы техники стрельбы из пистолета, используемые в процессе организации огневой подготовки сотрудников полиции // Право и управление. – 2022. – № 10. – С. 215–218.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
(20 октября 2025 г.)

Подписано в печать
Авт. л. Заказ

Краснодарский университет МВД России
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.